ПИОНЕР

12
1987
ISSN 0130–8009

С Новым годом!

Мы точно знаем, что в году 365 дней, двенадцать месяцев, тридцать шесть недель, четыре квартала. Несложный подсчет — и можно прикинуть количество часов, минут и секунд, которые составляют год.

Спасибо тому, кто когда-то — очень давно — расчертил разноцветный холст времени на эти строгие клеточки. С клеточками жить легко, потому что все можно спланировать заранее.

Но когда год проходит, вдруг понимаешь, что дней, часов и минут не было. А были **события** — самые важные, самые яркие, горькие и счастливые мгновения жизни. У каждого они свои, эти главные мгновения года. Но в этом, уходящем году мы все, взрослые и дети, особенно остро почувствовали, что есть у нас не только свои, личные события, свои планы и мечты, но и мгновения общей судьбы. Судьбы народа и страны.

Многое, очень многое в этом году было впервые. Или впервые за много лет. Станешь повзрослее — обязательно пролистай подшивки газет и журналов за этот год, 1987-й, уникальный год в истории страны. Год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. И ты поймешь, какие важные решения приняла партия в этом году, какие принципиально новые законы стали народным достоянием. Впервые за много лет так свободно и открыто обсуждаем мы свои проблемы. Не боимся «сказать лишнего», не оглядываемся на незыблемые авторитеты. Знаем, что главное — идти вперед, а ровной и гладкой дороги не бывает. Впервые за много лет миролюбивые инициативы Советской страны открыли человечеству путь к реальному разоружению.

Но так ли уж все безоблачно? Конечно, нет. И не случайно твои родители в этом году как никогда много говорят дома о работе, нервничают и волнуются.

Раньше директор завода или фабрики отчитывался только перед своим начальством — как правило, по «бумажным» показателям. А сегодня ему нужно отчитываться еще и перед рабочими: сколько квартир будет построено, как изменится труд. Но и рабочему нелегко: госприемка начисто «отменила» на предприятиях брак, то есть грязную, плохую работу.

...Мгновения года. О чем они говорят? Если приглядеться — о том же самом. О том, что время само не «бежит». Оно бывает разное, время — ленивое и заплесневевшее, стремительное и молодое. Оно такое, какие мы сами — те, для кого без остановки тикают часы.

Не опоздай!

Вот эти, только что родившиеся дети еще ничего не знают ни о времени, ни даже о том, что они люди. Но их жизнь уже оплачена яростной борьбой миллионов добрых и честных людей — за мир, против войны. ЗА БУДУЩЕЕ время этих младенцев.

Вот этот свежий, горячий, золотистый хлеб. Если сегодня семейный экипаж комбайна, семейная ферма, семейная бригада не снимут урожай, не откормят телят, не возделают землю так, как умеют и могут, завтра этот хлеб станет суше, черствей.

Выходит с 15 марта 1924 г.

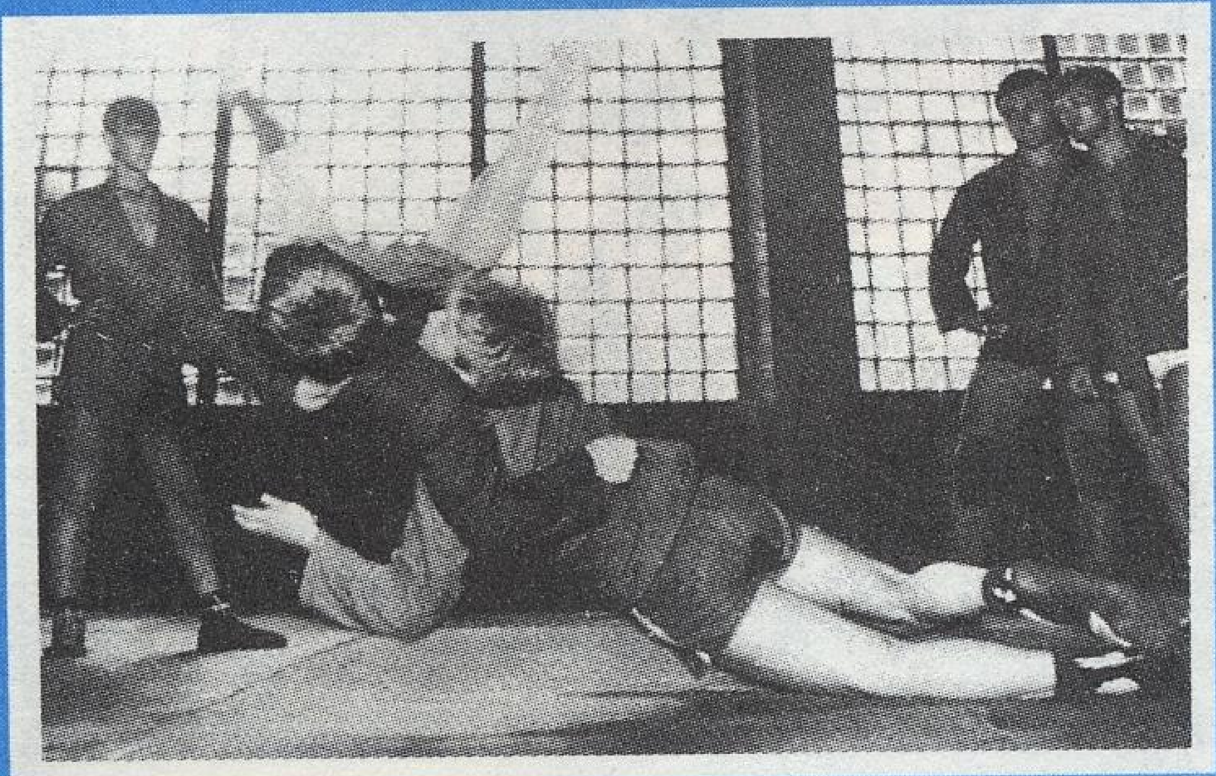
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

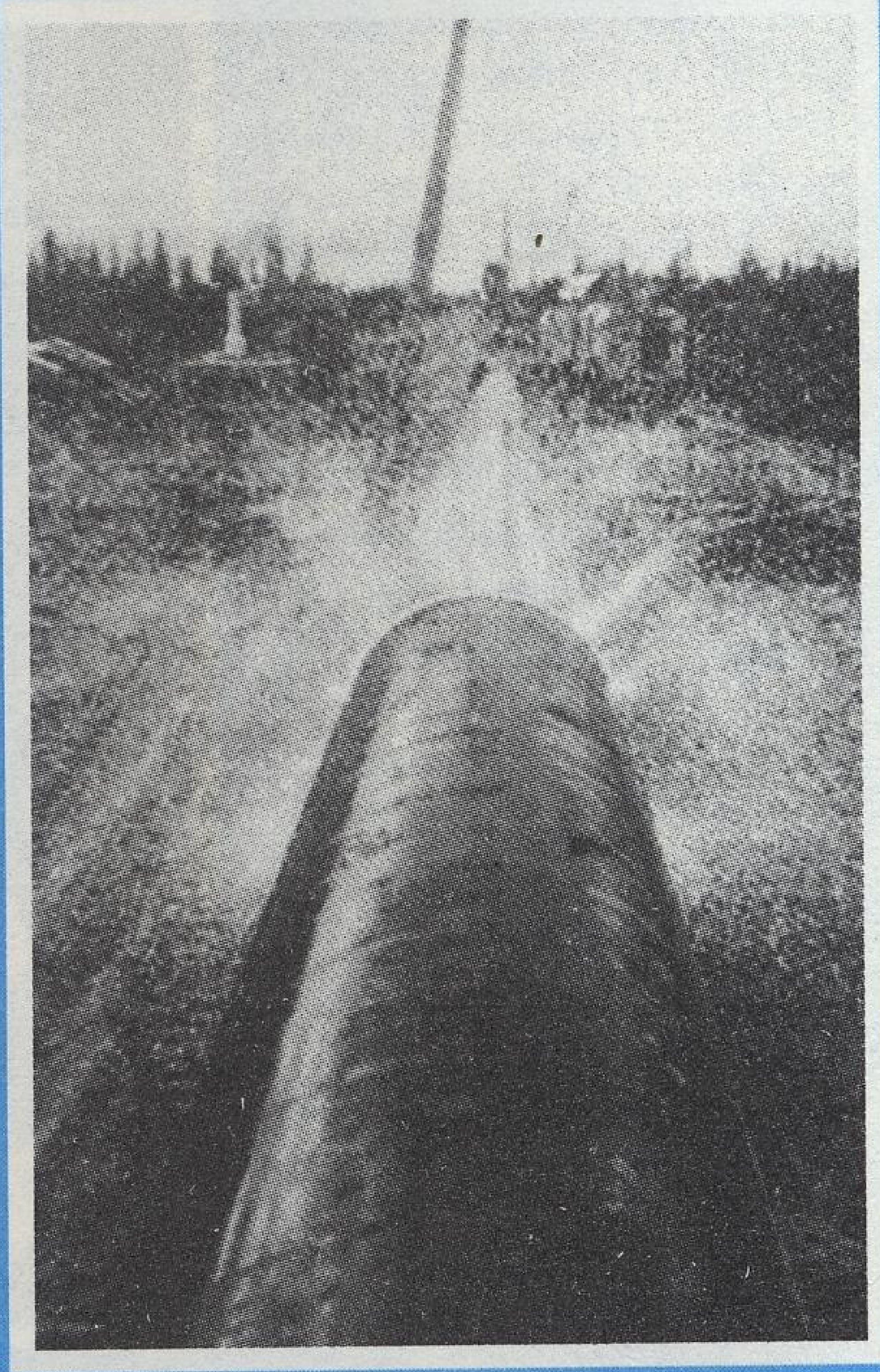
ДЕКАБРЬ 12

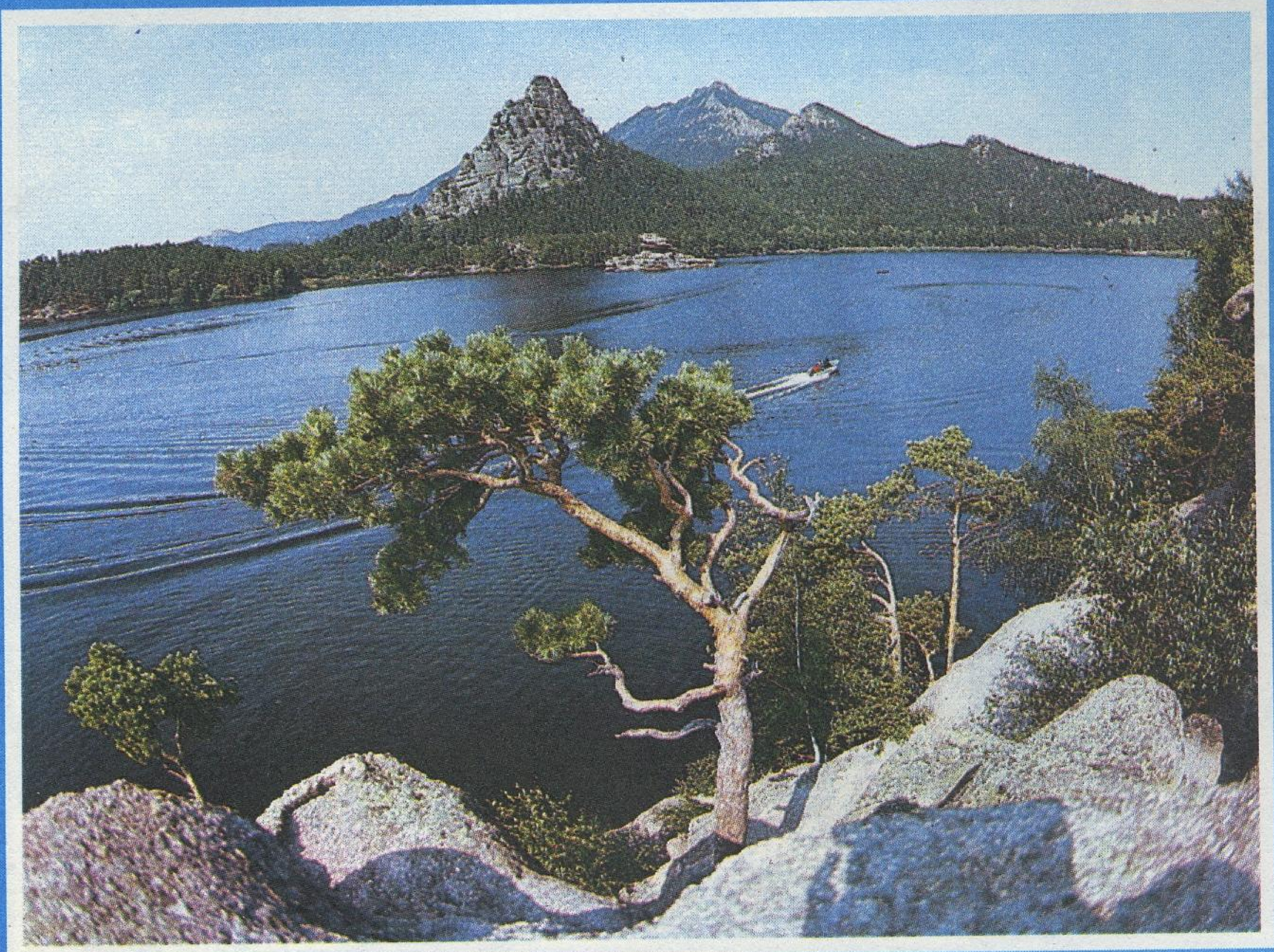
Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

...Яростно режет лед атомоход «Сибирь», спасая полярников. Яростно проводит прием парень в самбистской куртке. Если сегодня ему не хватит решительности и азарта, кто встанет завтра за руль огромного корабля?



Встает над лесом прекрасный молодой город. Идет вперед по тайге новый газопровод. Устало смотрит на нас геолог с БАМа — сколько сделано, а сколько еще предстоит? Но вглядитесь в это озеро с тихим, ласковым названием Боровое на границе Сибири и Казахстана. Если завтра оно погибнет, как погибли уже многие тихие и ласковые озера, реки, луга, нужны ли нам сегодня новые города, газопроводы и дороги? Нужны ли такой ценой?





...Время — это мы. Можно мерить его песочными часами, спокойно переворачивая колбочку — пусть себе сыплется. А можно с помощью сверхновых — электронных. Кому как нравится... С Новым годом, читатель!

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА, А. ЖМУЛЮКИНА, Б. ЗАДВИЛЯ, А. ЛЕХМУСА, М. СЕРДЮКОВА.

Арсений **РУТЬКО**

ПАШКИНЫ КОЛОКОЛА

ПОВЕСТЬ
О ПАВЛИКЕ
АНДРЕЕВЕ

В канун второго январского воскресенья, заглянув в «красную», Пашка увидел необычную картину: трое студентов и Люсик, стоя на коленях, писали кистями на фанерках и полотнищах огромные печатные буквы. Он сразу догадался, что к чему. Михельсоновцы тоже решили завтра бастовать, почтить память рабочих, расстрелянных девятого января перед Зимним дворцом. Люсик говорила об этом на кружке.

— Значит, и вы пойдете, Люсик-джан? — спросил Пашка девушку.— Вместе с рабочими?

— А как же, Павлик?! Но вот беда! Красками не успели запастись, а написать хочется побольше. Лавки закрыты. Просто не придумаем, где достать!

— Рабочему классу привет! — шутливо салютовал кистью Алеша Столяров.

Пашке вспомнился флигель во дворе, откуда Ершиновы вытаскивали царский портрет. У Зеркалова, конечно, есть всякие краски, а именно у него Гдалька иногда подрабатывает, грунтуя холсты.

— Павлик, миленький, выручай! — воскликнула Люсик.— Найди Гдальку, я дам денег, сбегайте к художнику. И возвращайся поскорее, время не ждет! Нужно, чтобы к утру флаги и лозунги просохли, а то краска размажется.

Зеркалова мальчишки отыскали в ресторане Полякова, и он даже обрадовался трешнице: не хватало на пиво. А где найти краски, Гдалька знал: был в мастерской своим человеком.

Через полчаса Пашка явился в столовку с банками красок. Обрадованная Люсик попросила его помочь замазывать кармином начерченные углем на холсте силуэты букв. И трудно передать восторг, с каким мальчишка схватился за кисть и опустился на колени перед разостланной холстиной.

Домой вернулся за полночь, но мамка не спала. Ткнулся губами в щеку — за ласку она все прощает!

— Ты уж извини, мам! Завтра же демонстрация!

— Господи! — вздохнула мать.— Хотя и мы, голутвинские, собираемся... А ты... не ходил бы, сыночек! Вдруг стрелять станут.

— Да ты что, мам?! — возмутился Пашка.— Все кузнецы пойдут, а я, как крыса, в нору, да?!

— Боюсь за тебя, сынонька! Без крови-то не обойдется!

На следующее утро на Калужскую и Серпуховскую площади стали собираться рабочие. Пашка убежал из дома пораньше. Андреич не перечил, смотрел с гордостью.

— Однако не шибко ершись, Павел! — наказал он.— Про мать помни!

Улицы полны людьми. Во дворах полицейского участка и пожарки покуривают юнкера и жандармы. Звякают о камень приклады винтовок, казачье в заломленных папахах гарцует на сытых жеребцах. У этих вояк коней на фронт не позабирали, им здесь воевать. Помнишь, Арбуз, Люсик вчера на прощание сказала: «И здесь, Гаврош, тоже фронт!»

Калужская площадь запружена толпами, словно в ярмарочный день. Но все спокойны. Накану-

---

Окончание. Начало в № 11.

не строго предупреждали: никакого оружия, не дать повода к провокациям! С волнением Пашка перечитывал красные слова на белых полотнищах. Вон те «Проклятие убийцам!» как раз он и красил! Январский ветерок развевает их над людьми. На душе — будто поют весенние птицы — весело, празднично.

На Серпуховской каланче колокол пробил десять. Повинуясь чьей-то команде, рабочие выстраивались в шеренги, в колонны. Интересно, куда же двинут? Неужто в самый центр, к Кремлю?

Пашка отыскал глазами своих, потом голутвинских и среди них — мамку. А вон и студенты, стоят особой кучкой, но рядом — рабочие. Здорово!

Сильный молодой тенор высоко вскинул первые слова песни:

Есть на Волге утес, диким мохом оброс...

Тысячи голосов подхватили, заиграли гармошки. Что ж, такую можно — не запрещенная, народная!

Демонстрация тронулась к мосту через Москву-реку. Но внезапно появившиеся жандармы, солдаты и юнкера не дали рабочим пройти и четверти версты. Пешие солдаты выстроились поперек улицы, ощетинившись штыками. Казачьи кони рысью выскакивали из переулков.

Песня и гармошки стихли. Колонна пошла медленнее, но Пашке она все равно представлялась могучим потоком, который невозможно остано-

Рисунки А. БОРИСОВА.

вить. Привстав на цыпочки, он разглядел впереди вздыбленную лошадь, ее оскаленные зубы. Над фуражкой офицера сверкнула сабля.

Тишина. Только скрип снега, гомон воробьев и гульканье голубей на крышах. Даже шелест на ветру ближнего к Пашке флага слышен. Но вот в стеклянной тишине, ломая ее,— резкий, требовательный приказ:

— Ра-азойди-ись! Не-мед-лен-но!

Передние замедлили шаг, но все же двигались прямо на штыки. Скрипел снег. Чирикали воробьи. И снова команда, грубая и злобная:

— К пле-ечу!

Толпа двигалась медленно, но неудержимо. Скрипел снег. Ворковали голуби.

— Солдатики! — тонкий женский голос.— Мы же безружные! Неужто...

Звонкий тенор, только что вскинувший песню:

— Товарищи! Они не посмеют!

Но тут же прогремел залп. И хотя никто не упал,— видно, стреляли в воздух,— толпа шарахнулась в стороны. Конные казаки давили людей лошадьми, хлестали нагайками, били ножнами шашек.

Пашка пытался пробиться туда, где увидел мамку, его сбили с ног. Вскочил, закричал отчаянно:

— Мамка-а-а!

Казак, наклонившись с седла, хлестнул Пашку плетью по лицу. Воя от боли и ненависти, мальчишка упал, пополз к забору. Сквозь текущую со лба кровь видел, как кого-то тащили за ноги, лицом по камням. Рядом с избитым волоклась гармошка, всхлипывая, словно живая...

А часом позже по той же Большой Серпуховской волной катилась другая толпа, несла портреты царя и иконы. Блестели позолотой и серебром хоругви. Впереди, сверкая ризами,— отец Серафим и еще два священника. Ни полиция, ни казаки не мешали шествию.

— Боже, царя храни! Светлый, державный, царствуй на славу...

Пашка всматривался в краснощекие лица, в дорогие полушубки и шапки, всматривался и чувствовал, как жгучая боль бессильной ненависти распирает грудь.

Гляди, гляди внимательно, Пашка! Ведь это же Ершинов и его старший сынок торжественно несут тот самый портрет! Ну да! И его создатель, Зеркалов, гордо задрав голову, вышагивает рядом. И этот заодно с ними!

Недалеко от института Пашка столкнулся с Люсик и ее неизменным спутником Алешей Столяровым.

— Н-да, дела! — буркнул Алеша, глянув в разбитое лицо мальчишки.

Люсик обняла Пашку со слезами на глазах.

— Павлик! Миленький!

— А вы? — во весь голос, с болью закричал он.— Зачем допускаете? Вас же много!

— Погоди, Павел! — серьезно и твердо отозвался Столяров.— Не наш час!

И это строгое «Павел» непонятно успокоило Пашку. Забежал на минутку домой и облегченно вздохнул: мамка и батя живы-здоровы. И снова выскочил. В окно лавки увидел, как Ершинов и сынки устанавливали на место царский портрет. И тут дерзкая мысль осенила Пашку. Бросился к дому Козликовых, где собиралась по вечерам дружина.

— Братва! Взрослые пусть как хотят. А мы... Где бы ведерко дегтя достать?

Витька Козликов посмотрел с усмешкой.

— В любом ямском подворье, в каретнике!.. Кого мазать?

— А ты, Козлик, догадливый! — засмеялся Пашка.— Ну и тащи сюда! — Помолчал, хмуро осмотрел товарищей.— Поглядел я нынче, как пузаны царев портрет несли, такая злость закипела, слов нет! Видели, как того кузнеца-запевалу с гармошкой лицом по мостовой волокли?

— Не слепые! — бросил Васятка.

Через полчаса, убедившись, что Зеркалов пьет свое пиво в ресторане Полякова, мальчишки подобрались к его флигелю. Где хранится ключ от мастерской, теперь знал и Пашка.

— Чур, братва, уговор! — предупредил перед дверью.— Мы не воришки какие, а мстить идем за всех избитых, за мамок и отцов наших, понятно?

— Не дураки! — в голос отозвались Козликов и Дунаев.

В мастерской Пашка велел Гдальке зажечь лампу, поднял над головой. Чинными рядами стояли вдоль стены и готовые, и недописанные царские портреты. И вдруг у Пашки сладко и легко дрогнуло сердце. Над неопрятной кроватью блеснуло красками что-то знакомое. Подошел ближе. Огромные, позолоченные солнцем сосны и под ними — синяя, манящая глубь, отражающая облака. То, что довелось Пашке увидеть на Брянщине, на мамкиной родине... Неужто и Зеркалов оттуда? Или жил там? И бегал босиком по ромашковому полю, и гляделся в синюю омутную глубину?.. Вот и рисовал бы такое, людям в радость, цареписец подлый!

— Ишь, сколько их тут заготовил! — перебил Пашкины раздумья Витька.— На все купецкое Замоскворечье! И все красавцы, как женихи!

Гдалька мазать дегтем портреты отказался, присел у двери.

— Не, не трус я, сами знаете,— виновато шепнул он.— Ну, поймите, ребята, не могу... Он ведь когда и покормит, и рублевку даст...

— Совесть? — спросил Пашка, вспоминая слова отца.— Ну, ладно, шут с тобой! Но он же,— Пашка ткнул кистью в один из портретов,— тысячи и тысячи из рабочих губил и губит! Вспомни про то воскресенье в пятом году, как Шиповник рассказывала...

Все же Гдальку оставили в покое и принялись орудовать кистями. Вскоре на портретах красовались дегтярные усы и бороды, на каждом из портретов Пашка крупно написал поперек: «Убивец!»

Засыпая в ту ночь, со страхом думал: а если сыщики с их учеными собаками нападут на след? Что тогда? Ну, Пашке, известное дело,— каторга! Он не боится! А мамке и бате? Они же ни в чем не виноваты. Вот так и скажу, если поймают. И про дружину смолчу: один, дескать, все обделал, без никакой помощи!.. И совершенно отчетливо представил свое лицо за ржавыми прутьями комнаты свиданий, когда Люсик-джан принесет ему передачку. И заснул счастливый...

* * *

Кончилась зима тем, чего и ждали: грянула революция.

В тот февральский день Пашка привычно шуровал у горна, когда по цеху пронесся отчаянно-радостный, зовущий крик. Пашка уронил в огонь раскаленную заготовку, оглянулся. Кто-то рывками, словно дикая кошка, карабкался по лесенке подъемного крана. Переставали бухать паровые

молоты в соседнем цехе, застыли на рельсах вагонетки. И из кабины подвесного крана высунулись чумазое лицо и две руки.

— Кончилась каторга, братцы! В Питере Николашку свергли!

Внизу уже размахивали самодельным флагом — красной рубахой, нацепленной на стальной прут.

Улицы Замоскворечья бурлили, словно реки в весеннее половодье. И странно: через ворота выходили не вразброд, как обычно после смены, а выстраивались в ряды. Пашка шагал между отцом и Сашей Киреевым, жалел: нет рядом Андрея!

Погода — совсем весна! Стеклянно звенели, падая с крыш, капели, белые кружева облаков паутинились в мраморно-голубом небе. Пашка смотрел то в небо, то в восторженно-радостные лица, вслушивался в голоса:

— Так что же, братцы? Может, следом и Михельсона, и Бромлея, и прочих коленкой под нижнее место?

— Ну! Запросто шкуродеров не повалить. Куда по России ни глянь, все кругом их собственность! Не каждая рука к чужому тянется!

— С германцем чего? Замирение аль по-прежнему кровавить да могилить друг дружку? Война-то царева была!

— А что?! Сложиться бы, ребята, деньжатами, да выкупить у Михельсона заводище, а?! Сами хозяева...

— Ты выкупишь! В кармане-то вошь на аркане да блоха на цепи!

— Силой брать надо!

Шумели сотнями голосов, проклинали свои беды-болячки, делились мечтами. И небо кружилось над землей мраморно-голубое, и пели птицы.

Жалко, флагов впереди нет! Вот и врешь, Арбузище! Вон она, красная рубаха на пруте стали-серебрянки. И вон еще один — полушалок с красными цветами какая-то девка-краса не пожалела!

Покрывая тысячеголосый говор, раскатывается над толпой могучий бас: «Но настала пора и проснулся народ...»

— Батя! Я на Голутвинку!

— Дело, сын! Обрадуй мамку! А там, глянь, и Андрей вернется!

Пашка выбрался из заводских рядов, его тут же полонила дружина. И тоже шум: как? Что? Куда?

На ступенях церковной паперти плакала старуха нищенка:

— Неужто он от нас отказался? Как же без него?!

Не тужи, бабуся! — крикнул Пашка.— Новый будет!

— Кто новый-то? — Нищенка радостно вскинулась.— Царевич Лексей, да?

— Народ, бабуся!

Скорбные глазки блеснули гневом.

— У, безбожник! Вся благодать к нам через царя...

— А много ли благодати тебе выпало, старая? — с жалостью спросил Пашка.— Хлебца ситного досыта ела ли, бабуся?

— Паш,— дернул вожака за рубаху Витька.— Глянь-ка вверх!

В проеме колокольни мельтешилась рыжая бородка звонаря Исаича. Пашка раздумывал всего секунду.

— За мной, дружина!

Ход на колокольню знали с детства. Когда звонарь забывал запереть, забирались туда, любовались Москвой, крали из голубиных гнезд по яичку. Начисто не обирали. Сейчас вскарабкались за минуту. Стоя спиной к ним, Исаич с ужасом глядел вниз.

Пашка подхватил конец веревки главного колокола.

— Эй, мастер колокольного звона! Играй пасхальный!

Звонарь обернулся с ошалелым лицом.

— Кем велено? По какому случаю?! До Пасхи-то еще...

— Народом велено! Революция! В Питере царя скинули!

— Врете, шпыни! — Потрясенный Исаич обессиленно сел на пол.

— Бей-трезвонь, робя!

Никогда еще Замоскворечье не слышало такого дикого звона. Во всю силу громыхал большой колокол. Повиснув на веревке, Пашка качался, прыгал из стороны в сторону. Исаич, сидя на полу, вопил:

— Проклянет отец Серафим, проклянет!

— Ну, хватит, братва! Айда! Главное бы не прозевать! Двинули!

Но не вытерпел, глянул вниз. Вот это да! По улицам и площадям половодьем текут человечьи реки к центру, через мосты, а кто-то бежит и прямо по льду. Краснеют лепестки знамен, серебряными родниками пробивается сквозь шум музыка гармошек. И солнышко. Ух, до чего здорово!

Мощным течением людской реки мальчишек вынесло к Городской Думе, на площадь у Большого театра. Своих Пашка увидел издали — красная рубаха размахивала рукавами. На крыльце Думы блестел очками важный старик в лисьей шубе.

— Час свободы пробил! — надрывался он.— Царское правительство низложено! Тяготы власти до созыва Учредительного берем на себя мы...

Негодующий рев толпы:

— Кто «мы»?! Вы! Самозванцы! Сами себя навыбирали!

— Долой войну! Восьмичасовой! Открывай хлебные лавки!

Не обращая внимания на брань и тычки, мальчишки добрались до кирпичной стены, влезли на подоконные карнизы. Отсюда все видно! Над морем голов — расцвет флагов, словно маки в траве. А на крыльце Думы уже другой, в каракуле, апостольски вздымает руки:

— Биться с врагами Руси до победы — священный...

Дюжий матрос плечом отталкивает оратора.

— Братишки-рабочие! Не слухайте буржуйскую брехню! Ишь, до победы, толстячок! Граждане! В Питере политиков из «Крестов» и Петропавловки высвободили! А у вас что?! В Бутырках сотни! В участках!

И в ответ тысячеголосое:

— К тюрьмам! В Бутырки! В Арбатский арестный!

Неужто Пашка и дружина останутся в стороне? Через полчаса они видят, как железные ворота Бутырок напором тысяч выворочены прямо с петлями. Выводят арестантов, подхватывают на руки, несут, одного из них ставят на прикаченную от пивной бочку. Худой, страшный, а глаза — словно раскаленные в горне железки. Он машет худющей, как щепка, рукой. Кому? Не Пашке ли? И где же Костя Островитянов?!

— Товарищи, други! — захлебывается кашлем худой.— Спасибо за досрочное... Мы знали, что... неизбежно! Но не обольщайтесь первой победой. Борьба впереди! Богачи не отдадут награбленного, попытаются перехватить вырванную у царизма власть! Не поддавайтесь на уговоры...

А, вон и Костя, у самой бочки! Пашка протискивается к нему. Горячая ладонь ласково касается лба мальчишки.

— А, Павлушка! Помолчи. Феликсу трудно говорить!

...Ночью, засыпая, Пашка перебирает обрывки, лоскутки дня... Через толпу к Косте пробиваются Люсик и Алеша, кто-то из студенток плачет у него на плече... Булыжины летят в вывески «Поставщик Дворца Его Величества»... Драные сапоги лихо отбивают чечетку на царском портрете посреди улицы... Опрокинутая будка Обмойкина... И тысячеголосый крик над площадью:

— Даешь нашу, рабочую революцию!..

* * *

Два дня шумела и праздновала Москва. С утра до вечера на улицах полно, и все одеты словно на Пасху. Ни городовых, ни приставов: попрятались, затаились по углам.

Одно возмущало Пашку. Революция-то — рабочий праздник. Чего же богачи да чинуши примазываются? Ишь, как разоделись, разгуливают по Серпуховке. Небось, портреты царские все ж берегут. Утром выскочил во двор за дровами, глянь — холст у забора. Подошел, повернул. Царь!

— Ага, здесь кукуешь? — подмигнул Пашка царю.— На пару с Лопушком? Ну, кукуй, кукуй! — Хотелось плюнуть, но сдержался: по закону дружины лежачих не бьют.

День, другой молчали заводские гудки. Мамкины рублевки за иконой таяли быстрее, чем снег на вешнем солнышке: все дорожало и дорожало. По вечерам у Андреевых грудился народ — судили, рядили: что дальше? Ждали вестей из Питера, замирения с немцами, но ничего такого не слышно.

«Красная» комната тоже не пустовала. Студенты, рабочая молодежь. С тревогой передавали: командующий Московским военным округом полковник Грузинов стягивает в город казачьи части, вооружает юнкерские школы. Сейчас у него больше ста тысяч штыков и сабель — не шутка!.. Значит, готовиться к боям? И Дума, и Земская управа заседают дни и ночи, но и рабочие не дремлют, выбрали буржуям в противовес по заводам и фабрикам свои Советы, выбрали и Московский, михельсоновцы туда и Андреича выдвинули. Пашка ходил по улицам, гордо закинув голову, а мамка горько посмеивалась:

— Так они и послушались ваших советов, пузатые.

— Ну, мам! — возмущался Пашка.— Ведь революция!

— Мал ты, Пашенька, о большом судить! И душа у тебя детская, добрая...

Как-то в яркий солнечный день столкнулся на Серпуховке с Люсик и подружками-студентками. Люсик подозвала, представила девушкам как своего лучшего ученика. Пашка вдруг заметил, что с другого тротуара за ним наблюдает Танька-«принцесса», Ершиновы тоже разгуливали в те дни семейством.

Танька смотрела с такой злобой, что у Пашки защемило сердце: «Продаст она Лопушка теперь, продаст, подлая!»

Так и вышло. Утром он вынес псу миску объедков и услышал со второго этажа шепот:

— Покорми, покорми блохастого последний раз, студенткин любимчик! Ужо папаня велели отвести дармоеда на живодерку!

Ошалевший от горя Пашка выскочил на улицу, а здесь — новая беда. Еще до того, как загремели в дверях запоры, юркие людишки пробежали по городу, расклеили по стенам и заборам белые листки. Возле сразу собрались люди: «Что такое? Чей приказ?»

— Кто грамотный? — шумели в толпе.— Давай читай! Про чего там? Не мир ли с германцем?

Пашку пропустили к забору, он прочитал вслух и раз, и другой, и третий. Приказ командующего округом о том, что в городе вводится «второе положение охраны». Всем рабочим завтра вернуться на работу по фабрикам и заводам, саботажники предаются военно-полевому суду, как изменники родины.

Рядом с Пашкой топтался солдат на костылях, его и стали тормошить.

— Э-гей, служивый! Это чего же такое: «Вторая охрана»?

— Чего?! — передразнил тот.— А так и понимай: военное или осадное. Зажать народишко в железный кулак!

И вечером на кружке Люсик объясняла: временные правители решили продолжать войну до победы.

— Как же это, Люсик-джан? — недоумевал Пашка.— Революция, царя нет, а все, как было, так и осталось?!

— Революция-то буржуйская, Павлик, а они и хотят войны. Костя Островитянов шутит: «Буржуям бублик, а рабочим — дырка от бублика, вот что такое буржуазная республика!»

После кружка Пашка рассказал Люсик о Лопухе. Шиповник спросила:

— А ты, Павлик, можешь его вывести через подвал на улицу?

— Запросто! На ночь его с цепи спускают!

— Вот и славно! — обрадовалась девушка.— Приводи сюда. Будет жить в сарае у тети Даши, караулить крупу да капусту.

* * *

И снова ревели по утрам заводские и фабричные гудки, бухали в кузнечном цехе молоты, снова маршевые эшелоны отправлялись на фронт.

И хотя заводские Советы ежедневно собирались и толковали о самом наболевшем, «двоевластие» фактически кончилось: везде и всем распоряжались богачи да те же чинуши, опиравшиеся на военную силу гарнизона.

— Да настанет ли когда наша, рабочая революция? — приставал Пашка к Люсик, провожая ее после кружка.

— Обязательно, Павлик! Уж если народ царя скинул, то с десятью министрами-капиталистами как-нибудь справится! И Советы у нас остались. «Социал-демократ» легально печатается. И это немало!

Несколько шагов прошли молча. Тихая апрельская ночь стояла над спящим городом.

— А сейчас, Павлик, открою тебе секрет,— сказала, глянув по сторонам, Люсик.— Завтра уезжаю...

— Совсем? — испугался Пашка.— Навсегда?

— Нет, миленький! В Петроград на недельку. Товарищи посылают на партконференцию. Я ведь член партии с шестнадцатого! В Питере узнаю новости, увижу и услышу Ленина. Он снова в России.

— Вернетесь, расскажете о нем?

— Ну как же! А пока никому ни слова! Приеду, вместо кружка организуем молодежную ячейку в помощь партии. Но молчи! Договорились?

— Ну! Ваше слово — закон, Люсик-джан!

Из Питера Шиповник вернулась такая веселая и бодрая, какой Пашка ее никогда и не видел. Без устали ходила по фабрикам и заводам, по рабо-

чим баракам и «спальням», рассказывала об «Апрельских тезисах» Ленина: «Война войне!», «Вся власть Советам!». И Пашка в свободное время был первым ее помощником, бегал с поручениями, относил рукописные листочки в типографию Сытина. Редактор «Социал-демократа» Иван Иванович Скворцов-Степанов и день, и ночь сидел в «красной» — к Пашке он привязался, как к собственному сынишке.

Случилась у Люсик еще радость, о которой она не уставала рассказывать: на конференции встретилась с Еленой Стасовой.

— Для меня это драгоценнейший подарок судьбы! — говорила Люсик.— Потому что Стасова — самый громкий колокол моей жизни, зовущий на борьбу за справедливость! И, представьте, старая большевичка, одна из помощниц Ильича, заплакала, увидев меня!

...Вот так и катилась жизнь, хотя, по выражению Андреича, она и без колес. А летом донесся страшный слух о расстреле в Питере мирной демонстрации, о решении Керенского арестовать Ленина и судить якобы за измену родине. И рабочая Москва снова бурлила, как перегревшийся паровой котел. Письма от Андрея перестали приходить совсем, и мамка чахла на глазах. Но ближе к осени прилетела весточка, а следом вернулся и сам Андрей.

Произошло это так. Поздно, в час ужина, в дверь Андреевых постучали. Пашка открыл. За порогом — солдат с рукой на перевязи.

— Мне бы Андреевых. Записка у меня...

— От Андрюшеньки?! — задохнулась мать.

Пашка помог раненому снять шинель, тот подошел к столу.

— Воюет наш-то?! — не вытерпел Андреич.

— Отвоевался! — буркнул солдат, усаживаясь.— В Бутырках, однако, на многие замки запертый...

— За что? — шепотом спросила побледневшая мамка.

— А не бунтуй против начальства! Против войны не агитируй! На Двинском фронте таких молодцов тысяч двадцать по каталажкам напихано, а самых дерзких сюда привезли... Ты Павел, что ли? Брат сказывал — грамотный. На вот, читай!

Сначала мамка, потом отец бережно подержали в ладонях клочок бумаги, а уж потом он попал к Пашке.

«Мамка, батя, Павлушка! Я живой и здоровый. Сидим в Бутырках, держим голодовку. Считаю — днями буду дома. Ма! Еды никакой не носи, только табачку-самосаду позлее, чтобы за душу рвал. Курева ни пылинки! До скорого! Целую всех!»

Больше на обрывке ничего и не уместилось.

— Чего голодуют-то, служивый? — спросил, закуривая, Андреич.

— «Социал-демократа» читаете? — прищурился сквозь дым солдат.

Пашка выхватил из кармана газету. Теперь по утрам заскакивал в Сытинскую, брал пачку для заводских, номерок — себе. Но день сложился так, не успел и заглянуть. Ага, вот оно!

«Жертвы Керенского — солдаты-двинцы объявили голодовку! Выставили требование: «Свобода или смерть!»

Так на следующий день, в воскресенье, Пашка снова побывал в Бутырской тюрьме. У мамки — день свободный, а Пашке отец разрешил: «Ну и не ходи! Скажу: хворый! Один пошурую! Не впервой!»

На базаре мамка, кроме табака-самосада, накупила и еды.

— Зачем, мам? — удивился Пашка.— Братка же не велел?

— Как же на свидание с пустыми руками проситься? А тут — у начальства мысль: вдруг мать сына уговорит не бунтовать, не голодать?

— Ну, мам! — расхохотался Пашка.— Какая хитрая стала!

По-мамкиному и вышло. Сначала начальник тюрьмы кричал на нее: «Он злодей России, твой сын, бабонька!», а потом поглядел на жареную курицу, понюхал. А что, авось и впрямь клюнет? И велел привести Андрюху. Но тут на столе зазвонил телефон, и тюремный туз вытянулся по струнке.

— Комендант Галкин у телефона, господин полковник. Так. Так... Слушаю! Ага! В Озерковский госпиталь, в Замоскворечье триста? Да, лежат в лежку. Четверо уже того, отголодались... Санитарные повозки позже? Будет готово, господин начальник округа! — Осторожно положив трубку, перекрестился.— Ух ты, гора с плеч!

И тут же велел мамку и Пашку вывести вон. Мамка обнимала женщин в толпе и плакала: «Всех в госпитали, миленькие, всех! Лечить, стало быть, станут».

А сердце материнское уже чуяло близкую встречу — готовить праздничный стол! И не ошиблась!

Часу в десятом вечера с улицы донесся Анюткин вопль:

— Андрюшенька! Миленький мой!

И на пороге — Андрей! Худющий, как оглобля, но веселый, и глаза блестят, играют.

— Вот и я, мам! Говорил же: вернусь! — Отстранил обхвативших его Анютку и Пашку и сквозь толпу расступившихся гостей шагнул к матери, с силой прижал к груди.— Здравствуй, родненькая! — Обнял отца и повернулся к двери.— Прошу любить — мой фронтовой побратим, а полностью: член полкового партийного комитета, унтер трехсот третьего Сененского полка Евгений Николаич Сапунов!

Сапунов прошел в комнату, поклонился старикам Андреевым, потом остальным. Андрей тем временем бережно жал тоненькие руки Люсик, тискал плечи кузнецам и соседям.

Усадили солдат во главу стола, Пашка притулился рядом с Шиповником и не сводил глаз с брата. Вернулся братка, живой!

Говорили о войне, сначала рассказывал Андрей. В его голосе звучала какая-то новая, незнакомая раньше сила.

— Одно то,— сверкал глазами Андрей,— что нас, почти тысячу солдат-«политиков», временные перевели из Бутырок в госпитали, показывает их слабость! В «Окопной правде» не раз писалось, что солдат голосует за мир ногами, то есть уходит с фронта. И не из трусости, нет! Просто краешек правды ему просветился. Царя нет, Советы...

— Обожди-ка, сын! — вмешался Андреич.— Ну да, выбрали мы Советы, в Московский по делегату от каждых пятисот рабочих послали. Шумим там, галдим, а толку-то что?! Как все шло, так и идет! Батрачим на войну, даже восьмичасовой не выбьем! Это дело?

— Дозвольте слово! — попросил, вставая, Сапунов. Был он высок и строен, острые усики подрагивали на худом лице. «Ишь, успели-таки побриться»,— подметил Пашка.— Я для вас человек новый...

— Давай, Евгений Николаич! — подбодрил Андреич.

— Для начала о себе скажу, чтобы вера у вас ко мне была. Я из калужских крестьян. Ни земли, ни лошаденки, на богатеев хребет гнул. Детишек четверо, мал мала меньше.— Зорким взглядом окинул застолье.— Сколько веков рабский строй укреплялся на Руси, а? Не счесть сразу-то! И разве такую глыбину в одночасье повалить? Ведь каждый в своем закуте таился, за нищий ломоть держался. А война, как ее ни кляни, народ со всей страны в кучу сгребла, одним огнем крестила, одной кровью мазала. А на фронте и «Окопная правда», и «Солдатская» уму-разуму учат! Невольная думка в измученный мозг стучит: да кому же мировая бойня нужна?!

— Под корень служивый берет! — подал кто-то голос.

— Так что же выходит? — возвысил голос Сапунов.— Вот Андреич насчет безвластия Совета рабочих выразился. А ведь это неправильно, дорогие! Потому что Московский Совет нас из неволи бутырской вызволил, от трибунала спас! А нас — тысяча человек, сила! Чуток оправимся в госпиталях, и, считай, Андреич, все в помощь Совету!

— С пустыми-то руками? — усмехнулся Дунаев.— У Рябцева под началом, сказывают, до ста тысяч штыков и сабель. А у вас?

— Все подковырки, дядя Гордей?! — засмеялся Андрей.— Но как загорится, вместе с нами в огонь бросишься! — И, посерьезнев, продолжал:— Нет, с голыми руками врагов не одолеть! Ленин учит: восстание неизбежно! А оружие... Так в Кремлевском Арсенале его на две—три революции хватит. В охране там полк, где большевиков хватит! И командует тоже наш, Берзин! В Бутырках и оттуда сидят, знаем!

— Оружие! — вмешался стрелочник Козликов.— Пошарить по запасным путям на вокзалах — не один десяток вагонов зеленого огня ждет!

— Вот и оружие! — кивнул Сапунов.— Только суметь взять!

Пашка с восторгом поглядывал на всех. Но его поразило печальное лицо сидевшей рядом Люсик. Спросил шепотом:

— А вы что невеселая, Люсик-джан? Ишь, как здорово...

— За Ленина страшно! — тоже шепотом ответила девушка.— Временные целыми отрядами рыскают по Питеру, ищут, убить хотят!

— Так разве рабочие да матросы дадут Ленина в обиду?!

— На то и надежда, милый!

Разговор у Андреевых затянулся за полночь. Последними уходили Люсик с Алешей, а за ними — Сапунов. Прощаясь, Люсик похвалилась:

— Хорошо пошло у нас с заводской ячейкой, Андрюша! Одна беда: после Питерского расстрела хозяйские псы снова силу почуяли. Выживает управляющий наш кружок-ячейку из завкома.

— Потерпите чуток, Люсенька! Поправится народ, мы и в завком подкинем. И сам завтра же приду. Прижмем гниду!

А мамка разговорилась с Сапуновым.

— Выходит, мы с вами, Еня, по родине соседи. Что Брянщина, что Калуга...

— Ага,— кивнул Сапунов и нахмурился.— Как-то мои там? Как призвали в четырнадцатом, так и не видел... Полагалось бы в отпуск, а я — то на губе, то в тюряге...

— Теперь-то свидитесь,— утешала мамка.— Поедете?

— Навряд ли скоро! — Худое лицо Сапунова напряглось.— Восстание вооруженное готовить и поднимать... Как в такую пору фронтовых побратимов бросишь?

— Неужто не поедете? — всплеснула мамка руками.

— Кто знает! — Сапунов расстегнул кармашек гимнастерки, достал сложенный треугольником листок.— Вот, в двинской каталажке написал. Всякое ведь может случиться...

— Письмо, что ль? — спросила мать и оглянулась на прильнувшего к Андрею Пашку.— А ну, сынонька, прочитай... Можно, Еня?

— Почему нельзя? — пожал тот плечами.— Только поистерлось малость в кармане. То табак рядом, то хлебушка кусок.

И Пашка прочитал вслух письмецо Сапунова:

«Все может быть, дорогие мои родные, но что делать. Если погибну, то помните, дети, что отец ваш весь свой век боролся за бедных и погиб, добывая им свободу, землю и волю...»

— Убьют, добрая душа найдет, отошлет семье. Пусть и с того света, а все весточка! Ты, Андрей, проводи меня. Не москвич, заплутаюсь... Вам, мамаша, спасибо за ласку!

Пашка пошел с ними. Дорогой солдаты обсуждали, что делать. Пашка шагал молча и думал пушкинскими словами: «Вот они, витязи!»

Перед сном, уже в постели, спросил:

— Где, братка, наша революция начнется? В Москве, Питере иль, может, на фронте? В окопе у каждого — ружье!

— Считаю, в Питере, Павел. Время везде динамитное, но там засели главные временные. А гадюку надо не за хвост, за голову хватать! Да и Ленин поближе, хоть и скрытый. Начальник Петроградского округа Половцев, гад, особые отряды создал: где Ильича найдут, тут и убить приказано. Конечно, его любой рабочий грудью заслонит, но без осторожности нельзя... Будем оттуда сигнала ждать. Нужно готовыми быть, иначе перебьют поодиночке.

На завтра в госпитале «двинцы» сочинили послание:

«...Солдаты двинского фронта Пятой армии, освобожденные из Бутырской тюрьмы, приветствуют Московский Совет. Узнали, что хотят направить нас в распоряжение этапного коменданта Витебска и опять, вероятно, посадят в тюрьмы или разгонят по разным частям, где офицерье заду-

шит нашу революционную силу. А потому, ввиду истощения от голодовки и долгого пребывания в заключении, просим депутатов хлопотать перед военным Округом об оставлении при Московском гарнизоне на три месяца».

С этой петицией Андрей и Сапунов отправились в Совет, к Варенцовой и Ярославскому, навещавших «двинцев» и в Бутырках. Разговор получился дружеский, душевный и очень серьезный — о неизбежности восстания.

А Пашка, возвращаясь со смены, столкнулся у дома с «принцессой» Танькой. Хотел пройти мимо, но она остановила:

— Пашка!.. Я сейчас Лопуха во дворе столовой видела. К забору подошла, он подбежал. Конфету съел и руку лизнул.

— Врешь! — вскинулся Пашка.— За что руку твою подлую лизать? На живодерку норовила отправить!

Танька вздохнула с укором.

— Думала, умный, а ты глупый! Я на тебя злилась, поэтому...

Вот и пойми их, девчонок!

Поужинав, Андрей, как и обещал, отправился с братишкой в контору завода, где завком занимал две комнатки, в одной и собиралась ячейка Люсик. Там-то и столкнулся со старшим сынком Ершинова, заместителем заведующего.

— Эге! — хохотнул Андрей.— Вот где купеческие сынки от фронта прячутся! Что ж! Сообщим куда полагается!

Ершинова будто ветром из комнаты вымело, и больше на кружке не показывался. Сам Андрей устраиваться на завод не мог, мешала справка: «Рядовой Андрей Андреев находится на излечении в Озерковском госпитале, приписан к Московскому гарнизону». Так что Пашкин заработок в семейном кармане был необходим и манкировать работой не приходилось.

Вечерами квартира Андреевых превращалась в клуб: заводские, соседи, однополчане Андрея. Прибегала Анютка, шептала в уголке:

— Сколько же ждать, Андрюша?! У меня, глянь, морщинки!

— Не время, Нюша, о свадьбе думать! — ласково, но твердо успокаивал Андрей.— Слышала, что я нынче в газете читал?

А читал он статью из «Социал-демократа»: «Время слов миновало, необходимо революционное дело, и наша партия готовит массы к вооруженному восстанию, завоеванию власти!»

Приходил Сапунов, мамка привязалась к нему, как к родному. Жалела, что не может он повидать семью: «На чугунке-то вовсе недалеко!» Пашка любил такие шумные вечера. Любил еще ходить с Люсик на митинги. Девушка рассказывала о конференции, о Ленине. Митинги запоминались яростными схватками с меньшевиками и эсерами-оборонцами, кричавшими, что Россия не должна с позором выходить из войны, ей необходима победа!

Как-то в конце октября Андрей не явился на ночь домой, и мамка страшно беспокоилась: что стряслось? А Пашка, наслушавшись на митингах речей о неизбежности восстания, думал: а может, начинается? И утром, не дождавшись брата, помчался в типографию. Нетерпеливо схватил пачку газет.

Ну, конечно! Телеграмма из Питера: «Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Сейчас в пять часов открывается Съезд Советов. Войска на стороне ВРК. Ногин».

Пашка летел домой, как на крыльях, словно чуял, что Андрей вернулся. И не ошибся.

— Потому и не мог прийти, мамушка! — махал Андрей газетным листом.— Как прибежали из Совета с новостью — дел по темечко! Мы, «двинцы», для Московского Совета — первая опора! ВРК выбирали! У нас крови не миновать, не отдадут власти без боя ни Дума, ни Земство, ни Грузинов с казаками да юнкерами. Опять же оружие добывать по вокзалам отряды посланы! Хорошая будет драчка, маманечка наша!

— Поосторожней, сынок! Про меня помни!

— Не думай о худом, мам! — И Андрей ушел.

Как умел, Андреич успокоил жену, оглядел сынишку и Витьку.

— Ну, я в Совет. А вы бежали бы к Люсеньке, ребята. Авось, пособите в чем.

Но, услышав на улице, что на заводе раздают привезенное с вокзала оружие, мальчишки кинулись туда. Винтовок им, однако, не дали: не хватило и взрослым. И Люсик в столовой они не застали.

— Всю ночь шумели,— сказала повариха,— теперь на Калужской площади ищите! Ресторан Полякова пошли под военный комитет занимать. Война-то и сюда докатилась!

На площади — тьма народа! Тут и «двинцы», и вооруженные михельсоновцы. Иные с охотничьими ружьями, а кто просто — с дубьем. У крыльца кто-то прибивал к жердине красное полотнище: «Вся власть Советам!»

На второй этаж, где заседал ВРК Замоскворечья, солдат с винтовкой никого не пускал:

— Посторонним не велено!

Дружина потолкалась возле крыльца. Грозно гудела толпа. Кричали, что юнкера окружили Кремль, в Манеже их тысячи.

— Эх, Шиповника нет! — вздохнул Пашка.— Сказала бы, что делать!

Покрывая гомон, затарахтел мотор. Люди расступились. Самокатчик-мотоциклист в кожаной куртке вскочил на крыльцо.

— Не иначе, новости,— гудели в толпе.— Должно, приказ!

Через минуту распахнулось окно второго этажа, на подоконнике встал чернобородый, замахал руками.

— Товарищи! Министры-капиталисты в Петропавловской крепости! Даешь мировую революцию! Ура!!!

— Ура-а-а! — Пашке казалось, что он кричит громче всех.

— Но, товарищи! — продолжал чернобородый.— Разгромлен Совет в Калуге! Убито много наших! И здесь враг не сложит оружия! Приказ Московского ВРК — возводить баррикады! Особо вокруг Главного штаба на Пречистенке, где засели Рябцевы и Грузиновы! Все, кто в силах держать лом или лопату, на строительство баррикад, которыми во все века защищала себя революция!!!

— Веди! — Площадь колыхнулась, словно одно огромное напряженное тело.— Куда? Веди! Даешь пролетарскую! Даешь мировую!!

Тут Пашка и увидел Люсик. Выбежала на крыльцо с пылающими глазами и щеками, черные косы растрепаны по плечам.

— Шиповник! Люсик-джан!

— Павлик! Миленький! И ты здесь?!

— А где же мне быть?! Вы куда, джаник?

— Кафе «Франция» занимаем под госпиталь! Нужно белье, подушки! Нужна помощь женщин! Майрик не здесь?!

Площадь кипела. «Двинцы» и матросы форми-

ровали отряды и уводили к Москве-реке. Дребезжали по булыжнику колеса пулеметов.

А мальчишки всегда мальчишки: кто из них не мечтал о море? Потому Пашкина дружина и сгрудилась около моряка, на бескозырке которого блестели золотые буквы «Орел». Никто не знал его имени. «Орел велел!», «Орел приказал!» — раздавалось кругом.

Отряду поручалось возвести баррикаду на Остоженке, помешать прорыву юнкерских и казачьих частей в Замоскворечье. И через полчаса работа кипела. Грохались со стен вывески, опрокидывались фонарные столбы, катились пивные бочки и телеги.

Одним концом баррикада упиралась в «Чайную Бахтина». Когда принялись сдирать вывеску, вышел хозяин.

— Не рушь заведение, матросик! Глядишь, чайком напою! Ишь, раздождилось! Да и холод!

— Да это Гришуха Бахтин! — крикнули с баррикады.— Наш! Руку шестерней оторвало! Пособие с Михельсона выбил!

— Ладно! — Матрос хлопнул Бахтина по плечу.— Оставим, братишка, твою баржу! А кипяток, похоже, и сгодится!

— На дармовщинку угостит! Душа-то рабочая жива в нем!

Двухметровую баррикаду возвели за полчаса.

— Эх, еще бы флажок красный! — мечтательно улыбнулся Орел.

Пашка бросился к ближней двери, постучал. Открыли.

— У меня взять нечего, воители! Милостыней живу.— Глаза из сетки морщин смотрели, будто из далекого далека.— И детишек в колесницу войны запрягли, совести нету!

— Нам, бабуля, лоскуточек бы красненький! Не сыщешь ли?

Через минуту Пашка показал Орлу красную заношенную кофту.

— Годен! — похвалил матрос.— Исправно служишь, салага! Так держать!

Вечерело. За баррикадой таилась тишина. Дождь усилился.

— Ну, вот что, братва! — распорядился Орел.— Харч нам бог с неба не скинет, не к его экипажу приписаны. Кто поближе живет — марш по домам, тащи, что сыщется! Голодный не воин!

Пашка ринулся домой. В подвале стоя, в шинелях, Андрей и Сапунов дохлебывали чай. Оказывается, нарочный привез в госпиталь приказ ВРК: к ночи двумстам «двинцам» прибыть для охраны Совета. Утром юнкера, обманом разоружив полк в Кремле, расстреляли его из пулеметов и теперь угрожают Совету. Мамка плакала, не вытирая слез.

Вскоре, забрав винтовки, побратимы ушли. Натянув брезентовку, Пашка тоже пошел к двери.

— А ты куда? — остановила мать.— Убьют же, горе ты мое!

— Я, ма, только гляну, как они через Красную пройдут, и — назад. А ты собери в корзинку поесть. На баррикаде-то голодные!

Он крался за братом и Сапуновым до госпиталя, дождался выхода отряда, который направился к мосту. Дождь лил сильнее, лохмотья туч цеплялись за колокольни. Редко где горели фонари.

Пашка пробирался вдоль стен торговых рядов, когда «двинцев» у Иверской часовенки остановил юнкерский патруль. На Красной площади пылали костры, отсветы плясали по кирпичам стен. У костров, посверкивая огоньками папирос, гомонили, хохотали юнкера. Кремль обложили вкруговую.

Пашка застыл на месте. Офицер патруля яростно спорил с Сапуновым, потом вдруг выхватил револьвер и выстрелил ему прямо в лицо. Сапунова отбросило выстрелом. Пашке показалось, что он слышал, как стукнулась о камни голова. Щелкая затворами, бежали от костров юнкера. «Где же Андрей? — с ужасом всматривался Пашка.— Может, и его, как Сапунова?.. Выстрелы-то гремят!» А, вон Андрюха размахивает винтовкой — на штыке красная лента, которую Анютка выдернула из косы! Жив братка, жив!

Схватка продолжалась недолго, «двинцам» удалось прорваться на Тверскую. Дрожа, Пашка стоял, привалившись спиной к холодной, мокрой стене.

Тела убитых пластались на брусчатке. Своих юнкера снесли к подножию памятника. Появилась санитарная фургонка, их погрузили и увезли.

Капли слез и дождя текли по лицу Пашки. Он ни о чем не думал, его будто толкала невидимая, необоримая сила. Опустился на колени и пополз к Сапунову. Убит наповал. Негнущимися от стужи пальцами Пашка расстегнул шинельные крючки, нащупал пуговицы гимнастерки. Ага, вот оно, то письмо... Намокло.

— Ты что, сволочонок, по карманам мертвяков шаришь?! — гаркнул кто-то, и Пашка вскочил. Рядом — два юнкера с карабинами, с папиросами в зубах.— Покойников грабишь, ублюдок?!

— Думал... хлебушка кусочек...

— А ну, марш отсюда, аллюр три креста!

Дома Пашка молча положил на стол перед мамкой письмо Сапунова. И когда та в ужасе отшатнулась, увидел, что письмо в крови.

— Еню...— прошептала мать побелевшими губами.— А... а?

— Жив Андрей, жив! — крикнул Пашка.— Собрала еды?

Схватил корзинку, увидел, что мать торопливо напяливает кацавейку. Спросил:

— Ты куда, мам?

— Что же я одна здесь маяться стану? К Люсеньке. Проводишь меня!

На баррикаде было по-прежнему тихо. Когда Пашка подбежал, из двери чайной кричал Бахтин:

— Эгей, матрос! Прозябли твои братишки?! Айда морковный чай пить! Да и сухарей старуха наберет! Беляки-то спят, видно?!

Стоя над баррикадой, Орел долго всматривался в занавешенную дождем тьму. Спрыгнул, махнул рукой.

— Пошли в камбуз, братва! Животы погреем. А, это ты, салага? Жратвы припер? Добром служишь! Так держать! Погляди тут со своими за порядочком, лады? От винтовочки к винтовке перебегайте и изредка пуляйте. Чтобы там знали — мы на месте. Но патроны беречь!

Так Пашке на краткое время выпала роль командира. Вглядывался в туманную даль, прислушивался. И вдруг что-то замаячило там, у переулка на Пречистенку, где штаб. Спрыгнул, прижал к плечу приклад. Выстрел, и что-то обрушилось по ту сторону наспех сделанной баррикады. Винтовка, вставленная в соседнюю амбразуру, от толчка выскользнула наружу, застучала по мокрым камням.

Пашка ни секунды не думал. Быстро вкарабкался наверх, перелез через гребень баррикады и скорее вниз — за винтовкой. Поскользнулся, упал. Увидел среди бревен, камней и досок приклад. Ага, вот она, винтовка! Схватил.

Но тут словно раскаленным ножом полоснуло по баррикаде, брызнуло в лицо каменной крошкой. Ах, черт! Не упустить бы винтовку! Вторая раскаленная волна хлестнула по баррикаде.

Из чайной уже выбегали гвардейцы, кричал Орел:

— Полундра, братва! Полундра! Свистать всех наверх!

Но Пашка уже ничего не видел и не слышал. Его окружали тишина и тьма...

* * *

С трудом приоткрыв глаза, долго смотрел сквозь зыбкий красноватый туман. На потолке — какие-то пухлые младенцы с крылышками, окруженные венком из цветов и узорчатых листьев.

— Где я? — хотел спросить. Но не спросил: словно вдруг вспыхнула в памяти картина... баррикада, моросящий дождь, огненный нож, резанувший по сваленным столбам и вывескам, по доскам, по ошинованным колесам... И глухо, словно из погреба, голос мамки:

— Очнулся, радость ты моя горькая?!

Хотел повернуть голову, но боль раскаленным гвоздем пронзила все тело... И снова обступила тьма.

Мать сидела у Пашкиной койки третьи сутки. Андреич забегал раза три на дню, присаживался в ногах. Вот ведь как бывает: страшились гибели старшего, а вражьи пули скосили мальчишку! Старый кузнец приходил и уходил — как ни давило горе, но не мог оставить товарищей, бившихся с юнкерами и казаками.

А Пашку то поглощала кромешная тьма, то в ее разрывах мелькали знакомые лица, дома, белели страницы книг, билось пламя в кирпичной пасти

горна. И звучали любимые строки: «Ты не коршуна убил, чародея подстрелил...» И голос Люсик, и голос того, чахоточного арестанта бьет в уши набатным колоколом... Помнишь, Люсик-джан говорила про людей-колокола?..

...Слышишь, как лязгают подковы конницы, шелестят на ветру знамена Спартака? Интересно: какого цвета были у них знамена — красные, как у нас, или другие? Надо спросить Люсик-джан... И шесть тысяч крестов с распятыми спартаковцами стоят, но не вдоль дороги в неведомую Капую, а по заросшим полынью обочинам Калужского тракта...

Ой, если бы не так болела голова! Будто железный клин вбит в нее и кто-то его безжалостно ворочает, мешает думать... А почему все такое красное? Даже дождь — чуть косенький и красный... Дядя Гордей ушел с Орлом пить чай... Ага, вот чего хочется...

— Пи-и-и-ить. Пить! — Чьи-то осторожные руки приподнимают голову, прислоняют к губам край кружки.

— Пей, мальчик... Тебе ведь лучше, правда?

Что-то тяжелое и холодное ложится на лоб. Пашка хочет поднять руку, пощупать, но рука не слушается, в ней колотятся болью красные молоточки...

— Пулеметная очередь,— говорит в Пашкином сне грубоватый, но добрый голос.— Выше сердца на полвершка прошла... Потерял много крови... Сестра, обезболивающий укол!

Будто комар ужалил руку пониже плеча. Боль в голове гаснет, красные молотки перестают стучать в голове. Пашка открывает глаза.

— Мама!.. Ты тут, что ли?

— Да, Пашенька, кровиночка моя милая!

Пашка молчит, вспоминает: о чем-то важном надо спросить.

— Мам! Юнкеров отогнали от баррикады?

— Отогнали, миленький! Везде их, проклятых, прогнали! И из Кремля выбили, сыночка.

Пашка улыбается сквозь сон.

— Значит, витязи победили?.. Как хорошо, мам, да?

И сны окружали Пашку, легкие, светлые. Колышется над озером зеленый камыш — это на Брянщине, на мамкиной родине. Подсолнухи поворачивают за солнышком желтые головы. И поют, заливаются птицы. И тоненький девчачий голосок: «А ты не смотри, не пялься зря. Ты городской, ты его и не увидишь, жаворонка, как взлетит, так в синем небе и растворится, только песни и слыхать...»

После долгого-долгого сна Пашка открывает глаза...

Позднее утро. В окно косыми столбами ломится солнечный свет. В лучах мельтешатся тысячи золотых пылинок.

А повернуть голову Пашка все равно не может. Скосив глаза, видит потемневшее мамкино лицо, светлую синеву запавших глаз. Хочет улыбнуться, но губы не слушаются, не улыбаются. А лицо мамки все ближе, ближе, она касается щекой его щеки.

— Ты, мам, не серчай, если обижал когда... Ладно?

— Да что ты, Пашенька?! Горе ты мое сладкое!

Пашка обводит взглядом людей возле койки. Витька Козлик, Голыш, Анютка!.. Отец чего-то набычился, наклонил голову, будто сердится, что ли? А это кто там, за его плечом? А-а! Алеша Столяров! Но Шиповника, самой главной после мамки, отца и Андрюхи, почему нет?

— А Люсик-джан, она где?

Алеша Столяров стискивает лицо ладонями и убегает куда-то. Куда? Что с ним?

— Он вернется, сынонька,— тихо говорит мамка. Не может же она сказать Пашке, что Люсик убита. Вчера.

— А «принцесса» Танька зачем здесь? — шепотом спрашивает Пашка.

— Она тебе пряников тульских принесла... Печатных...

— А плачет зачем?

— Не знаю, Пашенька, золотце ты мое ненаглядное!

И опять Пашку обступила тьма, на этот раз последняя, вечная.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

Недолго прожили они рядом в Замоскворечье: студентка Коммерческого института Люсик Лисинян и подручный кузнеца Павлик Андреев. Но на многие века они остались в благодарной памяти Родины, потому и лежат плечом к плечу в братской могиле на Красной площади.

Их давно нет. Но, храня для потомков их дорогие имена, за крутой излучиной Москвы-реки пересекаются улицы Люсиновская и Павла Андреева. Горько думать об их безвременной гибели. Но ведь и то завидная доля — оставить на земле такой яркий, пусть и окрашенный своей кровью след!

Поблагодарим же и мы, юный читатель, героев этой небольшой повести за их верность Революции, за мужество и доброту. И, проходя по Красной площади, с благодарностью и нежностью поклонимся земле, навеки приютившей их, усыпанной в любое время года цветами бессмертия!

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА:

НАШИ ЮНКОРЫ НА СЛЕТЕ

На слет журнал «Пионер» послал девять своих юнкоров. Почему именно эти ребята поехали в «Артек», мы рассказали в № 8 журнала. А теперь послушайте, как они на слете работали.

«Артек», август, IX Всесоюзный слет, Дворец пионеров...

В детском пресс-центре суета с утра до ночи. Кто пишет заметки, кто стучит на машинке, кто берет интервью, а кто сам его дает... Все время заглядывают взрослые журналисты — в поисках яркой темы, интересного собеседника, своего коллеги или чего-то еще... А я ищу наших юнкоров, чтобы узнать, как они устроились, с кем познакомились, что пишут про слет.

Почитайте отрывки из писем Андрея Щиковского, и вы сами представите те горячие дни.

...Наконец мы в «Артеке». Сразу же стали упрашивать записать нас в один отряд. Но тетя оказалась настырная и нас в один отряд не записала. Так что теперь мы живем: я в 10-м, а Миша в 8-м отряде. Но разницы большой нет. Между нашими корпусами 5 метров.

Мы попали в «Лазурную» дружину. Я выбрал себе кровать на веранде на 2-м этаже и пошел к Мише. Мы сразу принялись выполнять задание «Пионера», опросили ребят, ответов получилось довольно много.

Сегодня я проснулся в 7.00, не знаю, откуда такая точность. Заправил постель и сел записывать собранный материал. После завтрака нас позвали чистить берег — сейчас штормит и на берегу много мусора. Сделав всю работу, мы остались у моря. Я сунул руку в волну и попробовал на вкус — соленая. Одна крупная волна захлестнула меня по колено. Пришел Миша, который уже искал меня, и мы с ним пошли по отрядам. Опросили еще два отряда. Завтра будет общий сбор в пресс-центре.

Отложим на время письма и объясним, что такое пресс-центр на слете.

Это газета «Вперед!», настоящая, отпечатанная в артековской типографии когда на двух, а когда и на четырех страницах. Впервые на слете такая газета, и выходит она каждый день.

А еще юнкоры пресс-центра успевали каждый день записать радиогазету, и для нее собрать заметки, интервью, репортажи...

Объехать в агитавтобусе «Экспресс-курьер» все дружины и в каждой, без подготовки, ответить на любые вопросы, вступить в любые дискуссии.

Разослать юных фотографов по лагерю, чтобы снимали все, что происходит на слете, и со всех ног бежали проявлять пленки, печатать снимки.

Наладить между лагерями связь: ведь газету надо развезти по дружинам и там же, в дружинах, забрать заметки, написанные собкорами (в каждом отряде был свой собкор, а всего — 130 человек, целая рать).

Немудрено, что мы, журналисты «Пионера», так и не сняли всю девятку своих юнкоров. Газета не ждет, она должна выходить каждый день, быстрее, быстрей...

...В тесный контакт вошли с двумя из трех «каравельцев» — со старшими Егором и Костей, а младший работает в группе связи, мы его почти не видим.

Познакомились с ребятами из «Синего краба». В «Озерной» к нам подбежали радостные девочка и мальчик и спросили: «Вы из «Соляриса»?» (мы были в нашей форме, так как никто не запрещает нам ходить в ней). Ребята показались нам очень хорошими и к нам отнеслись дружелюбно.

В пресс-центре мы работаем впятером одной группой — Миша, я, Егор и две Оли, которые в своих городах создали разновозрастные отряды. Нашу группу мы назвали «Странник», так как путешествуем из одного конца «Артека» в другой. Мы выполняем задания пресс-центра... Нам выдали карточки, как журналистам, теперь можно жить по свободному расписанию.

Ну, а что делали наши юнкоры в пресс-центре?

Женя Кузин — человек серьезный, опытный, почти взрослый (он учится в девятом классе, командир пятигорского отряда «Пламя», помните?) был назначен главным редактором газеты «Вперед!». Когда бы я ни зашла в пресс-центр, он всегда сидел там. И в то же время его снимки появлялись на страницах слетовской газеты и даже в «Пионерской правде». Как он успевал?

Загадка.

Андрей Москаленко (тоже из «Пламени»), Костя Трясунов и Гоша Боченин (из свердловской «Каравеллы») входили в группу связи. Им приходилось не только развозить газеты и пленки с радиозаписями по дружинам, но и дежурить у телефона, по которому звонят в «Артек» ребята со всей страны: интересуются, как идет слет.

Артур Пинчук («Синий краб — зюйд», г. Симферополь) работал в фотогруппе.

А остальные — Лариса Мервинская (тоже из «Синего краба»), Егор Подолинский (из «Каравеллы»), Андрей Щиковский и Миша Фурминский (отряд «Солярис», г. Обнинск) были активными сотрудниками газеты «Вперед!».

Но вернемся к письмам Андрея.

...Вчера было открытие слета. Вечером в тот же день мы на машине пресс-центра поехали на спецзадание: взять интервью у I секретаря ЦК ВЛКСМ Виктора Мироненко. Мы подождали, пока он прошел выставку в «Янтарной», а потом подбежали к нему и стали задавать вопросы. Он на все отвечал, а после этого один из товарищей, который стоял около Мироненко, сказал: «Когда вы стремитесь к цели, то, пожалуйста, не сбивайте с ног других».

Давайте подробнее остановимся на этом интервью.

Итак, Андрей, Миша и еще один юнкор пресс-центра — Тима Смоленский — задавали вопросы Виктору Ивановичу Мироненко. Андрей и Миша — члены разновозрастного пионерского отряда, кото-

рый создан за пределами школы, поэтому их больше всего волновала проблема: не пришло ли время вывести пионерскую организацию за стены школы и сделать отряды разновозрастными?

«— Виктор Иванович, как Вы относитесь к разновозрастным отрядам?..

— Я сказал бы так: там, где ребята хотят, пусть они создают свои отряды по месту жительства. Как это будет называться — неважно. А вообще-то я за многообразие форм. Цель у нас должна быть одна и задача одна, а формы пусть будут самые разные».

Сколько на слете было споров о разновозрастных отрядах! И вот в решении записано: пробуйте, экспериментируйте, создавайте разновозрастные отряды, если это пожелание большинства пионеров.

Сторонникам разновозрастных отрядов я хочу дать совет: ищите отрядного вожатого. Без поддержки активного комсомольца разновозрастному отряду не обойтись. Я совершенно согласна с Ларисой Мервинской, которая писала для газеты «Вперед!»: «Я знаю, что может не хватать кадров, что всем вожатым... нужна зарплата, но позвольте, по-настоящему увлеченным делом людям она не нужна.., ведь сколько таких людей работают с ребятами без всяких вознаграждений».

Ищите единомышленников, комсомольцев, которые будут рядом с вами в свое свободное время, которые не за деньги, а идеи ради, выполняя требование Устава ВЛКСМ, помогут вам создать пионерский отряд.

...Слет продолжался четыре дня, но как такового я его не заметил. Конечно, были дискуссии в отрядах, но даже то, о чем на них говорилось, не учли в решении. Кстати, о решении. В нем не было ничего конкретного. Все говорилось высокими словами. Когда мы (я, Миша, Егор и другие) увидели его, оно нам очень не понравилось. Всех участников (приглашенных) лишили права высказать свое мнение о решении на дружинных сборах, но все-таки участники перерабатывали решение. Пресс-центр стал вырабатывать коллективное мнение. У нас в дружине от имени пресс-центра говорил Миша, но его задавили и не дали сказать ничего. В общем, слет сам по себе мне не понравился. Зато оформление было сделано здорово. Очень красочный праздник со множеством известных артистов, фейерверки, салют...

Почему Андрей разочарованно пишет о слете?

С первого дня в отрядах и дружинах проходили дискуссии на тему «Пионерская организация сегодня и завтра». Делегаты страстно обсуждали, что им хочется изменить в своей организации. И наши юнкоры, конечно, тоже. И тут юнкоры с огромным удивлением и даже потрясением увидели, что отнюдь не все ребята поддерживают их идеи: вывести пионерскую организацию за пределы школы, сделать отряды разновозрастными, принимать в пионеры не всех и каждого, а только тех, кто делом докажет свою преданность организации... Были даже и такие делегаты, пусть единицы, кто отсиживались на дискуссиях, как двоечники на задних партах, их ничего не волновало, лишь бы их не спросили.

А тут до пресс-центра докатилась весть, что участники слета (а все юнкоры, несколько десятков человек, были участниками, не делегатами) выступать на итоговых сборах дружины не могут. То, что

— Ну как, получилась заметка?— спрашивает юнкор главного редактора газеты «Вперед!» Женю Кузина.

А это Лариса Мервинская и Артур Пинчук.

они не могут голосовать, ребята знали заранее, но нельзя выступить после того, как в отряде ты читал плакаты: «Каждая мысль имеет право на существование»?! Вот она — возможность, думали юнкоры, изменить жизнь организации, сделать ее яркой, боевой, прекрасной, как мечта, надо только убедить делегатов внести их идеи в решение. Ведь они по себе знают, что такое отряд в школе и что за ее стенами, и того, и другого попробовали. И вдруг эта возможность рухнула: лишили слова. Как не прийти в отчаяние, как удержаться от слез?

Пресс-центр вырабатывает свой проект решения. Но... Но слет принимает не такое решение, какое виделось нашим юнкорам и, как оказалось на линейке закрытия, какое виделось многим делегатам, пусть и меньшинству. Многие острые проблемы в решении отражены, но не так четко, не так ясно, не так категорично, как представляли себе ребята.

Не все взрослые были довольны поведением юнкоров на слете. «Как это можно уговаривать делегатов голосовать против решения?» Да, голосовать против решения глупо. И если бы опыта у юнкоров было побольше, они бы и сами поняли, что слет, ничего не решив, не может закрыться, а коли тебе не нравится тот или иной пункт, это не значит, что все решение плохо. Говори убедительно и ясно, почему этот пункт не нравится, и предлагай вместо него другой.

Но откуда этого опыта ребятам набраться? Они же впервые на слете. Да если б и были на всех предыдущих, вместе взятых, вряд ли б оказались мудрее: открытые обсуждения, дискуссии о пионерской организации были только на I слете да вот сейчас, на IX. Для всех это дело новое.

Получается, что не хотели ребята умышленно запутать всех и вся, а ошибались, потому что очень близко все принимали к сердцу, болели за свою организацию. А на такую ошибку мы все имеем право. Иначе, боясь ее сделать, никто не захочет проявлять инициативу.

В отличие от Андрея мне слет понравился. Именно потому, что были на нем яркие, самостоятельные ребята, которым не все равно, за что голосовать. Потому что нашелся мальчик, который не побоялся в торжественной обстановке линейки закрытия первым сказать, что он не согласен с предложенным решением, и выйти со своим мнением к микрофону. Потому что многие, многие делегаты боролись за свои предложения страстно, до слез.

Из последнего письма Андрея:

...В пресс-центре была очень напряженная жизнь, часто мы не успевали даже поесть.

Как-то раз мы сидели в пресс-центре, и кто-то предложил: «Кто за то, чтобы собрать общий сбор юнкоровских отрядов?» И тогда «Каравелла», «Синий краб», «Пламя» и Солярис» дружно сложили руки одна на одну. Потом нас фотографировали взрослые журналисты. Еще Мишу один раз снимали для телевидения, а меня записали на радио.

В последние дни мы очень сдружились с Гошей Бочениным из «Каравеллы». Вчера поздно вечером мы гуляли по «Артеку», ходили к морю и здорово испугались черной кошки, которая перебежала нам дорогу. Потом мы бросали в море монеты на счастье (Гоша кинул железный рубль) и просто болтали. Нам было очень хорошо, по крайней мере мне. Вообще мне Гоша нравится больше всех, он такой маленький, веселый и очень хороший.

Вчера был день рождения у Ларисы Мервинской из «Синего краба». Миша где-то раздобыл розы, мы подарили ей буклет «Обнинск», а Гоша — буклет «Свердловск».

Хотя здесь и хорошо, но уже хочется побыстрее увидеть наших ребят.

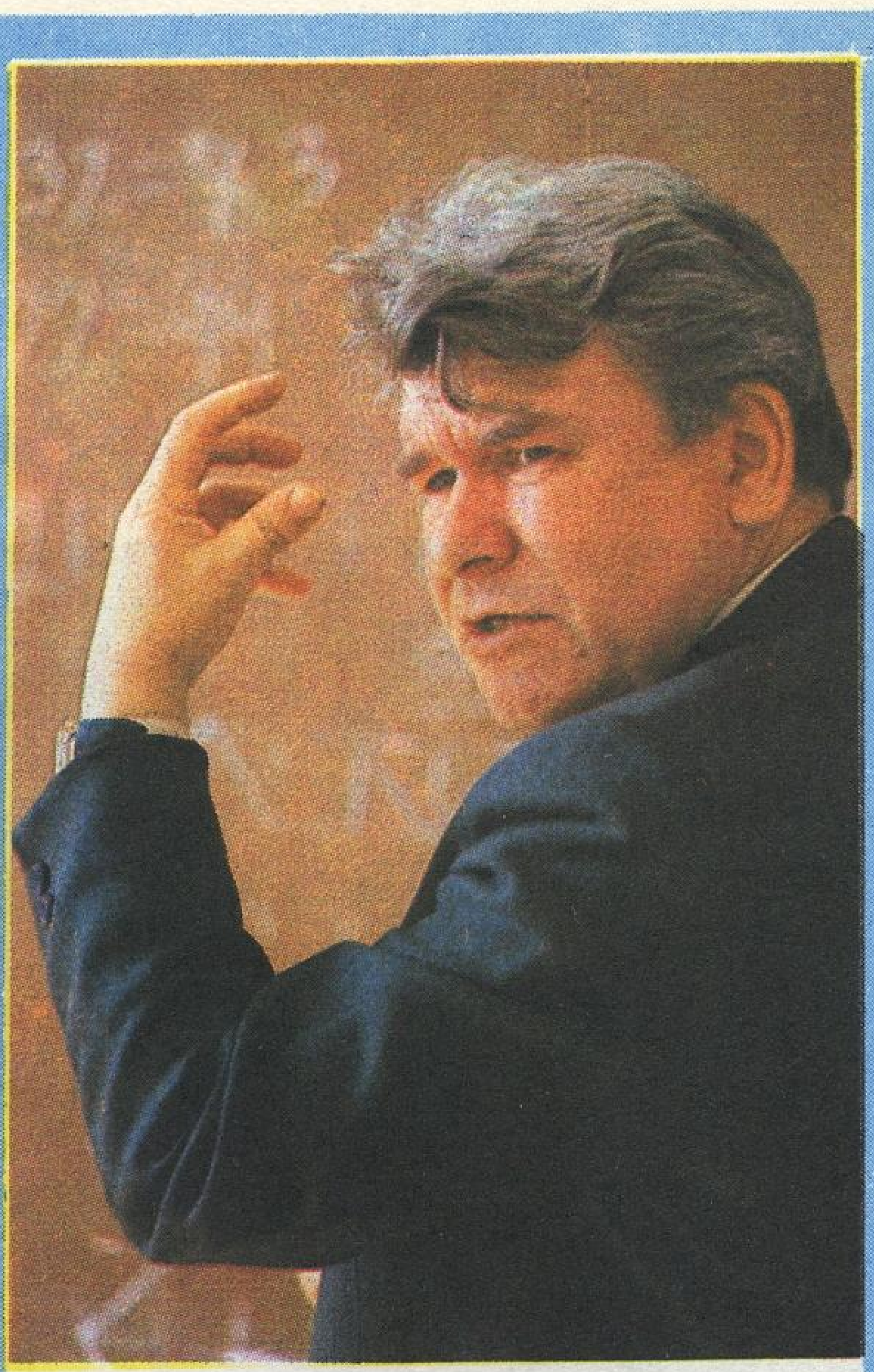
— А как же задание «Пионера»?— спросит памятливый читатель.— Выполнили его юнкоры?

Про это читайте в № 1 журнала за 1988 год.

М. МАТВЕЕВА,
редактор отдела коммунистического воспитания.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

«...Садовник, сапожник, портной — кто ты такой?»



Наш Игорь Павлович.

Какого цвета мухомор

Я сижу на последней парте. Ряд макушек передо мной замер. Второклассники внимательно смотрят на доску, где учительница объясняет, как провести вспомогательные линии в альбоме, чтобы гриб мухомор, который класс рисует, вырос точно в центре листа, не жался к краю, не заваливался вбок и был виден весь: от красной, перезрелой, потрескавшейся шляпки до жухлой травы у корня ножки.

Я тоже смотрю на доску, потом на второклашек: как они слушают, все ли понимают, смотрю на их парты, где лежат альбомы, краски, стоят баночки с водой, а потом на свою парту, где только блокнот и ручка.

Но вот ближайшая ко мне макушка медленно поворачивается, и я вижу лицо человека, который с таким же любопытством разглядывает меня, как я разглядываю все вокруг.

Вроде что может быть удивительного в уроке рисования 2 класса «А»? Все рисуют мухомор. Правда, за урок случилось несколько маленьких происшествий. Например, непоседа, которая с любопытством разглядывала меня, вместо того чтобы слушать учителя, прочитала на баночке с гуашью длинное слово «коричневая» как «красная» и, раскрасив этой краской шляпку гриба, теперь с недоумением смотрела на получившийся рисунок.

Другая второклассница сделала внутреннюю сторону шляпки мухомора желтой, как у масленка. Учительница, увидев ее рисунок, объяснила, что пользуемся «чистым» цветом мы редко. Если нам кажется, что шляпка чуть отливает желтизной, надо к серой краске добавить капельку желтой и таким цветом раскрашивать картинку.

А кто-то, то ли не поверив учителю, то ли пропустив мимо ушей его слова о том, что рисунок надо раскрашивать сверху вниз, сначала густо наложил краску на ножку гриба, потом потянулся кисточкой к шляпке и, конечно же, заехал рукавом в непросохшую гуашь. Но учительница, обходя класс, быстро замечает эти недоразумения и кому помогает изменить цвет рисунка, кому отчистить рукав...

Как учитель справится со всеми этими неожиданностями, меня больше всего и интересует. Знаете почему? Потому что учительница на этом уроке — Надя Морозова, которая учится в этой же школе в 5 «А» классе. А вторая «учительница», которая ходит между рядами и, заглядывая в альбомы ребят, помогает то одному, то другому,— Надина одноклассница Света Макарова.

Ну, а теперь будем рассказывать по порядку: кто эти девочки, почему они ведут уроки и в какой школе все это происходит.

Почему не кружок

В школе № 2 подмосковного городка Реутово работает учитель Игорь Павлович Волков.

Игорь Павлович считает, что все дети (заметьте, обычные дети, не вундеркинды) наделены большими способностями. Только эти способности им надо в себе открыть. А что значит — открыть способности? Это значит, что надо попробовать себя в самых разных делах, и тогда обязательно найдется дело, которое тебе интересно и которое здорово у тебя получается.

Поэтому в школе Игорь Павлович устроил «комнату творчества», куда после уроков мог бы прийти любой ученик из любого класса и заняться тем, чем ему сейчас заниматься хочется: клеить модели, вырезать фигурки и ложки из дерева, лепить, рисовать или из свинца отливать крошечные пистолетики... А можно попробовать себя в роли учителя рисования, как это сделали Света и Надя. Продумай урок, посоветуйся с Игорем Павловичем и, пожалуйста, проведи занятие в младших классах. Всамделишные учителя не против, потому что юные художники рисуют лучше их.

Урок, который давали Света и Надя, был пятый в их жизни. А некоторые ученики Игоря Павловича за пять-шесть школьных лет дали по 80—100 уроков в младших классах.

Но мы отвлеклись от рассказа о «комнате творчества». Почему вдруг комната? Почему не кружки, к каким мы все давно привыкли?

Игорь Павлович объясняет это так. Пятикласснику или шестикласснику скучно заниматься одним и тем же делом больше двух месяцев. И не надо ему постоянно заниматься резьбой по дереву, например, или лепкой. Пусть лучше попробует себя в разных делах. А как узнать, что тебе захочется делать завтра, если нет перед глазами примера, если ты не видишь, как такой же мальчишка, как ты, строит железную дорогу, по которой бегают вагончики и сами останавливаются на красный свет семафора? Если рядом с тобой ребята, увлеченные разными делами, ты всегда найдешь, к кому присоединиться. И учитель поможет выбрать занятие — время от времени в холле он вывешивает таблицы: все желающие приглашаются строить из палочек-бревнышек макеты изб, амбаров, Кижей... Или всем предлагает лепить из пластилина средневековых рыцарей...

А еще в «комнате творчества» можно начать заниматься в любое время учебного года, в начале, в конце... Это тоже удобно. Можно месяц-другой не ходить, если есть дела поважнее. Это не кружок, куда записался в сентябре и, будь добр, посещай каждую неделю, а то отчислят.

В «комнате творчества» занимаются ребята разного возраста, с разным опытом работы. Кто-то пришел впервые, а кто-то уже «старичок», поможет тебе советом, примером, пока учитель занят с другими. Игорь Павлович говорит, что «комната творчества» — как мастерская средневекового художника, где мастер пишет портрет, подмастерье растирает краски, а только что принятый в ученики мальчишка пока лишь в подрамник вбивает гвоздь. Легче учиться, перенимая идеи, приемы не только у взрослых, но и у ровесников тоже.

Главное, считает Игорь Павлович, предоставить всем ребятам равные условия, а там уж каждый найдет свое дело.

А как узнать, твое это дело или нет? И на это Игорь Павлович дает ответ. Он придумал «творческие книжки». Сейчас объясню, что это такое.

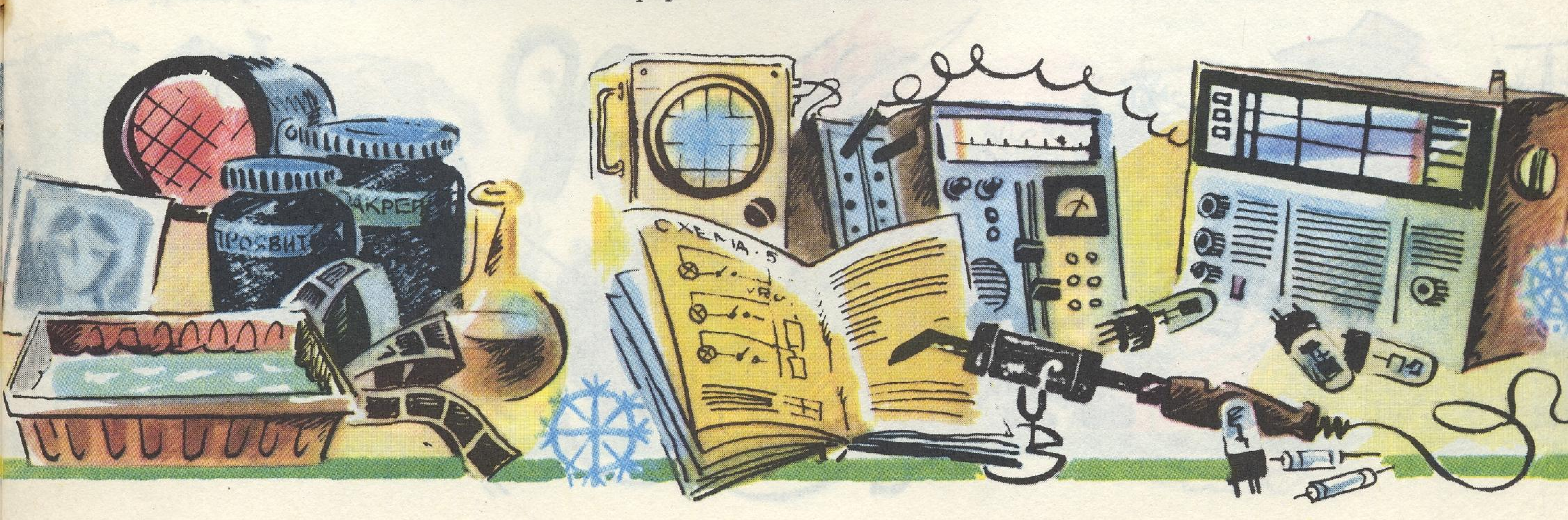
С того дня, как ты выполнил первую творческую работу, не по школьной программе, а сам, по своему желанию, тебе выдают «творческую книжку», где учитель записывает: и что ты сделал, и сам ли выбрал дело или кто-то из взрослых тебе подсказал, и насколько сложна твоя работа, и как хорошо она получилась...

В «книжке» может быть запись, что ты склеил модель, или сочинил пять басен, или перевел стихи с английского, снял фильм по своему сценарию, дал фортепьянный концерт на 10 минут для всей школы...

И так год за годом ты пробуешь себя то в одном, то в другом деле, а учитель пристально следит за твоими увлечениями и заносит их в «творческую книжку». Перед последним звонком учитель в твоей «книжке» подводит итоги. Вот что получилось, например, у Саши Ш., ученика отнюдь не прилежного на уроках.

Модели — 10 записей.

(Тут надо пояснить, что одна запись в «книжке» творчества делается за 5 моделей, например, за 10 фотографий или за 5—8 рисунков. Значит, Саша за все школьные годы склеил, собрал, построил, считай, моделей пятьдесят.)



Учитель и ученик.

Рисование — 3 записи.
Техника — 2 записи.
Радио — 2 записи.
Педагогика — 2 записи.
Черчение — 1 запись.
Макеты — 1 запись.
Кино — 1 запись.
Сувениры — 1 запись.

Что мы видим из этой таблицы? За все школьные годы Саша ни разу не попробовал печь торты, лечить животных, ему не стоит идти в пекари или учиться на врача. У него отлично работают руки и есть явный интерес к «железкам». Мастер по радиоустройствам, приборам — вот его призвание.

Игорь Павлович показал мне еще одну «творческую книжку» — Андрея М.

Андрей попробовал себя и в технике, и в физике, и в электронике... Попробовал и... убедился, что не его это дело. Зато у него 90 проведенных уроков! 11 записей за рисование, 10 — за фотоработы, 5 — за чеканку и столько же за различные ремесла... Прикладное искусство, обучение этому малышей — вот какой путь надо было выбирать Андрею после школы.

Так и получилось. Андрей окончил пединститут, факультет художественной графики, работает в школе. А Саша получил специальность наладчика радиоэлектронной аппаратуры и тоже счастлив, работой доволен.

Три совета будущим специалистам

Игорь Павлович мечтает о том дне, когда во всех школах появятся «творческие комнаты», когда каждому ученику заведут «творческую книжку» и будут 10 школьных лет пристально следить за его увлечениями, поисками, будут помогать, поддерживать, советовать, а потом вместе с аттестатом зрелости выдадут эту «книжку» на руки. Пойдешь ли ты учиться дальше или станешь работать, везде будут смотреть твою «творческую книжку». Чем ты увлекался, что умеешь, какая работа тебе дается легче — та, где надо все придумывать самому, или ты блестящий исполнитель, разъясни тебе дело, и ты выполнишь его самым лучшим образом.

Игорь Павлович давно работает в школе, много учеников выпустил и следит сейчас за их судьбой. Не у всех жизнь как по писаному складывалась. Кто-то в школьные годы много рисует, лепит, танцует, у него явные склонности к искусствам, а после школы идет в технический вуз или на химический завод... И не находит там своего призвания. Ищет другую работу, третью... А потом все-таки возвращается к интересам школьных лет.

А тот, кто учел выводы «творческой книжки» и выбрал себе профессию, связанную с детскими интересами, очень быстро достигает в работе высоких результатов. Эти бывшие ученики Игоря Павловича, если они после школы пошли работать на заводы, фабрики, к 22 годам получили высшую квалификацию в своей профессии, а те, кто окончил институты, к 26 годам становились кандидатами наук.

Игорь Павлович учит своих ребят: человек счастлив, если он работает на своем месте, если он реализовал все свои возможности. Не надо гнаться за «престижными» профессиями.

— Вот у нас в Никольском, где я раньше жил, был сапожник Петя. Его все знали и уважали за прекрасную работу и золотые руки. Профессоров таким уважением не окружают,— смеется Игорь Павлович.— Я работаю учителем в школе и доволен. Мог бы преподавать в вузе, пробовал, мог бы стать профессиональным художником, мои работы в салонах раскупаются, но не мое это дело, не могу я без шума школы. Родители мои, далеко не глупые люди, работали бухгалтерами и тоже были счастливы, потому что занимались своим делом.

Мы разговариваем в «комнате творчества». На стенах висят рисунки ребят, на шкафах — скульптуры, поделки... Я рассматриваю деревянные цепи, вырезанные из одного куска дерева, рыцарей из пластилина с проволочным каркасом внутри, действующую модель колеса обозрения... Создатель этой модели выполнил

Рисуем на природе.

токарные, жестяные работы на уровне 4-го разряда. Вот вагончики, выезжающие из депо. Здесь тоже надо было проделать и токарные, и жестяные работы, и слесарные, и простейшую электронику применить. Модель раскрашена, значит, и как художник-оформитель поработал ее создатель.

— Природные способности ребенка плюс специальное обучение — и нормальный обычный ученик будет знать и уметь в 100 раз больше, чем сейчас,— говорит Игорь Павлович.

Я качаю головой: в 100 раз! Как это себе представить? Если бы в два раза умнее и способнее были наши ребята, в десять раз, и то было бы замечательно, а тут — в сто!

Игорь Павлович смеется: «Трудно поверить, но это так».

Конечно, не сами собой ученики Игоря Павловича начинают творить чудеса, выполнять работы, как профессиональные краснодеревщики, столяры или жестянщики. Игорь Павлович их учит, готовит к самостоятельной творческой работе с первого класса, по своей методике. В начальной школе вместо уроков рисования и труда он ведет уроки творчества, где первоклашки, второклашки рисуют, лепят, чертят, решают задачи по черчению за 9—10-й классы! И все это легко, в игре. Игорь Павлович развивает у них память, пространственное восприятие, умение видеть, как решить ту или иную задачу...

Прежде чем человек начнет творить сам, его надо обучить, показать, как ему работать. А вот здесь возникает самый сложный вопрос. Обучить всех ребят заочно тому, чему Игорь Павлович учит своих учеников на уроке, он не берется. Правда, недавно мы узнали приятную новость: ЦК ВЛКСМ скоро предоставит возможность молодым педагогам съездить к учителям-новаторам, таким, как Игорь Павлович Волков, и своими глазами посмотреть, руками пощупать их опыт. Но пока это твой учитель приедет к Волкову да начнет заниматься с тобой по его системе, сколько воды к тому дню утечет. Что же делать? Ну, кое-какие выводы из этого рассказа извлечь все-таки можно.

Во-первых, не предавайся бесплодным мечтам о своей будущей профессии. Хочешь стать актрисой — запишись в драмкружок, учись танцевать, развивай память, избавляйся от скованности, неуклюжести, занимайся спортом... А там уж сама увидишь, для тебя это дело или нет.

Представляешь себя врачом — научись заботиться о малышах, запишись в зоокружок и ухаживай за животными, может, и простейшую медицинскую помощь им доведется оказать...

Возомнил себя поэтом, ну что ж, проверь, сможешь ли ты преуспеть в этом деле. Попробуй сочинить басню, пародию, эпиграмму... А еще очень полезно бывает сравнить, как это получается у тебя, а как у поэтов признанных.

Открыть и оценить свои способности можно только в деле.

Второй вывод — не бойся увлекаться то одним, то другим, шире пробуй себя. **Чем больше разнообразных увлечений ты переживешь сейчас, тем вернее, что не пропустишь дело, которым будешь с радостью заниматься всю жизнь.**

И третий вывод. Скорее даже совет. Будешь выбирать профессию, припомни свои детские увлечения. К чему у тебя душа лежала все эти годы, что давалось легче и получалось лучше? Смотришь, такой «анализ» и поможет не ошибиться.

М. БУСИНОВА

Фотографии Н. БЛИКОВА.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

2 декабря *— 90 лет со дня рождения Ивана Христофоровича Баграмяна (1897—1982), Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза.*

...Я смотрю на известный портрет Баграмяна, написанный кистью Мартироса Сарьяна... Постепенно портрет начинает рассказывать о себе: о спокойном, хладнокровном человеке, с ровным характером, рассудительностью. Кажется, что в этом человеке уживаются и требовательность, и чуткость, отзывчивость; в сжатой левой руке выражена воля. Сколько раз она проявлялась в дни войны!

М. Мержанов
«Солдат, генерал, маршал».

28 декабря *— 90 лет со дня рождения Ивана Степановича Конева (1897—1973), Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза.*

Руины нам приходилось видеть не впервые. В нашей памяти были свежи истерзанные фашистскими оккупантами города и села России, Украины, Белоруссии, растоптанная гитлеровским сапогом польская земля. Мы отлично понимали, что это ждало и Москву, и город Ленина. У советского солдата не могло не возникнуть чувства мщения, святой ненависти. Но мы никогда не отождествляли немецкий народ с кликой фашистских преступников. На занятой нами территории Германии советские воины проявили подлинный гуманизм и благородство. Поведение наших солдат и офицеров в Дрездене — характерный тому пример.

И. С. Конев «Сорок пятый».

30 декабря *— День образования Союза Советских Социалистических Республик.*

Гордись, Человек!
Улыбнись, Человек!
Рожден ты в Стране Советов!
А в мире людском
Она маяком
Светит для всей планеты!

Стихи Гали Бакулиной из «Кораблика», журнал «Пионер».

СИТУАЦИЯ

Продолжаем разбирать сложные ситуации, возникающие порой в отрядах и дружинах. Представьте себе такое письмо семиклассников:

«Мы мечтали поехать всем классом на экскурсию в другой город. Путевки, наконец, достали, на весенних каникулах едем поездом в Минск.

И вот деньги собраны, так нет же...

Есть у нас в классе девочки, для которых не существует наш коллектив, мы им не интересны. Живут они своей особенной жизнью. Их родной дом — улица: с танцплощадками, барами, кинотеатрами. Их интересуют только мальчики, чтоб покататься на мопеде, где-нибудь выпить, потанцевать. Я всегда вижу их вечером, когда возвращаюсь домой после занятий в секции. Они стоят с сигаретами в зубах, глаза, губы накрашены, щеки нарумянены, волосы осветлены перекисью. Ходят с ними мальчики такие же, как и они.

Директор школы не разрешил нам ехать на экскурсию из-за того, что у нас в классе учатся такие девочки.

Разве мы виноваты? Мы им говорили, просили, умоляли. А им наплевать. Что мы, одноклассники, можем сделать? Бегать за этими девчонками и вытирать им накрашенные глаза или выбивать из рук сигареты? Они прогуливают уроки, а виноват весь класс. Это несправедливо!»

В позиции авторов письма мы видим две ошибки. А как бы вы поступили с такими одноклассниками? На конверте напишите: **«Ситуация».**

Юнкоры! Если в ваших отрядах и дружинах возникают сложные ситуации, в которых вы не можете разобраться сами, опишите их нам. На конверте поставьте девиз: «SOS».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Я вожатая у второклассников. Сама учусь в 7-м классе. Многим ребятам я могла бы рассказать о том, какой ценой мне удалось завоевать авторитет моих подопечных. Кто хочет узнать о моем опыте, пишите: 620042, г. Свердловск, ул. Восстания, д. 97, кв. 167, Наташе Осокиной.

* * *

Я хочу переписываться с мальчиком или девочкой, которые интересуются певчими птицами. Мой адрес: 279023, г. Одесса, ул. Ленина, 69, кв. 14, Лене Кравченко.

ОТ «ЮНКОРОВСКОГО ПОСТА «РВС»

Юнкор! Напоминаем, что ты лично, твой отряд, штаб, дружина, дворовый клуб можете прислать заявку о переписке. Но не забудьте объяснить, почему вы хотите переписываться. **Главная тема «Почтового ящика» — проблемы пионерской работы.**

Ждем заявки на следующий, 1988 год!

Рисунок Н. ШЕВАРЁВА.

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

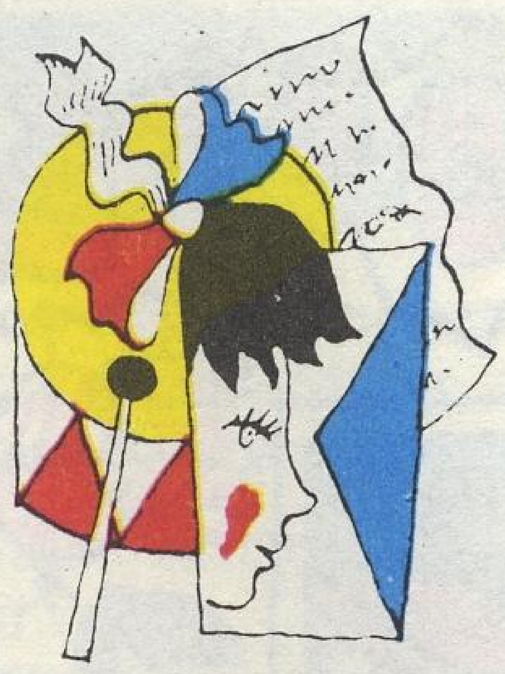
Ребята! Помните, в №6 за этот год мы сообщили о том, что самые активные юнкоры нашего журнала побывали на Центральном телевидении и принимали участие в передаче «Отзовитесь, горнисты!»? И еще, помните, мы дали слово, что подобная встреча на телевидении не последняя?

Итак, в этот раз **самыми активными юнкорами оказались члены отряда «Синий краб — зюйд» из города Симферополя** (с ними вы знакомы по публикациям в №№3 и 6 за этот год).

Почему мы выбрали именно «Синий краб — зюйд», вы узнаете из телепередачи, а также в одном из выпусков нашего поста в следующем году. Кстати, не забыли? Вы тоже можете попасть в гости на Центральное телевидение, если будете активно выполнять **все** задания нашей рубрики.

СИМФЕРОПОЛЬЦЫ! ВАМ СЛОВО ПЕРЕД ТЕЛЕКАМЕРОЙ! Поздравляем!

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА



Юнкоры — должность боевая

Ты стал редактором отрядной стенной газеты. Начал делать очередной ее номер и задумался: какой будет эта газета? Как часто делали ее твои предшественники: рисовали два-три выпуска с яркими заголовками к праздникам, раскрашивали цветочками, наклеивали открытки, подбирали подходящие стихотворения — и нормально, готово дело! Но какая польза твоему товарищу, звену, отряду, дружине от подобной газеты? Никакой.

Ты сел за стол, взял ручку, лист бумаги, подпер голову кулаком и... А о чем писать? Как писать? Неизвестно.

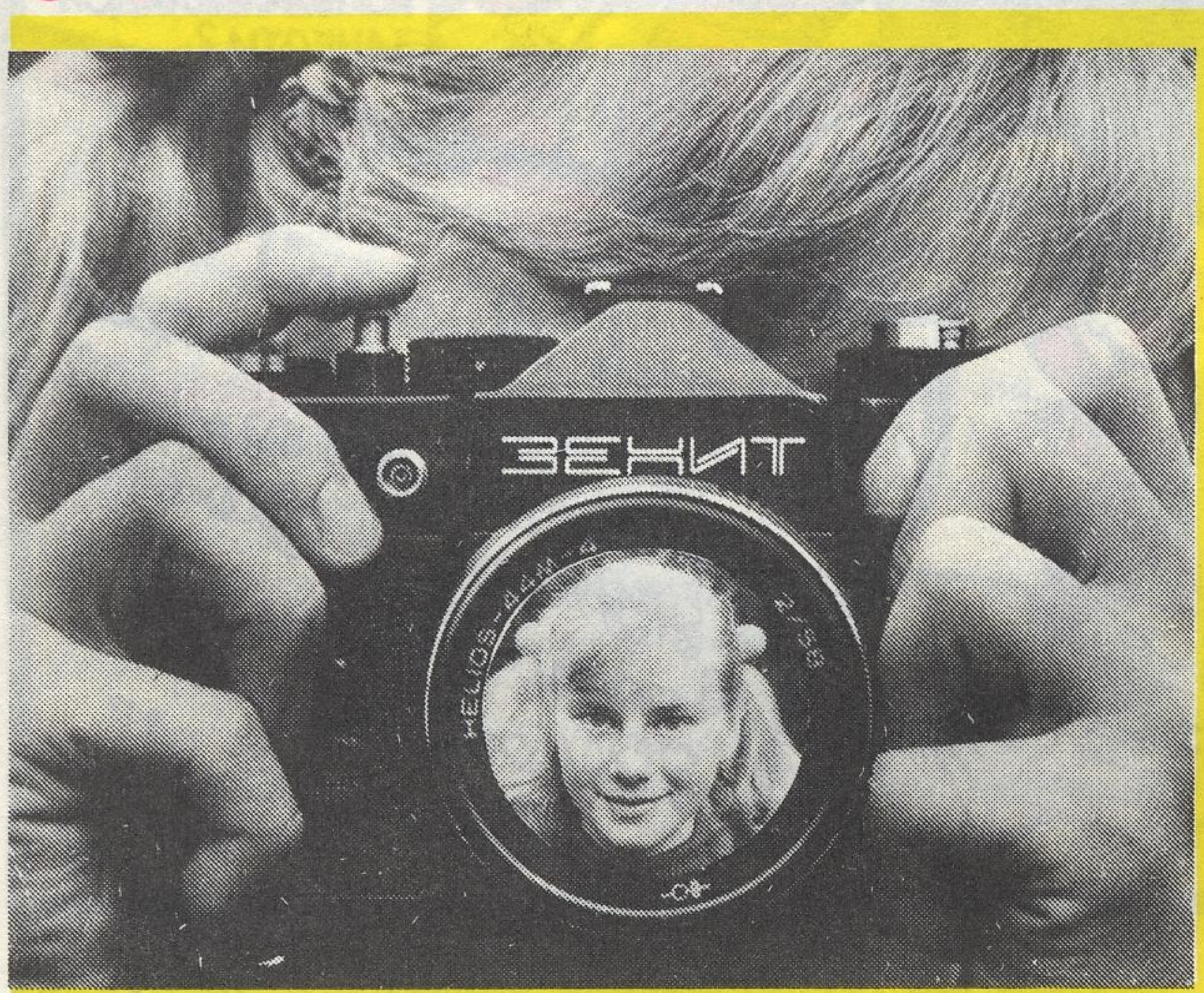
Настоящая стенная газета — дело горячее, боевое. И юнкор — должность тоже боевая.

О юнкорах, вступающих в бой с любой несправедливостью, подлостью, жестокостью, рассказывает ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ «БАРАБАНЩИКИ, ВПЕРЕД!», ПОДГОТОВЛЕННАЯ ЧЛЕНАМИ ОТРЯДА «КАРАВЕЛЛА» и выпущенная Средне-Уральским книжным издательством в 1986 году.

Дорогой читатель! Возьми в библиотеке эту книгу, и ты узнаешь, чем живут ребята известного всей стране отряда.

Теперь у тебя и твоих друзей-юнкоров есть нужная и полезная книга. А опыт и советы ребят из «Каравеллы» не раз помогут тем девчонкам и мальчишкам, кто решил стать редактором стенной газеты. Решил стать юнкором.

И. КЛИМОВСКАЯ, студентка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, по заданию «Юнкоровского поста «РВС»



АВТОПОРТРЕТ. — *Автор Ольга ВАВИЛОВА, 14 лет, фотостудия Ялтинского Дворца пионеров и школьников.*

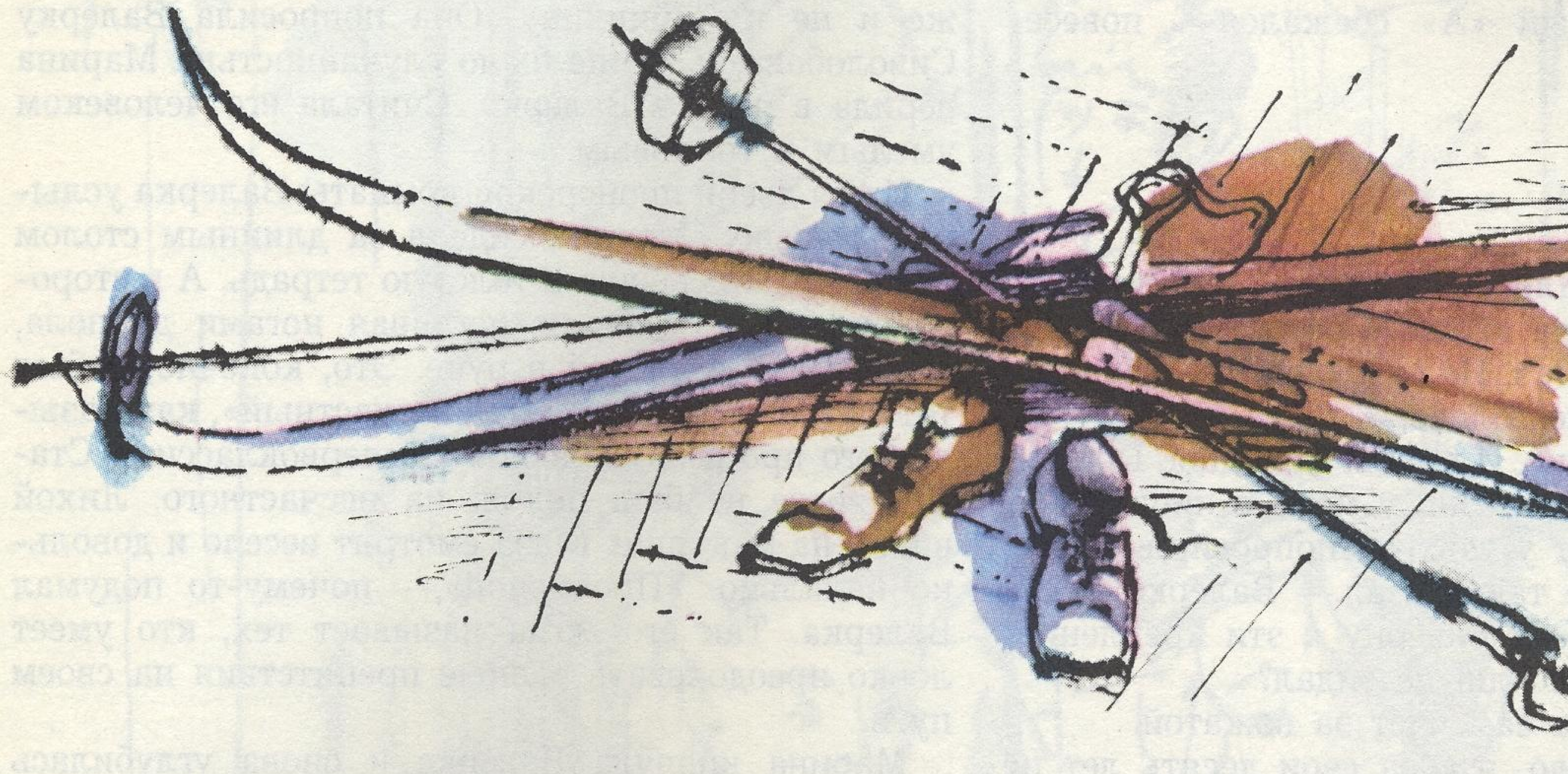
КУЧА МАЛА. — *Автор Дима АЛЬТШУЛЕР, 14 лет, фотостудия Республиканского Дворца пионеров и школьников БССР, г. Минск.*

Людмила МАТВЕЕВА

Марина и Валерка

РАССКАЗ

Рисунки К. ОРЛОВА.



Новая вожатая Марина пришла к ним в класс и сказала, что в первое снежное воскресенье они, четвертый «А», проведут соревнования по лыжам.

Сразу все закричали:

— Где будем соревноваться?

— С кем?

— Когда?

А Валерка Сиволобов крикнул «Ура!», потому что лыжные соревнования — это хорошо.

Марина сказала весело, нисколько не рассердившись на вопли, что соревноваться они будут с параллельным классом, четвертым «Б», что будет это в парке «Сокольники».

Но тут как раз начались дожди, хотя был декабрь. И Валерка Сиволобов решил, что вожатая Марина — человек невезучий. Действительно, она намечает такую прекрасную, подходящую по сезону вещь — лыжные соревнования,— а тут начинается дождь. В декабре. Валерка жалел Марину. Сам себя он тоже считал не очень везучим, поэтому Марина ему сразу понравилась.

Четвертый «А» дружно к ней пристает на каждой перемене:

— Ну когда же поедем в «Сокольники»?

— У меня лыжи новые, а мы все не соревнуемся.

— А у меня старые лучше его новых!

— Мы ждем, ждем, Марина!

— Обещали!

— Нечестно!

Это они нарочно. Ну разве от Марины зависит погода? Разве она виновата, что на улице плюс один градус, серый дождик, лужи и тоска?

Валерка Сиволобов внимательно наблюдает за Мариной.

Вот к ней подошел десятиклассник Апельсинкин. Высоченный, метра два, а Марина на него снизу вверх смотрит, но говорит взрослым тоном:

— Почему ты, Апельсинкин, не берешь ответственность на себя? Взрослый человек, а с несчастной математикой разобраться не можешь. Не буду я о твоих делах с Валентиной Вячеславовной говорить. Ничего, ничего, сам выучишь, сам ответишь, сам исправишь отметку.

И длинный Апельсинкин гнется, как прутик, и бубнит виновато, как четверокласник какой-нибудь.

Вот какая она, вожатая Марина. Очень нравится Валерке Сиволобову на нее смотреть. Все куда-то спешат и несутся, все кричат и стараются перекричать друг друга. А Марина ходит не спеша, говорит негромко, смотрит мягко. И кажется Валерке Сиволобову, что идет Марина не по школе, а по какой-нибудь лесной полянке. И шумят вокруг нее березки, а не обычная школьная переменка.

Вот подходит Марина к Валерке Сиволобову и говорит:

— У меня к тебе просьба. У одного первоклассника крепление от лыжи отлетело. Сможешь ли

ты, Валерий Сиволобов, эту аварию ликвидировать? Старшеклассники все на футбол ушли, кто играть, кто болеть. А человек семи лет, вполне славный Стасик Щукин, не отходит от меня. Вдруг, говорит, завтра снег выпадет?

Когда с просьбой к нам обращается тот, кто нам нравится, мы очень довольны. Валерке хочется показать Марине, какой он молодец-удалец. Он отвечает небрежно:

— Пошли, Марина, прибью я это несчастное крепление. Пусть не плачет Стасик Щукин.

Тут Денис, который всегда оказывается там, где он меньше всего нужен, говорит:

— Прибьешь? Крепление? Эх ты, Сиволобов! Их приклеивают, крепления-то!

Тут весь четвертый «А» сбежался — повеселиться все рады.

— Пришивают!

— Пристегивают!

— Приклепывают!

— Приваривают!

Остроумные нашлись. Валерка отвернулся. А вожатая Марина на каждого остряка по очереди смотрит, не сердится. Не разозлишь ее, Марину. Потрепала Дениса по голове:

— Умный ты, Денис. И все вы молодцы. Пошли, Валерка, лыжи чинить. Они у меня в пионерской комнате. Инструмент у завхоза попросишь.

— Подумаешь, не так сказал.— Валерка — самолюбивый парень.— Приверну я эти крепления. Что я, креплений, что ли, не видал?

Ворчит Валерка, а сам идет за вожатой.

Но в том-то и дело, что за свои десять лет не приворачивал он креплений. Так уж получилось — ни разу. И вообще не очень-то умеет обращаться со всякими железками, деревяшками. Денис — тот умеет. Преподаватель труда всегда Дениса хвалит. Говорит: «Руки у тебя, Денис, золотые». А про Валерку преподаватель труда ничего не говорит, только вздыхает. Когда Валерка берет в руки молоток, он лупит мимо гвоздя. Один раз хотел Валерка сделать отверстие в дощечке, взял коловорот, стал крутить от всей души и продырявил доску насквозь и верстак тоже почти насквозь. Конечно, это получилось совсем нечаянно. Учитель совсем Валерку не ругал, только вздохнул:

— Хорошая была дощечка, аккуратная.

И печально поглядел на Валерку.

Получилось, что разные приличные отметки по литературе, по истории и даже по математике — это еще не все. Нельзя уважающему себя человеку не уметь врезать замок, починить выключатель или просверлить чистую дощечку, аккуратно оструганную Денисом или Сережкой.

Когда Валерка приплелся к завхозу, Леонид Терентьевич сказал:

— Шурупы в ящике, лишних не бери. Отвертка на стеллаже. И ступай, ступай, у меня инвентаризация.

Он резким движением сдвинул очки со лба на нос и стал заполнять какую-то длинную бумагу.

Валерка потащился в пионерскую комнату. Ему не хотелось туда идти: там была эта дурацкая сломанная лыжа. И в то же время ему очень хотелось туда идти: там была вожатая Марина.

«У одних футбол,— думал Валерка,— у других какая-то инвентаризация. А третьи хихикают к месту и не к месту». Получалось, что все, кто умеет держать в руках отвертку, очень заняты и, кроме Валерки Сиволобова, совершенно некому во всей огромной школе починить эту несчастную лыжу. Приспичило первокласснику Стасику — вдруг, видите ли, снег выпадет? Да какой снег? Дождь царапает стекла, серый и бесконечный. Еще и на Новый год дождь будет, и никаких лыж.

Если бы попросил кто-нибудь другой, Валерка бы отказался в ту же минуту. Но обратилась к нему Марина — к нему, а не к Денису, не к Сереже и не к Зайчихину. Она попросила Валерку Сиволобова, и это не было случайностью: Марина верила в него, в Валерку. Считала его человеком умелым и толковым.

Из-за двери пионерской комнаты Валерка услышал музыку. Марина сидела за длинным столом и что-то записывала в толстую тетрадь. А в сторонe сидел на стуле, не доставая ногами до пола, мальчишка с лыжей в руке. Это, конечно, и был тот самый первоклассник «несчастный», как называл его про себя Валерка. Но первоклассник Стасик вовсе не был похож на несчастного. Лихой вихор на макушке, глаза смотрят весело и довольно нахально. «Пробивной»,— почему-то подумал Валерка. Так его мама называет тех, кто умеет ловко преодолевать разные препятствия на своем пути.

Марина кивнула Валерке и снова углубилась в тетрадь. Стасик сполз со стула и положил перед Валеркой свою дурацкую лыжу. Вот она выглядела действительно несчастной — крепление было выдрано из нее и болталось на одном шурупе.

— Во сумел.— Валерка почесал затылок.— Как ты этого добился-то?

— Прошлый год,— ответил не совсем впопад Стасик и выскочил из комнаты. А чего ему? Гуляй, пускай по лужам корабли.

Валерка покосился на Марину и засучил рукава.

— Сейчас мы ее приладим. Вот они, шурупы, вот она, отвертка. А чего? Большого ума не надо. Вот они, дырки старые, в лыже — готовые отверстия от старых шурупов. Приложил Валерка Сиволобов крепление на прежнее место и стал в отверстия шурупы вворачивать. Они легко шли, магнитофон играл, Марина не вмешивалась — видно, она Валерке доверяла. Он все сделает, как надо, этот надежный, умелый парень, Валерий Сиволобов. До чего легко идут шурупы в готовые отверстия, одно удовольствие прикручивать. Очень приятной показалась Валерке эта легкость. Сейчас минут за пять он все закончит, пустяковое дело, говорить не о чем. И Марина обрадуется: правильно выбрала человека. Вожатые должны

Валерка берет со стола ножницы и картон.
У него, конечно, получится.
Ну, может быть, не с первого раза.

всегда правильно выбирать людей на любое дело. А Стасик, наверное, замучил ее своим нытьем. Маленький, конечно.

«Ты, Валерка, молодец»,— скажет Марина. «Пустяки,— ответит он,— тут и делать нечего. Раздва — и готово».

А музыка все играет, хорошая музыка. Но вот Марина встает из-за стола и выходит вместе со своей тетрадью.

— Скоро приду, Валерка,— сказала она.— Ты работай.

Тут как раз и музыка кончилась. Но Валерке, между прочим, и без музыки весело, хорошее настроение у Валерки Сиволобова. Последнее движение отверткой — все, получай, первоклассник Стасик, свою лыжу.

— Ты что, Сиволобов, совсем?

Рядом стоит Денис. Опять он здесь, ну что за человек навязчивый. Голову набок склонил, ехидными своими глазами на Валерку уставился.

— Какой же балбес в старые дыры шурупы вгоняет? Разве будет держаться? Эх ты!

— А что? — бормочет Валерка.— Хорошо идет, легко и ровно.

— Во! «Хорошо идет». Легко идет, легко и вылетит! Надо же додуматься! Совсем уж. Дай-ка!

Он берет у Валерки отвертку, в минуту выкручивает шурупы эти несчастные, и один, и второй, и все остальные. А потом бежит к завхозу, приносит маленький коловорот, быстро делает новые отверстия, мелкие стружечки сыплются на пол из-под рук Дениса, он работает молча. В такие минуты Денис не болтает и не смеется — или работать, или дурака валять. Валерка рядом переступает с ноги на ногу, делать ему нечего. Больше всего на свете не хочет Валерка, чтобы его видела сейчас Марина. Но она и не идет.

— Вот и все, теперь его никакой силой не оторвешь.— Денис докрутил последний шуруп.— На века приделано. С любых гор кататься можно. Учись, Сиволобов, пока я жив.— Он опять ехидный и занозистый, этот Денис. Сейчас обязательно скажет что-нибудь обидное. И он, конечно, говорит:

— Отнеси-ка инструменты, подсобник.

Валерка сразу вскипел. Он, может быть, никогда в жизни так не обижался.

— Я тебе не подсобник! Хвальба!

Денис глаза вытаращил. Чего разозлился? Ничего особенного Денис не сделал, пошутил, и все. Прямо уж и слова не скажи.

— Чего ты бесишься? Я тебе помог? Помог. А ты орешь.

— Мог не помогать! Никто тебя не просил!

— Никто.— Денис соглашается весело и тут же добавляет: — А может, просили.— Тут Денис прикусил язык. Вожатая Марина сказала: «Пойди, Денис, помоги Валере Сиволобову». Вот именно так она и сказала только что. А Денису не жалко — пришел и помог. Пусть этот Валерка учится, а то сам не умеет, а выступает.

Валерка отвернулся от Дениса, подергал крепление — привинчено крепко. Но насмешек Валерка все равно не потерпит.

— Хихикаешь, как будто смешно.

— Ладно тебе, раскричался.

Тут возвращается в комнату Марина. Она улыбается успокаивающей улыбкой.

— Сделал? Вот спасибо, Валера Сиволобов. А ты, Денис, помог ему? Ну и молодцы.

И вдруг Денис сказал:

— Ничего я не помогал. Он сам. До свидания, Марина.

И Денис убежал.

Валерка быстро отнес отвертку и коловорот. Потом он немного посидел у Марины в пионерской комнате. Здесь хорошо сидеть. Забегают ребята, играет музыка, плавают в аквариуме золотые рыбки с шелковыми хвостами. Марина вместе с какой-то девочкой из восьмого класса клеит цветные шляпы для маскарада. Некоторые шляпы зеленые в красный горох, а другие — красные в зеленый горох.

— Давайте я вам буду помогать,— предлагает Валерка.

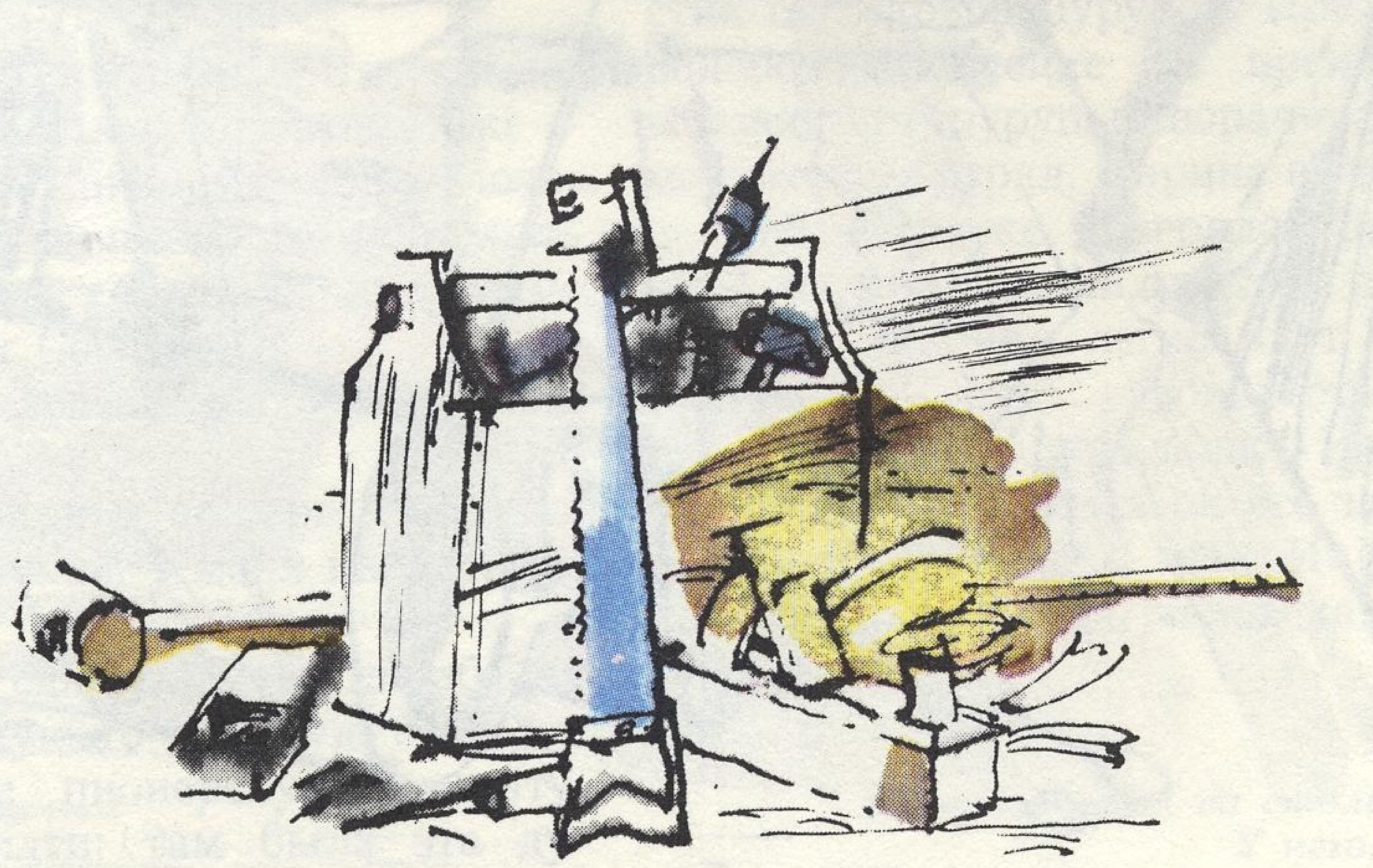
— А сумеешь? — улыбается Марина.

— Вот еще. Что я, шляп, что ли, не видел?

Валерка берет со стола ножницы и картон. У него, конечно, получится. Ну, может быть, не с первого раза.

Он очень старался.

И как раз в это время вместо унылого дождя пошел за окном самый настоящий снег. Праздничный и радостный, он летел щедрыми хлопьями, мягко стукался о стекло, ложился на серый блестящий от воды асфальт.



Инна ГАМАЗКОВА

ДЕТСКИЙ МИР

Что такое Детский мир?

— Это сказочная, волшебная страна, откуда к нам приходят игрушки,— скажет малыш.

— Это муравейник! Нет, это муравьиный сумасшедший дом! — воскликнет взрослый.

И только ты, еще не взрослый, но уже и не малыш, конечно, ответишь: «Детский мир», он и есть «Детский мир», магазин для детей.

И ты будешь прав. А еще точнее скажут те, кто здесь работает:

— «Детский мир» — это фирма.

И действительно, универмаг на площади Дзержинского в Москве словно дядька Черномор среди витязей-филиалов, их у него 26, а имена у них разные: «Дом игрушки», «Тимур», «Смена», «Звездочка».

Итак, «Детский мир» — предприятие, торговая фирма... и еще немножко сказка. Потому что здесь часы не часы, а огромное улыбающееся солнце. Прилавок не прилавок, а непонятной архитектуры замок или терем с башенками. В «Детский мир» раньше всех приходит Новый год, и только наступает декабрь, продавцы превращаются в Снегурочек.

И кто-то подумал о нас, приготовил к празднику фонарики, позаботился о масках, о карнавальных румяных носах с очками и кисточками усов...

Так уж устроен «Детский мир», чтобы сопровождать нас по дорогам детства. Сперва пеленает и развлекает игрушками, потом одевает и обувает. Здесь покупают нам первый транспорт — коляску, потом манежик, где мы будем учиться ходить, первый высокий стульчик. Здесь так много игр и игрушек, тренирующих ловкость, глазомер, сообразительность. Играя в лото, мы запоминаем названия растений и рыб, передвигая фишки по нарисо́ванной дороге, узнаем правила дорожного движения. Конечно, никто из нас не думает: возьму, мол, я прыгалки, потренирую свои икроножные мышцы. Или: поверчу-ка я кубик Рубика, разовью логическое мышление. Но ведь главное — результат!

И, наконец, «Детский мир» помогает нам стать взрослыми. Когда мы говорим «взрослый», то в первую очередь подразумеваем «серьезно относящийся к делу» и «умелый». Ты заметил, к тем, кто многое умеет, отношение особое, уважительное. Вот «Детский мир» и развивает наши неумелые руки, чтобы стали умелыми. Радиотехники и фотографы, моделисты и вышивальщицы и вообще все ребята, которые из фанерок, лоскутков, веревок, проволоки могут сделать такое — ахнешь, устраивают в ноябре выставку прямо в главном универмаге «Детского мира». Народу бывает! А главное, здесь же продаются те самые материалы, из которых сделана вся эта красота.

Вот так и превращаются отходы производства в

доходы: во-первых, магазин выручает за них до пяти миллионов рублей, а главный доход стране — умелые руки ребят.

За год выручка «Детского мира» составляет почти миллиард рублей. Много это или мало? Очень много. А могло бы быть больше? Конечно. Часть покупателей уходит, так и не найдя нужного товара. Так что же вы, фирма, не справляетесь?

«К нам в магазин едут покупатели со всей страны. И, конечно, не всем хватает школьной формы, ботинок и колготок. Но за этими товарами и не надо ехать в Москву. Они должны быть в любом городе или селе, другое дело, что не всем нравятся вещи, которые на прилавках спокойно лежат»,— ответила мне Тамара Кузьминична Кашкина, главный товаровед фирмы. Она рассказала, что сейчас как раз происходит в сборной команде «Торговля — Промышленность» смена лидера. До сих пор командова-

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

ло предприятие: этому магазину столько товара, этому — столько. Была уверенность: сколько ни дай, все будет продано, ведь надо во что-то одеть и обуть ребят!

А теперь нас, одетых, «что-нибудь» не устраивает. Нам не все равно, плащевка или марлевка, в клетку или в полоску, на пуговицах или на кнопках. Понравится вещь — купим, а если нет? Выходит, люди работали зря. Им зарплату выдают, а вещь не продается, государство прибыли не имеет. Один убыток.

И тогда поняли, что командовать должна торговля. Если товар неходовой, торговля его не возьмет. Зачем нужны вещи, которые будут пылиться на складе? Весь коллектив фабрики должен перестроиться, научиться думать: будет ли доволен моей работой покупатель, понравится ли ему, захочет ли купить сделанную мною вещь? Ведь получать прибыль предприятие теперь будет не за произведенную, а за проданную продукцию.

Трудно перестроиться? Конечно, трудно. Но, может быть, помогут делу новые формы работы — сквозные бригады? Например, рабочие обувной фабрики и секции, продающей обувь, договариваются считать друг друга членами одной (сквозной) бригады. Обувщики могут сами постоять — и стоят за прилавком, посмотреть, как раскупают их товар, услышать замечания покупателей. Заметят плохо приклеенные стельки, непрошитый рант, не пользующийся успехом у покупателей цвет обуви, на фабрике разбираются: в чем (или в ком) причина брака? Как случилось, что люди на фабрике оказались не в курсе моды, спортивных увлечений ребят.

Сколько нужно комбинезонов и кроссовок, костюмов для аэробики и тенниса? Чтобы не промахнуться, «Детский мир» изучает конъюнктуру, то есть наши с тобой потребности, изучает разными способами, один из них — выставки-продажи. Во время такой выставки можно не только купить товар, но оценить все, что представлено, проголосовать «за» или «против», нажав на специальной панели кнопку «нравится» или «не нравится».

Непростое дело торговля. С самых давних времен именно она связывала деревню с городом, страну со страной. Купеческие корабли шли в далекие заморские страны, многие великие путешественники, такие, как Афанасий Никитин, «ходивший» за три моря, в Индию, или Марко Поло, впервые поведавший европейцам о чудесах Китая, были купцами. И в наши дни торговля имеет не только экономическое, но и политическое значение. Наша страна стремится к миру и дружбе со всеми народами. А в чем конкретно выражается эта дружба? В крепких и многосторонних торговых связях. С первых лет Советской власти мы предлагаем всем народам не воевать, а торговать. Значит, торговля сродни миру и противостоит войне. У «Детского мира» также большие международные связи, одна треть проданных в 1987 году товаров — импортные.

Перед Новым годом в «Детском мире» шумно, празднично. Каждый посетитель выбирает новогодний подарок.

Мы поздравляем всех ребят с Новым годом! А тебя, «Детский мир», и с днем рождения, ведь ты у нас именинник: ровно тридцать лет исполнилось!

ЕСТЬ ИДЕЯ!

В первом номере нашего журнала за этот год мы объявили конкурс «ЕСТЬ ИДЕЯ!». Год подошел к концу. Пора подводить итоги.

Итог главный и, пожалуй, самый важный для нас: ИДЕИ У ВАС ЕСТЬ! Даже очень много. Мы получили более трех тысяч писем. А идей в них — просто не сосчитать. Причем некоторые из них уже получили жизнь на страницах журнала.

Например, Володя Н. из Тулы писал так: «Хочу, чтобы ваш журнал стал более умственным. Поэтому печатайте разные кроссворды и чайнворды». Володя был не одинок в своем желании. Его поддержали 1294 человека. Конечно же, мы не могли оставить без внимания столь многочисленные просьбы, и с пятого номера наш журнал стал «умственным»: у нас появились кроссворды, чайнворды и логические игры.

Еще больше народа — почти две с половиной тысячи — требовали, чтобы мы безотлагательно начали печатать различные полезные советы для мальчиков и девочек. Мы не стали откладывать в долгий ящик воплощение и этой идеи: с седьмого номера журнала на его страницах поселился Домовенок со своей компанией именно для подачи подобных советов.

Как вы знаете, мы уже учли пожелания любителей спорта, музыки. Закрутилось наше «Музлото», на полную силу заработал «Пионерский спортзал».

Обсуждаются и некоторые другие ваши идеи. Однако тут надо сказать, что идея идее рознь. Согласитесь, «открыть на страницах журнала музыкальную рубрику» — это идея. А вот «рассказать об ансамбле «Модерн Токинг»» — все-таки не идея, а так — мыслишка.

И еще. Уж если мы объявили конкурс идей, то первое место должна получить идея оригинальная, уникальная, а не та, что высказывается в каждом втором письме. С этим, мы надеемся, вы тоже не можете не согласиться. Ибо все гениальное просто, но вовсе не все простое гениально.

Вот такой оригинальной, уникальной идеей нами (а судя по вашим письмам — и вами) признана идея **Светы КАРПАНОВОЙ.** То, что предложила Света: печатать в рубрике «Писатели нашего детства» после рассказа о писателе его произведения,— на первый взгляд очень просто. Но настолько оригинально, что даже мы, профессиональные журналисты, до этого сразу не додумались.

Именно поэтому **Света КАРПАНОВА** объявляется победителем конкурса «ЕСТЬ ИДЕЯ!» с присвоением ей почетного звания ГЛАВНЫЙ СОВЕТНИК «ПИОНЕРА» и вручением ценного подарка.

Редакция журнала от всей души поздравляет Свету с почетным званием.

А для тех, кто пока еще это звание не заслужил, объявляем: НЕ РАССТРАИВАЙТЕСЬ! У ВАС ВСЕ ВПЕРЕДИ!

КОНКУРС «ЕСТЬ ИДЕЯ!» ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Ждем от вас новых идей по поводу того, каким быть «ПИОНЕРУ-88»!

Валентин БЕРЕСТОВ

Первый вечер войны

(1941 год)

Шел первый вечер, быть может, последней войны.
Как на поминках, едим со слезами блины.
Смотрим на дверь, и едим, и глядим на отца.
Тихо... Так тихо, что слышно, как бьются сердца.
Может, и с этой, как с первой войны мировой
Или с гражданской, отец возвратится живой.
Нитки. Иголка. Опасная бритва. Блокнот.
Сборы и вправду недолги в далекий поход.
Выйдет пехота планету спасать и страну.
Как на работу, собрался отец на войну.

В глубоком тылу

(Осень 1941 года)

Один из них в Ташкенте жил.
Другой приехал из Калуги.
Все было разное у них
И только бабушка одна.
Из писем бабушки своей
Они узнали друг о друге.
А в сорок первом их свела
Отечественная война.

Рассказывает младший брат
Про затемненья и тревоги,
Как с «юнкерсом», таким большим,
Сражался юркий «ястребок»,
Как через город шли стада...
А старший брат, серьезный, строгий,
Твердит: «Ты это запиши,
Ведь у тебя прекрасный слог».

И горько плачет младший брат,
Услышав горестную сводку.
Он помнит «мессершмиттов» вой
И резкость воинских команд.
А старший на него глядит,
Глядит, как на свою находку,
И радуется, что нашел —
А что вы думали! — талант.

Путь в читальню

(Ташкент, 1942 год)

Там великих книг неслышный хор.
Выбирай, читатель ненасытный.
Там тебе почтенье и простор,
Мальчик из кибитки глинобитной.

С голодухи не хватало сил.
И чтоб крепнул дух в дороге дальней,
Карточку на хлеб я «прикрепил»
В магазине рядом с той читальней.

Строили просторный город-сад.
Грянула вторая мировая.
Пассажиры гроздьями висят
На подножках каждого трамвая.

Взрыв нестрашный шашки дымовой.
За резным порталом — киностудия.
«Дубль второй!» В атаке штыковой
Взвод берет фашистские орудия.

Слава... Передаст ее герой
И тому, кто роль его играет,
И тому, кто крикнул «Дубль второй!»,
И кто песни к фильму сочиняет.

Радио. Читает Алимджан.
Мерный голос, добрый, но суровый.
Враг — «душман», а Родина — «Ватан»
Чаще всех звучат два эти слова.

Слава и со смертью примирит.
Что ей краткий век иль суд неправый.
Нет тебя, а голос говорит,
И чем больше бед, тем больше славы.

Пыль. Жара. Но цель моя близка.
Под мостом Анхор струится с плеском.
Тень акаций, книг до потолка,
Мирозданья смысл и хлеб с довеском.

Сиротская зима

В каком это году, наверно,
в сорок третьем,
Я чистый этот снег услышал
или встретил?

Н. Злотников

По летающему снегу,
По блистающему льду,
Как по детству, как по счастью,
Тосковал я в том году.

Был декабрь без снегопада,
Без мороза Новый год,
И зима была сиротской
Во спасение сирот.

Горный ветер, южный город,
Птицам северным приют.
Кабы к голоду да холод,
Я б, наверно, умер тут.

В башмачищах из брезента,
В тюбетеечке пройду
По военному Ташкенту
В наступающем году.

Вспомню елки да березы,
Попирая и браня,
Ту, без снега и мороза,
Зиму, спасшую меня.

Отцовский подарок

В павильоне на выставке Узбекистана
Желтоватый цветок положил он в альбом,
И анютины глазки из Ясной Поляны
Засушил он на память о нашем Толстом.

Не сломались они, и не выцвели краски
У бесплотных растений, подобных мечте.
И хлопчатника цвет, и анютины глазки,
Как рисунок, сияли на белом листе.

И как будто отец мой предсказывал ими
И раскопки мои, и стихи, и хребты,
И на книжных обложках сыновнее имя,
И тебя, что всю жизнь рисовала цветы.

Рисунок И. ПАНКОВА.

«ВСЕГДА ДЕРЖАТЬ ДАННОЕ СЛОВО...»

Эта организация родилась в суровые годы второй мировой войны. На I конференции объединенного Союза антифашистской молодежи, которая состоялась в городе Бихач 27—29 декабря 1942 года, было принято решение о создании Союза пионеров Югославии. День 27 декабря стал днем рождения пионерской организации страны. Сегодня она насчитывает свыше трех миллионов пионеров — мальчиков и девочек от 7 до 15 лет.

Ивана Петкович вступает в пионеры

С черноглазой первоклассницей из Белграда я познакомилась в городском парке Калемегдан, что раскинулся у слияния двух рек — Савы и Дуная. В яркой курточке, с ранцем за плечами девчушка задорно вышагивала по аллее парка и громко приветствовала прохожих: «Здраво!», «Здраво!».

— Здраво! — сказала она и мне.

— Здраво! — ответила я в тон девочке.

Она остановилась, лукаво взглянула на меня и, поправляя огромную заколку-бабочку в густых, черных как смоль волосах, спросила:

— Вы откуда?

— Из Москвы,— ответила я.

Мы разговорились, и Ивана не без гордости сообщила мне, что скоро ее будут принимать в пионеры.

— Приходите,— сказала она мне на прощание.— Я вас приглашаю к нам в школу.

И вот настал торжественный день — День республики — самый главный праздник Югославии, который отмечается ежегодно 29 ноября. В этот день пионерские дружины принимают в свои ряды пополнение. В актовом зале школы собрались все пионеры. Сегодня они особенно нарядны — в парадной форме, очень похожей на нашу,— девочки в белых блузах и синих юбках, а мальчики в такого же цвета рубашках и брюках. На груди алеют красные галстуки, которые югославские пионеры носят только по торжественным случаям. На головах синие шапочки с красной звездочкой в центре, точь-в-точь такие же, какие носили партизаны Югославии во время войны.

Звучит торжественное обещание пионеров. В ряду первоклассников я с трудом нахожу Ивану. В новой пока еще для нее форме вместе со всеми она громко произносит: «Вступая в ряды пионеров, даю обещание прилежно учиться и работать, уважать родителей и старших, быть верным, искренним другом и всегда держать данное слово. Обещаю брать пример с лучших пионеров, ценить славные дела партизан, а также людей всех стран, борющихся за свободу и мир. Обещаю любить Родину, все братские народы и строить жизнь, полную радости и счастья».

Затем пионеры повязывают первоклассникам галстуки, вручают значки, шапочки и членские книжки.

Звучит пионерский призыв: «За Родину с Тито — вперёд!». И первоклассники отдают салют — подносят к виску правую руку, сжатую в кулак. Так приветствовали друг друга югославские партизаны.

«Велики школски час»

Всматриваясь в счастливые, радостные лица юных пионеров, слушая их весёлые, задорные песни, я невольно вспомнила Крагуевац — небольшой старинный сербский город, где 21 октября 1941 года фашисты в один день расстреляли семь тысяч триста мирных жителей.

Детей выводили на расстрел целыми классами вместе с учителями.

Когда директору школы Миле Павловичу каратели предложили сохранить жизнь, он отказался и предпочёл разделить судьбу своих учеников. «Я и сейчас веду свой урок»,— написано на одной из мраморных плит братской могилы, где покоится Миле Павлович.

Ежегодно 21 октября на «Велики школски час» (Большой урок) — величественный и скорбный ритуал в память о трагическом событии в Крагуевац съезжаются десятки тысяч людей из Югославии и других стран.

Приезжают сюда и дети, а лучшим пионерам города предоставляется право провести в этот день экскурсии по мемориальному комплексу «Крагуевский октябрь», что расположен на пологих холмах парка.

Среди зелени деревьев и многоцветья полян в скорбном молчании стоят белые памятники, изображающие фигуры детей, на мраморных пли-

тах братских могил рядом с именами взрослых стоят и их имена.

Страницы истории

Большой урок жизни получили от своих отцов и старших братьев югославские дети. Многие из них во время войны ушли в горы к партизанам и там по примеру старших создавали свои партизанские отряды, в которых они сами были и командирами, и комиссарами. Ребята собирали оружие, одежду, лекарства, еду для партизан, изготовляли самодельные бомбы и гранаты, ухаживали за ранеными, участвовали в боевых операциях, осуществляли связь между отрядами, разносили письма.

Эти детские партизанские отряды и стали впоследствии первыми пионерскими отрядами. Преодолевая трудности, плечом к плечу со взрослыми шли дорогами войны юные герои — пионеры Югославии. Многие из них награждены орденами и медалями. Высшей награды страны — ордена Народного героя Югославии были удостоены семь пионеров. Среди них легендарный БОШКО БУХА — пионер из Хорватии, погиб в 1943 году; САВА ЙОВАНОВИЧ — тринадцатилетний пионер, боец II Пролетарской бригады, не раз проявлявший чудеса храбрости, спасая свой отряд в сложных боевых ситуациях,— погиб в 1944 году; ФАНА КОЧОВСКА-ЦВЕТКОВИЧ — тринадцатилетняя пионерка, в оккупированном фашистами селе она вместе со своими друзьями собирала оружие для партизан, расклеивала листовки, а позже стала бойцом партизанского отряда. Спустя тридцать лет после войны она стала руководителем Союза пионеров Югославии.

В трудном 1942 году, в самый разгар войны, юные партизаны выпустили первый номер своей газеты «Пионер». Написанная от руки на обёрточной бумаге, она рассказывала о боевых делах и подвигах ребят. В ней помещались детские рисунки, стихи и письма. Затем она стала выходить регулярно вплоть до 1945 года. Отпечатанная типографским способом, эта газета была первым букварём для многих мальчиков и девочек.

«Братство-единство»

Сегодня пионерские отряды работают повсюду: в школах, во дворах, в клубах. Создаются и объединения по интересам: юных техников и космонавтов, натуралистов и спортсменов, следопытов. Они изучают историю страны, боевые подвиги своих отцов, ходят в походы по партизанским тропам, ухаживают за могилами погибших, в том числе и советских воинов, павших в Югославии.

По всей стране проходят акции солидарности с народами, борющимися за свою свободу и независимость. Пионеры с удовольствием принимают участие в различных играх, которые проводятся в течение одного-двух лет, устраивают конкурсы, фестивали, чтобы лучше узнать национальные обычаи и традиции народов и народностей Югославии.

Одним из самых интересных пионерских дел стал ежегодный слёт «Братство-единство», который собирает пионеров со всей страны. Он проходит летом в местах, связанных с историей национально-освободительной борьбы.

Недавно я получила письмо от Иваны Петкович. «В июле я была в пионерском лагере «Сутеска»,— пишет Ивана,— на слёте «Братство-единство». Нас было 80 человек — пионеры из всех республик Югославии. Лагерь находился в живописном горном селе Ябука у подножия горы, на которой установлен бронзовый памятник народному герою Югославии пионеру Бошке Бухе. Две недели мы вместе отдыхали и работали, а у памятника Бошке у нас проходили уроки истории. В лагерь приезжала сестра Бошки Зорица. Она рассказала о его детстве, о том, как он сражался и погиб.

К закрытию лагеря мы подготовили большой концерт. Ребята танцевали, пели, читали стихи на всех языках нашей страны...»

В нынешнем году слёт «Братство-единство», о котором мне написала Ивана, прошёл под знаком 45-й годовщины создания Союза пионеров Югославии, как и другое большое мероприятие — слёт следопытов, собравший в Белграде двенадцать тысяч ребят.

Надежда БЕССОНОВА,

Белград — Москва.

Рисунок А. ГРИШИНА.

Володя Никли:

«Я приобрел новых друзей...»

В 4-м номере журнала «Пионер» за этот год были опубликованы итоги конкурса «Наш друг — Венгрия, наши друзья — венгерские пионеры». Его победителем стал **Володя Никли** — ученик четвертого (а теперь уже, конечно, пятого) класса из села Казаклия Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР. В составе делегации советских пионеров он побывал минувшим летом в Венгерской Народной Республике.

Вернувшись, Володя приехал в редакцию и поделился своими впечатлениями:

— Поездка была очень интересной,— сказал он.— Десять дней в пионерском лагере «Чиллеберц» в Будайских горах близ Будапешта и десять дней в пионерском городке «Занка» на озере Балатон. Участвовал в конкурсах, концертах, акциях солидарности, в забеге на два километра, был Волком на карнавале. Я смог больше узнать и о венгерских пионерах, и о ребятах из многих других стран, которые были в международном лагере. Крепко подружился с Роланом из венгерского города Сегед. И вообще приобрел много новых друзей. Я привез адреса пионеров Венгрии, Кубы, Румынии, из арабских стран. Я думаю, что это поможет нашему школьному КИДу лучше организовать переписку с зарубежными сверстниками.

Чжао Цзяминь:

«Чувствую себя в Москве, как дома...»

Чжао Цзяминь живет на северо-востоке Китая в административном центре провинции Ляонин городе Шэньяне. Это довольно крупный город, в нем более четырех миллионов жителей. Чжао четырнадцать лет, он учится в Ляонинской средней экспериментальной школе, где в качестве иностранного преподается русский язык. Сегодня в китайских школах изучают русский более пятисот тысяч ребят. Чжао был единственным пионером в группе школьников КНР, впервые принимавшей участие в уходящем году в международной олимпиаде по русскому языку и литературе.

— Наша пионерская организация,— рассказал Чжао Цзяминь,— основана в 1949 году. Сейчас в ней около ста миллионов ребят. Как и советские, китайские пионеры носят красные галстуки. Но специального значка у нас нет. В пионерскую организацию Китая входят дети от 6 лет до 14. Пионеры школы выбирают совет, который руководит всей работой — проводит собрания, конкурсы, соревнования, вечера, организует лекции, посещение заводов. Ребята помогают друг другу в учебе, проверяя домашние задания. Есть у нас и свои «тимуровцы», которые помогают одиноким и старым людям.

В каждой начальной школе есть вожатый: учитель, солдат или рабочий. В Китае начальная шестилетняя и средняя школы существуют раздельно. Пионерская организация действует как в начальной, так и в первых двух классах средней школы. У старших пионеров главная задача — подготовиться к вступлению в комсомол, поэтому они большое внимание уделяют изучению истории союза молодежи.

Чжао посетил вместе со своими товарищами подмосковный пионерский лагерь «Дружба», и ему там понравилось:

— У нас тоже устраивают пионерские лагеря: и летом, и зимой. Некоторые на базе школ, некоторые в горах или на морском побережье. Только смены у нас короче: всего десять дней.

Ну, а как показалась Москва, какие впечатления от встреч с советскими людьми?

— Москва очень понравилась,— ответил Чжао.— Много интересных архитектурных памятников. Много зелени, больше, чем у нас в Шэньяне. А советские люди очень доброжелательны. Совсем не чувствую себя за границей. Я чувствую себя здесь, как дома.

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Юрий СОТНИК

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ТАЙНА бабушкиного парика

МАЛЕНЬКАЯ ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

I

Тринадцатилетняя Алена болтала со своей одноклассницей Зюлейкой (сокращенно — Зушка), когда к ней в комнату вошел пятилетний Левка. За ним следовал фокстерьер Тявка.

— Ты мой пистолет не видела? — уныло спросил Левка.

— Не видела. У бабушки в комнате посмотри.

— Я там смотрел уже.— Левка заглянул под кушетку, на которой сидели подруги.— Может, его Тявка в кухню затащил,— сказал он и удалился.

Хлопнула входная дверь. Через минуту послышался веселый голос бабушки:

— Алена, ты дома? А ну, скорей сюда!

Алена и Зюлейка побежали в другую комнату. Возле бабушки приплясывал на задних лапах фокстерьер Тявка, царапая передними лапами ее

ногу. Бабушка говорила ему: «Тявка, отстань! Тявка, юбку порвешь!», а сама смотрела на свое отражение в большом зеркале, слегка поворачивая голову то вправо, то влево. На голове ее красовался роскошный парик, волнистый, совершенно седой, с легким голубоватым отливом.

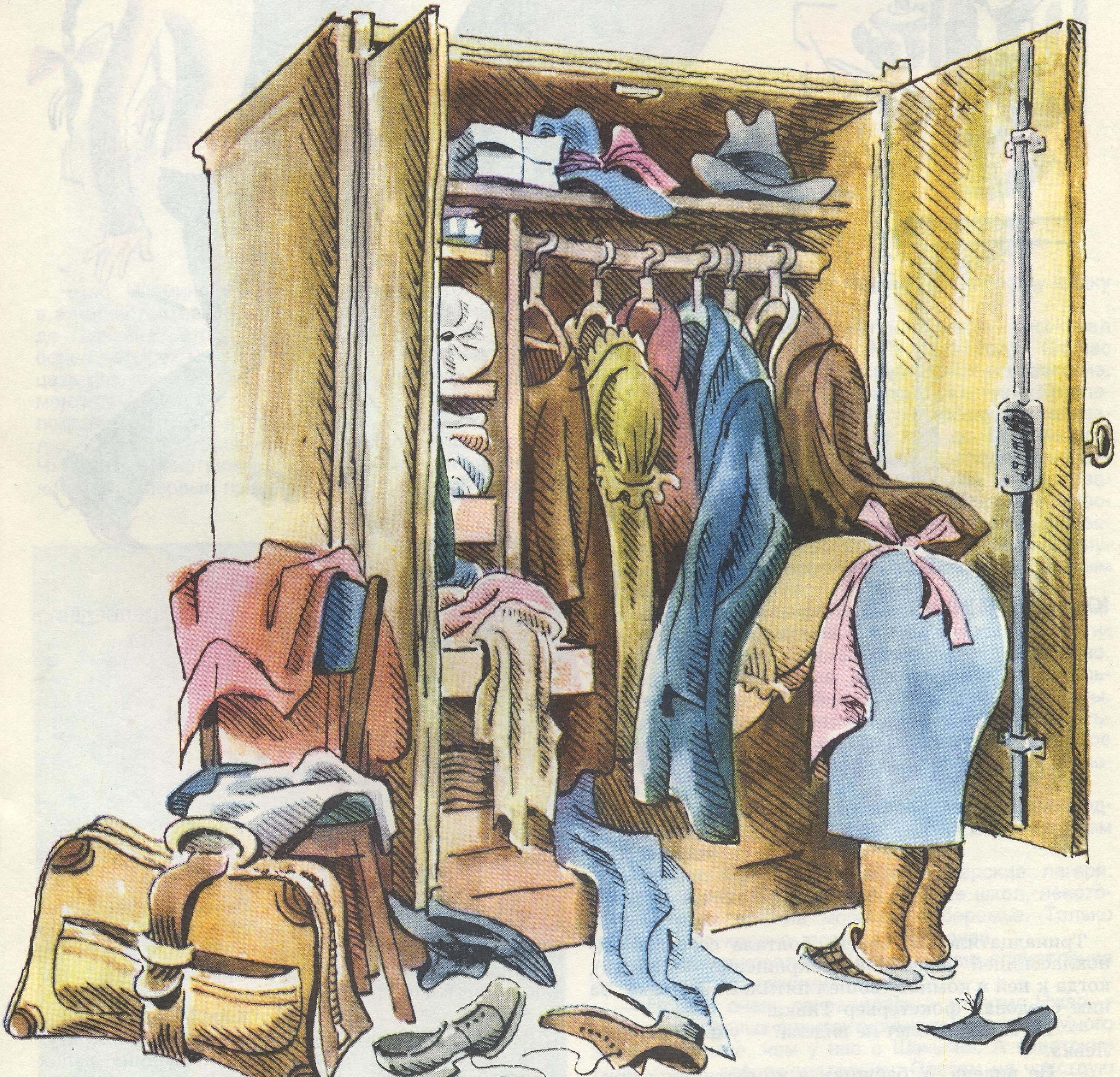
— Ну, как? — спросила бабушка, повернувшись к девочкам, и подбоченилась.

— Бабушка! Здоровски как!..

— Лялька, сколько раз тебе говорила, чтобы ты оставила свой дворовый жаргон. Почему не сказать: «хорошо» или «прекрасно», на худой конец «здорово»? — Бабушка заулыбалась и снова обратилась к зеркалу: — Ничего себе, а? В понедельник у меня на работе все бабы умрут. Одни от зависти, другие — со смеху.

Девочки молчали, глядя на парик. Обе понимали, что сбылась давняя мечта Людмилы Федоровны. Женщина, полная энергии, она поседела очень рано и стала красить волосы. Наконец, ей надоело каждые две недели ходить в парикмахерскую и тратить много времени на сидение в очереди к любимому мастеру и на сидение перед зеркалом у этого любимого мастера. Волосы у Людмилы Федоровны были пышные, они как-то сами собой укладывались в ладную прическу, и она решила, что естественная седина ей даже подойдет. Но вот беда: пока седые волосы будут отрастать, ее голова надолго останется пегой: часть волос будет крашеная, а другая часть — седая. Бабушка решила потратиться и сделаться седой сразу, купив себе соответствующий парик.

Это оказалось делом нелегким. Парики продавались во многих комиссионных магазинах, но такого, какой понравился бы Людмиле Федоровне, нигде не было. И вот, наконец, сбылась ее мечта!



— Представляете,— говорила она, все еще глядя в зеркало.— Захожу в наш угловой комиссионный и вдруг смотрю — висит! Тявка, пошел вон! Отстанешь ты от меня, наконец?!

Тоненькая смуглая Зушка обошла вокруг Людмилы Федоровны, оглядывая ее со всех сторон.

— Вы в этом парике на старинную маркизу похожи,— сказала она.— Только знаете что, Людмила Федоровна? У вас сзади свои волосы сильно торчат.

— Да ну! Где?

— Вот... сзади. На шее.

Людмила Федоровна повернулась лицом к зеркалу, скосив глаза на свое отражение.

— И правда,— сказала она, снимая парик.— Побегу в парикмахерскую, пусть обкорнают.

Алена спросила:

— Баб... А можно нам с Зушкой примерить парик?

— Примеряйте. Потом в шкаф положишь.

Алена надела парик, повертелась перед зеркалом, но тут раздался телефонный звонок. Отдав парик Зушке, Алена вышла в переднюю и через несколько секунд крикнула оттуда:

— Зушка, бежим! У Витьки два билета в кино пропадают на восемнадцать тридцать. Говорит, обалденная картина.— Она подбежала к вешалке и накинула плащ.— Лева, если бабушка придет, скажи, мы в кино... Будем около восьми.

Лева не ответил. Он продолжал искать пистолет. Фокстерьер Тявка попытался выйти с девочками из квартиры, но те его прогнали и захлопнули за собой дверь. Огорченный Тявка поплелся в комнату бабушки и забрался на тахту, что ему делать запрещалось. На тахте он увидел парик и заинтересовался им. Взяв его в зубы, Тявка спрыгнул с тахты и отправился с ним в кухню.

Здесь, рядом с газовой плитой, накрытое фанеркой, стояло ведро для кухонных отбросов, которое несколько раз в день выносилось к мусоропроводу на лестнице. Из ведра, как всегда, тянуло чем-то вкусненьким. Тявка давно научился сбрасывать фанерку, чтобы заглянуть в ведро, но, опираясь лапами на край ведра, он несколько раз его опрокинул, и каждый раз получал за это порку. Однако сейчас все старшие ушли, а Левка был где-то далеко, и Тявка подумал, что можно рискнуть. Бросив парик на пол, он потянулся к фанерке. Тут в передней раздался стук. Это означало, что пришел кто-то из Левкиных друзей, которые до звонка не дотягивались и стучали в дверь каблуками. Тявка считал своим долгом встречать любого пришедшего в передней. Если являлся посторонний, надо было сердито полаять, если кто-нибудь из своих — повизжать и попрыгать перед ним.

Пришел пятилетний Олежка, живущий в соседнем подъезде. Он держал в руках зеленый пластмассовый пистолет.

— Ой! — радостно закричал Лева.— Мой пистолет! А я его ищу, ищу!..

Гавкнув для проформы на Олежку, Тявка вспомнил о ведре и побежал обратно в кухню.

— Ты его во дворе на лавочке забыл,— сказал Олежка, протягивая пистолет Леве.

— О-ой! А я его ищу, ищу, ищу!..

В этот момент в кухне что-то загремело.

— Тявка опять ведро перекувырнул,— сказал Лева, и мальчишки бросились в кухню.

Выскочив оттуда, Тявка прошмыгнул мимо них и скрылся в неизвестном направлении.

II

Возвращаясь из кинотеатра, Алена с Зюлейкой (они жили тоже в одном доме) обнаружили во дворе Леву, который околачивался в кругу людей своего возраста. Сестра напустилась на него:

— Тебе кто позволил без спросу из дома выходить?! Бабушка не вернулась? А если бы я и бабушка до ночи не вернулись, ты как бы домой попал?

На все эти вопросы Левка дал только один ответ:

— Меня Олежка позвал. Он нас мороженым угощал.

Алена простилась с Зушкой и отправилась с братом домой. Когда они поднимались в лифте, Левка похвастался:

— Я целую пачку пломбира съел. За сорок восемь копеек.

— Что-о? Вот такую пачку! Ну, ты совсем глупенький, да? Ты не понимаешь, что можешь серьезно заболеть?

— А у меня и так уже горло немножко болит,— самодовольно подтвердил Лева.

Отец и мать Алены с Левкой работали в одной геологической партии. В первых числах мая у них начинался полевой период, поэтому Людмила Федоровна почти все лето проводила с внуками одна. Когда ребята вошли в квартиру, она еще не вернулась.

У Алены была отдельная маленькая комната, и она ушла к себе. Лева послонялся некоторое время по квартире, отмахиваясь от Тявки, предлагавшего поиграть в мяч, проколотый его зубами. Потом Лева забрел в комнату родителей и прилег там на диване, хотя его собственный диван стоял в комнате бабушки.

Людмила Федоровна вернулась примерно через час.

— В этой парикмахерской всегда очередь,— заговорила она в передней.— А уж в субботу... целую вечность просидела. Алька, где ты там? Иди посмотри, как меня обкорнали.

Алена вошла в комнату, где бабушка снова стояла перед зеркалом.

— Ну, как? — спросила та.— Теперь ничего торчать не будет?

— Ничего, бабушка. Только тебе очень не идет такая стрижка.

— Ну... на работе никто ее не увидит, а дома вы уж как-нибудь меня потерпите.— Бабушка подошла к большому шкафу и открыла его. Там на верхней полке лежали головные уборы и коробки с обувью, а пониже висели платья.— Так! А где же парик? Ты куда его положила?

— В шкаф, наверное. Его Зушка после меня примеряла.

— На верхней полке его нет. Может, она его вниз положила? — Людмила Федоровна наклонилась и, отстраняя висевшие платья, осмотрела всю нижнюю часть шкафа.— И внизу его нет... Позвони Зушке. Спроси, куда она его дела.

Алена вышла в переднюю, поговорила с Зушкой и вернулась в комнату смущенная.

— Она... она говорит, что на тахту его положила...

— Ну, что за дура твоя Зушка! Бросить такую вещь на тахту!

— Потому что мы торопились... Витька позвонил, что у него пропадают два билета в кино, и мы...

— «Торопились»! А теперь его Тявка, должно быть, утащил и, может быть, разорвал в клочья!

— А может, Левка взял?

— Может, и он,— сказала бабушка и громко позвала: — Лева!

Лева не отозвался. Алена заглянула в кухню, потом в свою комнату и, наконец, обнаружила брата в комнате родителей. Он дремал, свернувшись калачиком, подложив себе ладони под щеку.

— Лева!

— Ну? — отозвался тот, не открывая глаз.

— Ты бабушкиного парика не видел?

— Ым...— коротко мыкнул Лева и продолжал дремать.

Алена повысила голос.

— Лева, проснись! Ты бабушкин парик не брал?

Лева приоткрыл глаза.

— Ой, ну ничего я у бабушки не брал! — ответил он капризно, и веки его снова сомкнулись.

Из своей комнаты Людмила Федоровна услышала этот ответ.

— Тогда, значит, Тявка,— сказала она.

Бабушка и внучка, подобно Левке, искавшему пистолет, стали ползать всюду, заглядывая под тахту, под Левкину кушетку, под диваны, кресла, газовую плиту и под стол со стульями в кухне.

— Нет, это какая-то мистика! — сказала Людмила Федоровна, прекращая поиски.— Ну, не мог же он съесть парик целиком! Вари пельмени. Пора ужинать.

В это время зазвенел звонок. Тявка и на этот раз полаял только для приличия: это пришел старый друг покойного мужа Людмилы Федоровны Клим Карпович — грузный человек с белыми торчащими ежиком волосами. Снимая плащ, он воззрился на Людмилу Федоровну.

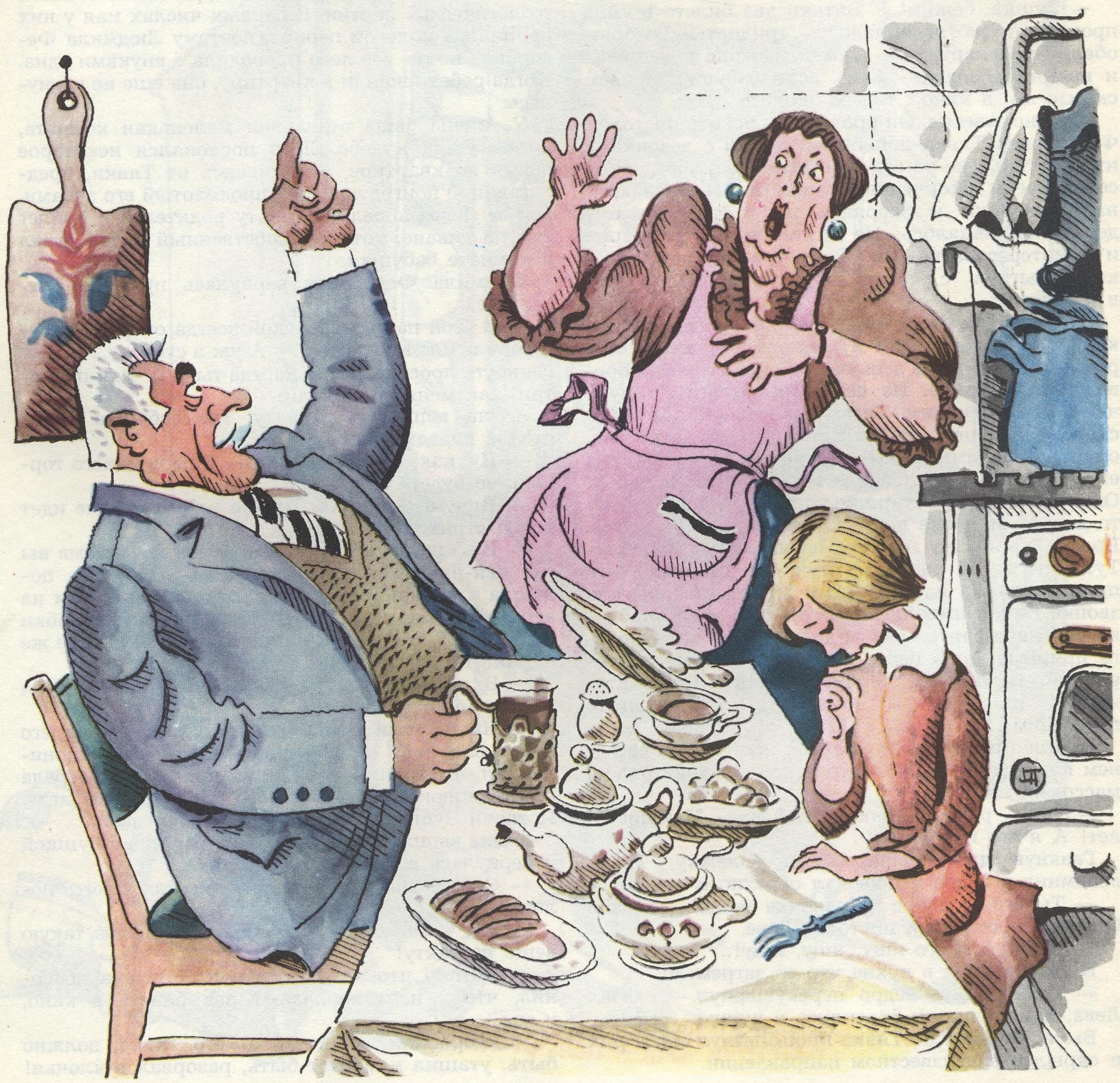
— Ничего себе! Что это ты... Как мальчишка тридцатых годов. Под полубокс постриглась.

Бабушка с Аленой рассказали о покупке парика, о его исчезновении, о том, как искали парик и нигде даже следов не нашли.

— Левка не мог утащить?

— Спрашивали его. Не видел он парика.

— Значит, плохо искали,— сказал Клим Карпович и заглянул в комнату бабушки.— Под тахтой смотрели?



— Господи! Да говорю тебе, везде смотрели!

— Значит, плохо смотрели. В шкафу смотрели?

— Господи!..— повторила бабушка. Алена пожала широкими плечами и ушла готовить пельмени. Она недолюбливала Клима Карповича за его самоуверенный командирский тон и манеру вести себя, словно он не в гости пришел, а к подчиненным по службе.

Клим Карпович вошел в комнату бабушки, медленно опустился на четвереньки и стал обследовать пространство под тахтой. Несмотря на свою грузность, он занимался этим так добросовестно, что почти касался пола то одной щекой, то другой. Он даже убрал из-под тахты бабушкины шлепанцы, чтобы лучше все видеть. Затем, тяжело опираясь на тахту, он поднялся и открыл бабушкин гардероб.

— Да смотрела я там уже! Смотрела! — с раздражением сказала Людмила Федоровна.

— Может, плохо смотрела.

Людмила Федоровна ушла в кухню и принялась накрывать на стол.

— Теперь не угомонится, пока всю квартиру не пероеет, — проворчала она.

Минут через пять Клим Карпович заглянул в кухню.

— Под Левкиной кушеткой тоже нет,— сообщил он.— В бельевом шкафчике тоже... В ящике для постельного белья — тоже.

Сказав это, он удалился в Аленину комнату. Та на цыпочках отправилась за ним и тут же вернулась.

— Мои книжные полки обследует,— доложила она шепотом.

Через несколько минут Людмила Федоровна позвала из кухни:

— Клим! Иди пельмени есть!

— Пельменей не буду, а вот от чая не откажусь. Тут у Алены пыль под диваном. Пылесосить пора.

С пельменями, однако, пришлось подождать. Людмила Федоровна позвала ужинать Леву, но тот не откликнулся. Алена сказала, что он спит в комнате родителей.

— Что это так рано? — заметила бабушка.— Обычно его в постель не загонишь.— Она ушла к Леве, и скоро послышалось: — Левка, проснись! Ты что это улегся? Плохо себя чувствуешь? Алена, у него лоб горячий. Неси градусник!

Когда Алена вошла с градусником, Левка уже сидел на диване, а бабушка расспрашивала внука о его самочувствии.

— Фофло поит,— ответил Левка.

— Горло болит?

Левка кивнул.

— Лоать пойно.

— Глотать больно?

Левка опять кивнул.

— Еще бы! — сказала Алена.— Он вот такую пачку пломбира съел. Двести граммов! Его Олежка угостил.

— Ну, что за родители у этого Олежки! — возмутилась бабушка.— Как можно малышу давать такие деньги! Он ведь не только Левку угостил, наверно, и сам столько же съел, если не больше!

Она крикнула гостю, что с чаем придется подождать, заболел Левка. Клим Карпович ответил, что он не торопится. Сообщение о Левкиной болезни его нисколько не взволновало. Он осмотрел ванную комнату, заглянул в туалет и перенес свои поиски в кухню.

III

Температура у Левки оказалась тридцать восемь и восемь. Его быстро уложили в постель на кушетке в общей с бабушкой комнате. К счастью, в доме жила пенсионерка Роза Яковлевна, которая до недавнего времени работала детским врачом. Соседи по дому, имевшие детей, обращались к ней за помощью в экстренных случаях, и она никому не отказывала.

— Удивительно! — сказала она, осмотрев Левкино горло и прослушав его легкие.— Просто эпидемия какая-то! Это у меня уже четвертый пациент за сегодняшний вечер. Уже после того, как вы позвонили, еще Волковы из семидесятой квартиры сигнал бедствия подали.

Ей сообщили, сколько пломбира Левка съел без ведома старших, и Роза Яковлевна, уже в передней, пробормотала:

— Мне про мороженое тоже что-то говорили. Не помню — кто именно. Как-то мимо ушей пропустила.

Левку по указанию Розы Яковлевны напоили подогретым молоком с содой, обмотали его горло шерстяным шарфом, и он тут же уснул. Теперь можно было ужинать.

Клим Карпович уже сидел в кухне, прихлебывая из стакана чай, который он сам заварил. Людмила Федоровна снова предложила ему пельменей.

— Не буду,— пробасил он.— После семи ничего не ем. Ну, так вернемся к парику. В квартире его действительно нет. К вам кто-нибудь посторонний заходил?

— Никаких посторонних,— сказала Алена, прожевав пельмень.

— Зушка, правда, была,— вставила Людмила Федоровна.— Но это свой человек.

Клим Карпович откинулся на спинку стула.

— Постой, постой!.. А кто это такая — Зушка?

— Ну, Зюлейка Асвадурова, подруга Аленки. Ты ее видел не раз.

— А-а! Помню, помню. Смазливенькая такая.— Клим Карпович отодвинул от себя стакан, сам подался вперед и, широко положив локти на стол, уставился на сидевшую перед ним Алену.

— Так-так! Ты давно знакома с этой... с Зюлейкой?

Алена почуяла недоброе. Широкое скуластое лицо ее порозовело.

— Так... Господи!.. Мы же с детского садика и в одном классе всю жизнь...

Не меняя позы, Клим Карпович посмотрел на Людмилу Федоровну.

— Значит, Левку спрашивали, говорит, что не брал парика?

— Не брал,— ответила Людмила Федоровна.

Клим Карпович посмотрел на стол, опустив голову, помолчал, подумал.

— Ну, этот врать не будет. Не дорос еще. Да и в крови у него честность. Я как-то вынимал в передней перчатки из пальто и уронил трешку. Другой бы наступил на нее да подождал, пока я уйду. А этот — нет! Подскочил ко мне и говорит: «Дядя Клима, вы уронили».— Клим Карпович поднял голову.— Дорогой парик? — спросил он Людмилу Федоровну.

— Сто тридцать.

— Н-нда! Сумма.— Клим Карпович снова уставился на Алену.— Теперь давай по порядку: расскажи, что вы делали после ухода бабушки в парикмахерскую?

Людмила Федоровна даже усмехнулась, следя

за этим допросом. Клим Карпович, подавшись вперед, смотрел на Алену, а сердитая Алена, тоже не мигая, смотрела на него круглыми голубыми глазами.

— Ну, что делали? Стали парик примерять... Потому что бабушка разрешила нам его примерить.

— Так. Стали парик примерять. Кто первый его примерил?

— Ну, я примерила. А что?

— Значит, ты первая примерила, а потом стала примерять эта... как ее? Зушка? Зушка-подружка.

— Да! — уже с вызовом, еще больше округлив глаза, отчеканила Алена.— Стала примерять «Зушка-подружка». Ну, и что?

— Спокойно, спокойно! А ты присутствовала?

— При чем тут присутствовала?

— Ну, когда Зушка примеряла парик.

Алена вздернула плечи.

— Ну, а где я еще могла быть?

И тут вмешалась Людмила Федоровна.

— Лелька, постой! Ты ведь мне сама сказала, что зазвонил телефон и ты убежала в переднюю.— Она обратилась к гостю.— Понимаешь, я им велела убрать парик в шкаф, а когда он пропал, Алена позвонила Зушке и узнала, что та бросила его на тахту.

— Ну, бросила, потому что очень спешила.— Алена уже не смотрела в упор на Клима Карповича. Глаза ее беспокойно двигались, и в них даже поблескивали слезы.

А Клим Карпович по-прежнему смотрел на Алену неподвижно, как удав на кролика.

— Так-так! Очень спешила. Ну, а ты видела, как твоя Зушка бросила парик на тахту?

Алена оцепенела. У нее в голове уже вертелась фраза: «Да, видела! Собственными глазами видела!» Но что-то помешало ей громко выкрикнуть это. Ей казалось, что если она скажет такое, то она как-то внутренне предаст Зушку, как бы сама поверит, что Зушка оказалась воровкой и ее лишь надо спасти от возмездия. И Алена ответила с еще большим вызовом:

— Врать не буду, не видела. Я уже плащ в передней надевала. Ведь до начала кино минут пять оставалось! И все равно я знаю, что Зушка не брала.

Как фамилия твоей Зушки? — спросил Клим Карпович.

— Асвадурова. А что?

— В какой квартире живет?

— В семнадцатой. А вам зачем?

Клим Карпович пометил что-то в своей записной книжке, сунул ее обратно в карман и откинулся на спинку стула.

— Ну-с, Людмила, давай составлять заявление.

Людмила Федоровна вытянулась в струнку на своем стуле.

— Зачем? Куда?

— В милицию. Потребуем, чтобы сделали обыск у этих... У Асвадуровых.

Людмила Федоровна долго не могла набрать в легкие воздуха. Наконец, заговорила:

— Нет уж, Клим! Асвадуровы — наши старые друзья, честнейшие люди, и чтобы к ним с обыском?! Нет уж, Клим, ты тут, пожалуйста, не вмешивайся.

— Вполне допускаю,— медленно, тяжело проговорил Клим Карпович,— Асвадуровы честнейшие люди.— Он вдруг обратился к Алене:

— Ну-ка, скажи: как твой возраст называется?

— Какой... возраст?

— Ну, вот в котором ты сейчас находишься.

— Ну... ну, подростковым называется.

— А еще как?

Алена пожала плечами, а Клим Карпович поднял толстый палец высоко над головой и почти загремел:

— Трудный возраст! Опасный возраст! Да, вот именно опасный.— Он опустил палец и немного сбавил тон.— Эта Зушка могла быть ангелочком с крылышками, но наступил переломный момент, и она покатилась, пошла под уклон. А окружающие, и ты в том числе, этого не замечают. И еще долго не будут замечать, если вовремя не пресечь.

И Алена и ее бабушка одновременно заговорили, что они слишком давно и хорошо знают Зушку, чтобы не заметить малейшей перемены в ее характере или поступках, что такие, как Зушка, никогда не станут на скользкую дорожку. Клим Карпович всем корпусом повернулся к Людмиле Федоровне.

— Слушай, Люда. Ты в чудеса веришь?

— Не задавай глупых вопросов.

— Ты уверена, что Левка не брал парик?

— Уверена. Он врать еще не научился.

— Так вот, посуди сама: Левка парика не брал. Всю квартиру дважды обыскали — парика нет. Была минута,— Клим Карпович снова поднял палец, но тут же опустил,— была всего какая-то минута, когда Алена не видела, что Зушка делает с париком. Так на кого же остается думать? Тут ведь только два варианта: либо Зушка взяла парик, либо его взяла Алена и успела вынести из квартиры. Есть, впрочем, и третий вариант: обе действовали сообща. Ты такое про Алену можешь подумать?

Людмила Федоровна отрицательно покачала головой, помолчала, судорожно глотнула, потом просительно обратилась к внучке:

— Алька! Может, действительно другого вывода сделать нельзя? Может... может, Зушка попала в какое-нибудь отчаянное положение... Может, она под чьим-то давлением это...

Алена не отвечала. Она уже плакала. Плакала беззвучно, сердито скривив сжатые губы.

— Ну-с, так! Значит, пиши заявление,— сказал Клим Карпович.

Людмила Федоровна вскочила.

— Нет, Клим! Прошу тебя в это дело не вмешиваться. Я сама расскажу Асвадуровым, как у меня пропал парик, и если найдут его, то сами принесут.

— А если не принесут? Если не захотят, чтобы на их дочку легло пятно?

— Ну, тогда черт с ним, с париком, черт с ними, с деньгами,— почти закричала Людмила Федоровна.— Не могу я унижать людей, с которыми столько лет дружила! — Она помолчала и добавила уже грустно: — Только это ужасно будет — ходить с головой, как у общипанной курицы.

Клим Карпович встал, отхлебнул из стакана чай, отодвинул ногой стул.

— Значит, таким образом. Если ты отказываешься писать заявление — напишу я. Это мой долг перед покойным другом: защищать от прохвостов его вдовушку — интеллигентную размазню.

— Клим! Ты этого не сделаешь!

Клим Карпович продолжал как ни в чем не бывало:

— Завтра воскресенье, с утра я на рыбалке. Если к вечеру парика не будет — в понедельник напишу. Участковый у нас общий: в одном микрорайоне живем.

Он двинулся в переднюю. Людмила Федоровна — за ним, а за ней — Алена.

— Клим! — голос Людмилы Федоровны звенел.— Если ты это сделаешь — мы поссоримся! Навсегда поссоримся!

— Ссорься. Потом спасибо скажешь. И прощения попросишь.

— Ненавижу этого Клима! — прошипела Алена, когда тот ушел.

— Никогда не понимала, что хорошего находил мой Петр в этом типе,— пробормотала бабушка.

IV

В ту ночь обе долго не спали. Алена ворочалась в своей постели и слышала, как бабушка шаркает шлепанцами в пустой комнате родителей.

Утром Левкино горло болело уже меньше, но он сильно хрипел, и температура у него держалась. Позавтракав, Людмила Федоровна отправилась в аптеку за лекарствами для внука, потом — на рынок, потом — в магазин. Алена в тоске слонялась по квартире. Ей все казалось, что при расследовании, которое вечером проводилось, они с бабушкой сделали какой-то промах, упустили какое-то важное звено в цепочке вчерашних событий. Она всем существом чувствовала, что остался крошечный кончик какой-то ниточки, ухватив который можно размотать весь клубок. А вот найти этот кончик, ухватить она его не может. Это ощущение было так остро и сознание своего бессилия так горько, что Алена легла лицом вниз на своей кушетке и зарыдала чуть ли не в голос.

Вдруг словно пружина подбросила ее, и Алена вскочила на ноги. Ей вспомнилось выражение: «свежая голова». Его Алена не раз слышала от своего дяди — сотрудника крупной газеты.

«Свежая голова» — это дежурная должность, на которую сотрудников редакции назначают по очереди. Назначенный «свежей головой» с утра на работу не приходит. Он является в самое горячее время, незадолго до сдачи очередного номера в печать. К концу рабочего дня все уже утомлены, заморочены, могут вкрасться неожиданные ошибки, возникнуть неожиданные, казалось бы, неразрешимые вопросы. Вот тут и выручает редакцию сотрудник, который весь день был избавлен от работы, а потому и является со свежей головой.

Дом, в котором жила Алена, состоял из двухсот квартир, и здесь было полно «свежих голов» из

Алениной школы, к которым она могла бы обратиться за помощью. Она предпочла позвонить Косте Ляпину, дружившему и с ней, и с Зушкой с детского сада.

— Костя, ты что сейчас делаешь?

— Читаю.

— Может быть, детектив? — с надеждой спросила Алена.

— Не. Не люблю детективов.

— Почему?

Да ну их!.. Лень голову ломать: кто убил да почему... Есть, правда, детективы, где сразу знаешь, кто преступник, тогда интересно: как он выпутывается, как ему ловушки ставят, как...

Костя был не прочь продолжать разговор на эту тему, но Алена перебила его:

— Ну, ладно! Все равно приходи. Только скорей. Мне свежая голова нужна.

— Что?

— Потом объясню.— Алена повысила голос.— Костька, только быстрей, мигом! У меня беда!

Иду.

V

Минут через пять «свежая голова» сидел на кушетке в комнатке Алены. Сама она от возбуждения сидеть не могла. Ходила туда-сюда, рассказывая о том, как бабушка ушла в парикмахерскую, как позвонил по телефону Витя, как они с Зушкой убежали в кино, как потом обнаружилась пропажа. Рассказала о безуспешных поисках парика и про обвинение, возведенное Климом Карповичем на Зушку.

Внешне Костя выглядел невзрачно. Старенький тренировочный костюм, волосы неопределенного цвета, по которым не разберешь: блондин перед тобой или шатен. Большие серые глаза смотрели без всякого выражения, и не на Алену, а куда-то в угол комнаты. Рот у Кости слегка был приоткрыт, и это придавало его лицу глуповатый вид. Но Алена знала, что внешность обманчива. Закончив свой рассказ, она остановилась перед Костей и стала осторожно постукивать себя кулаком по лбу.

— И, понимаешь, у меня вот тут сидит... что-то мы с бабушкой упустили. Ниточку какую-то... Самый кончик ее.

Костя поднял на Алену свои большие скучные глаза и тут же их опустил.

— Если кончик ниточки...— тихо сказал он, глядя на свои полукеды,— то его надо искать где-то раньше. Повтори все сначала.

— Значит, бабушка ушла, и я стала примерять парик.

Нет, ты давай с самого, самого начала,— сказал Костя, по-прежнему глядя вниз.

— Ну, пришла бабушка и объявила, что купила себе парик.

Не поднимая головы, Костя загнул большой палец на левой руке.

— Пришла бабушка и сказала, что купила парик,— повторил он.— Дальше что?

— Дальше она позвала нас в комнату и стала примерять парик.

Костя загнул указательный палец.

Позвала в комнату и стала примерять парик. Больше никто не присутствовал?

— Ну, Тявка вертелся около бабушки.

— Тявка вертелся.— Костя загнул средний палец.— Больше никого?

— Никого. Я Левку позвала, иди, мол, посмотри на бабушку, но он не пришел: пистолет свой искал.

Безымянного пальца «свежая голова» загибать не стал. Он положил ладони на колени и поднял большие неподвижные глаза на Алену.

— Погоди. Ты сказала Леве: «Посмотри на бабушку» или: «Посмотри на бабушкин парик»?

Разинув рот, Алена несколько секунд смотрела на Костю диким взглядом, потом тихо вскрикнула.

— Вот она!.. Ниточка! — Она бросилась вон из комнаты, а «свежая голова» неторопливо последовал за ней.

Левка сидел в постели и читал по складам какую-то книжку с цветными картинками. Алена тяжело дышала от волнения, но все же, прежде чем приступить к делу, спросила:

— Ты, Лева, как себя чувствуешь?

— Лучше,— ответил Лева.— Он говорил уже довольно отчетливо, но все-таки сипел.— У меня уже хорло почти не полит.

Алена придвинула к Левкиному дивану два стула, предложила сесть «свежей голове» и села сама.

— Лева,— заговорила она мягко.— Скажи мне, пожалуйста: ты знаешь, что такое «парик»?

Лева качнул головой, все еще глядя в книгу.

— Не снаю,— просипел он.

Алена завертела ладонями над своей головой.

— Ну, это штука такая... пышная, пышная, белая, белая... Много-много белых волос.

Лева уже оторвался от книги и смотрел на сестру.

— Симняя шапка? Пелая?

— Ну да! Ну да! — почти закричала Алена.— Но это не шапка, а... ну, похожа на прическу... Ты видел такую штуку?

— Фидел. Я ее Олежке подарил.

— Что-о? Какому Олежке?

— Ифанову. Он мой пистолет нашел.

Что тут началось! Минут пять Алена металась по комнате с криками о том, каких денег стоит парик, как счастлива была бабушка, купив его, как Зушку из-за этого парика дядя Клим обвинил в воровстве. Левка сначала только плакал, потом стал рассказывать в свое оправдание, что привело его к такому ужасному преступлению.

Его рассказ я приводить здесь не буду. Он был слишком путаным, сбивчивым и часто прерывался слезами. Я лишь кратко изложу то, что удалось выяснить Алене и «свежей голове».

Вбежав в кухню, ребята увидели такую картину: мусорное ведро лежало на боку, круглая фанерная крышка валялась рядом, а перед самым ведром, слегка присыпанный картофельными и морковными очистками, белел бабушкин парик.

Лева поднял его и отряхнул от мусора. Посмотрев на находку, друзья уставились друг на друга. Розовый пухлощекий Лева широко раскрыл голубые глаза, а тощий узкоплечий Олег, наоборот, нахмурился так, что над переносицей его образовались вертикальные морщинки.

— Что это? — спросил он.

Лева повертел парик.

— Не знаю. Наверно, шапка зимняя.

— А зачем ее выбросили?

— Не знаю. Может, потому что уже немодная.

— Это как — немодная?

— Ну, которую теперь не носят. Бабушка или выбрасывает их или отдает кому-нибудь. Мама и папа даже ссорятся с ней, потому что бабушка небережливая.

Тощий Олежка пристально смотрел на парик.

— Ну-ка, дай я примерю.

— Примеряй.

Олег надел «шапку», и та закрыла ему глаза и нос.

— Она тебе велика,— заметил Лева и, помолчав, добавил: — Конечно, немодная. Ты на ком-нибудь такие шапки видел? Их, может, носили, когда нас даже на свете не было.

Олег снял «шапку», вывернул ее «мехом» внутрь и о чем-то долго думал, еще больше нахмурив брови. Наконец, он посмотрел на друга.

— Лев! Дай ее мне. Ведь она тебе не нужна?

— Не нужна. А тебе зачем?

— Для котенка. Он у нас на какой-то тряпке спит, а я ему из этой штуки постель устрою.

— Во! Правильно! Ага! — с воодушевлением согласился Лева.— Это ему вроде гнездышка будет: и мягко, и тепло и... это... уютно так!.. Только в кухне прибрать надо. А то Алена Тявку отлупит.

Один взял веник, другой — совок, и оба принялись за уборку.

ОКОНЧАНИЕ
В № 1 ЗА 1988 г.

Жак ПРЕВЕР

Однажды, выйдя из школы...

Однажды, выйдя из школы,
Мы встретили у порога
Живую, настоящую
Железную дорогу.
Железная дорога
В дорогу нас приглашала —
В вагоне золоченом —
Вокруг земного шара.
Встретились мы сначала
С морем разгоряченным,
Гуляющим под ветрами,—
С его морскими дарами:
Душистыми островами,
Роскошными штормами
И окунем копченым.
Над морем мы встретили звезды,
Летящие под парусами
В страну восходящего солнца.
Мы встретили трех мушкетеров
На маленькой лодке подводной,
Плывущих в пучине холодной
За морскими ежами.
Возвратившись на сушу
По нашей железной дороге,
Мы встретили по дороге
Дом, со всех ног бегущий,
Дом, над землей бегущий
И над простором морским,
От зимы, его стерегущей
И готовой расправиться с ним.
Но мы по нашей дороге
Зиму остановили
И дальше ее не пустили!..
А дом застыл у дороги
Со стрелочницей на пороге:
— Большое спасибо! — сказала она.
Это была весна.
И все цветы на земном просторе
Навстречу солнцу раскрылись вскоре
И без разбора у нас на пути
Принялись цвести.
Наша дорога их смять побоялась —
Наша дорога на месте осталась.
Тогда мы потопали дальше ногами:
Пешком по земле, пешком над землей,
Пешком по морю и над водой,
К солнцу, к звездам, над облаками —
Пешком, лошадьми, поездами
И кораблями под парусами!

Перевел с французского
Михаил ЯСНОВ.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Реки сковал мороз, у морского берега протянулась плотная кромка льда — ничего не поделаешь: зима... Куда податься в декабре волшебному кораблику? На юг? Там вода не замерзла, там можно было бы развернуть паруса!

— Нет,— строго сказал Капитан.— Отставить юг! Несправедливо брать стихи и рассказы у тех ребят, которые живут в теплых краях. Приказываю: объявляется зимняя стоянка. Остаемся в доке. Задача: погрузка стихов и рассказов, скопившихся на берегу.

— Ура! — хором откликнулась команда, и тяжелые ботинки заскрипели, шагая по снежку непривычной морским странникам земли. Мысли Капитана всегда занимали те грузы, которые вовремя не попали на борт — ну, просто не поместились там. Все грузы были ценные: хорошие стихи, славные рассказы и симпатичные сказки. Капитан собирался их взять в каждый следующий рейс, но всегда так получалось, что «Кораблик» снова оседал по самую ватерлинию и в трюм невозможно было втиснуть даже самое короткое стихотворение. А ребята-авторы тем временем переходили из класса в класс, взрослели, начинали увлекаться чем-нибудь другим... Капитан с грустью думал о том, что их прекрасные сочинения до сих пор никому не известны. И вот — представился случай поднять их на борт.

Аня РАСКИНА из Баку сочинила эти стихотворения, когда ей было 11 лет.

Колыбельная для волшебников

Усните скорее, волшебники,
Снимите свои колпаки,
Упрячьте волшебные палочки
И снять не забудьте очки.
Еще не забудьте вы выпустить
Из ларчика чудные сны.
Волшебники, нужно вам выспаться,
А ночи — они не длинны.

Вы будете завтра рассеянно
Творить невпопад чудеса,
Хотите, чтоб этого не было?
Закройте скорее глаза.
Усните, усните, волшебники,
Спокойной вам ночи, друзья.
А чтобы уснули скорее вы,
Вам спел колыбельную я.

Оттенки синего

Летишь в воздушном корабле,
Пронзая звездные поля,
И знаешь: где-то вдалеке
Мигает синяя Земля.
Она, далекий огонек,
Среди чужих тебе планет
Сияет ласково, тепло
И шлет мерцающий привет.

Летишь сквозь время все вперед,
Летишь к мирам манящим ты,
Одна звезда тебя зовет,
И нет другой такой звезды.
Земля далекая моя
Среди чужих горит планет,
Как синий маленький маяк,
И шлет мерцающий привет.

Станислав ТИМУЛЬСКИЙ из Томска подарил «Кораблику» немало стихотворений. Вот его стихи о зиме.

Сибирская зима

1

Зима смеется над мальчишкой
И норовит толкнуть в сугроб,
А он бежит, прикрывшись книжкой,
И стынут руки, щеки, лоб.
Ему метель — совсем не диво,
И то, что снег замел крыльцо,
Но ветер жалит, как крапива,
Незащищенное лицо.

2

Прошла метель. Мороз до сорока.
Глаза от блеска быстро устают.
И не поймешь, где поле, где река,
А может, их и вовсе нету тут?
Снежок скрипит, как в доме половица,
В лесу так тихо, сонно. Я один.
Вспорхнет мной перепуганная птица,
Роняя ягоды созревшие с рябин.
Рябина вздрогнет, веточка качнется.
Я выхожу из леса на простор.
И слышу смех. То бабы у колодца
Ведут неторопливый разговор.
С утра над каждой крышей дым клубится.
Я был в гостях сегодня у зимы.
Я вязаные дал ей рукавицы,
Она мне снега сунула в пимы.

«РУССКАЯ ЗИМА». *Это рисунок Ларисы* ШТАРЁВОЙ. *Когда она его сделала, ей было 12 лет. Сейчас Ларисе 14 лет.*

Олег МАЦИЕВСКИЙ прислал из Львова сказку о том, что происходило в школе в каникулы. Сказки Олег сочинял всегда, эту написал, когда учился во 2-м классе.

В пустом классе

Начались каникулы. В классе, где занимался 2 «А», все опустело. Только что окончили побелку, все парты вынесли в коридор, а цветы с подоконников — в умывальник: они были обижены таким неуважительным отношением.

Горшки с цветами, которые висели на стенах, забыли убрать. Ржавые старушки подставки кряхтели и жаловались на свою горькую судьбу. Им посочувствовал старый Шкаф, стоящий в своем темном углу. Он проскрипел с грустью:

— Раньше я стоял в учительской и имел честь разговаривать с ученой печатной машинкой. Она даже давала мне читать директорские приказы, перепечатанные под копирку.

Тут в разговор вмешалась Печка:

— Они были интересные?

— Да как вам сказать? — промолвил Шкаф.— Например, что каникулы начнутся не 30, а 28 декабря или об исключении из школы до конца учебного года за прогулы и опоздания на уроки.

Печка вздохнула, выпустив при этом тучу пепла.

— Гэ-пчхи! — чихнула Доска, подняв белое облако нестертого с нее мела.

— Осторожнее,— проворчал Телевизор.— Вы мне забили трубку мелом.— При этом он с укоризной покачал антенной.

— Простите меня,— извинилась Доска.

В разговор снова вступил Шкаф.

— Мне тут не очень скучно. На нижней моей полке лежит книжка «Затерянный мир». Она очень интересная. Я ее уже раз 50 прочитал. Еще я просматриваю ученические тетрадки по математике и языкам. В некоторых из них не очень разборчивый почерк, а в других столько ошибок, что у меня от досады начинает скрипеть верхняя полка. Дети не давали мне скучать. Они меня шатали, я скрипел, но они не обращали на это внимания. Но сейчас я без них скучаю. От тоски у меня начался радикулит и стала отставать задняя доска.

— У меня тоже плитка отваливается,— сказала Печка.

— А у меня трубка перегорела,— вздохнул Телевизор.— Пора бы мне на заслуженный отдых...

— Дядюшка Шкаф! — вдруг пискнула Половица, которая была сделана из того же самого дуба, что и Шкаф, а потому приходилась ему троюродной племянницей.— Натритесь мастикой, которая лежит под вашими ножками. Вы будете блестеть, как я!

— Помолчи! — буркнул Шкаф.— Не вмешивайся в разговор старших.

Половица умолкла.

— А детей-то нет,— вздохнула Печка, выдохнув новые клубы пепла.— Кто будет стоять возле меня в углу и посапывать носом?

Но не успела она окончить фразу, как в комнату с шумом ворвались дети. Они несли с собой игрушки, книжки, игры. В классе организовали зимний пионерский лагерь. И у всех обитателей пустого класса сразу поднялось настроение.

ВИКТОР ВИКТОРОВ

НЕСКОЛЬКО ТЕАТРАЛЬНЫХ СЕКРЕТОВ

Московский Кремль... Третьяковская галерея... Московское метро... ВДНХ... Наверное, в Москве можно насчитать семь чудес, не уступающих сказочным семи чудесам света. И, конечно же, среди них не последнее место займет Московский государственный детский музыкальный театр — удивительное здание на проспекте Вернадского, напоминающее замок с тремя башнями или трехмачтовый корабль, над которым парит волшебная Синяя птица — птица мечты, птица счастья.

Этот театр — воплощение мечты Наталии Ильиничны Сац, прославленного режиссера, писательницы, педагога. Сейчас она — Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола. А в ноябре 1918 года, в первую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, Наташа Сац, которой было тогда пятнадцать лет, открыла занавес созданного ею первого в мире детского театра. Триста пятьдесят маленьких москвичей в башлыках, полушубках и валенках, раскрыв от изумления рты, следили за тем, как куклы-марионетки разыгрывали на красочной сцене героическое представление. Почти полвека спустя, в ноябре 1965 года, распахнулись двери первого в мире детского музыкального театра, тоже созданного Наталией Ильиничной Сац. Сегодня даже представить себе невозможно, что его не существовало в Москве.

Может быть, вы были в этом театре или видели его спектакли по телевидению, слушали по радио, в записи на грампластинках...

Теперь я хочу побывать вместе с вами не в зрительном зале этого театра, а за его кулисами, там, куда «посторонним вход воспрещен». Но нас — обещаю вам — пропустят туда и даже кое-что покажут, потому что мне, поэту и либреттисту, приходилось участвовать в создании ряда спектаклей, а вам приходилось или придется их смотреть. Получается, что мы с вами — люди, театру не совсем посторонние...

На троне Обезьяньего царя

Когда я вошел в широко раскрытые двери большого служебного помещения, я подумал, что попал в музей: полки с предметами старины, меблированные уголки... Только все было так плотно уставлено, что вроде бы предназначалось не для обозрения, а для хранения. Может быть, это склад? Или контора проката? Потому что, как выяснилось, вещи отсюда постоянно берут, но не насовсем, а для временного пользования — на час-другой...

Так оно и оказалось. Вся эта мебель, все предметы быта участвуют в спектаклях. Какое разнообразие красок, форм, стилей!

Когда бы я мог, например, в течение пяти минут посидеть на трех тронах сразу — на троне Царицы ночи, Королевы сказочного королевства и на троне Обезьяньего царя!

Я хожу по этому царству всех времен и народов (оно называется мебельно-реквизиторским цехом) и то и дело натыкаюсь на знакомые мне по постановкам театра предметы. Вот стоит в углу старая плетеная качалка, в которой сидела бабушка Красной Шапочки, поджидая внучку, а потом восседал проглотивший бабушку Волк. А на этой полке сложен весь реквизит для оперы «Мастер Рокле». Герой оперы — изобретатель, у него масса всякой техники, и спектакль «богато» обставлен —125 единиц реквизита! Что такое реквизит, вы, наверное, знаете: это предметы, которые используют на сцене во время спектакля,— домашняя утварь, посуда, инструменты, овощи, фрукты... Они могут быть настоящими, купленными в магазине — тарелки, кружки, труба, барабан, а могут быть бутафорскими, то есть изготовленными специально в театральной мастерской из папье-маше, картона, поролона...

Спектакли тоже одеваются

Я беседую с машинистом Геннадием Максимовым прямо на сцене. Вокруг нас десятка два рабо-

чих — они устанавливают декорации. Мой спутник показывает мне горизонтальный транспортер — движущуюся вдоль сцены ленту. Она позволяет шагающему артисту «идти» как угодно далеко: позади него будут проплывать установленные на ленте кусты, деревья, телеграфные столбы...

Геннадий сыплет терминами: «накладной круг из двенадцати секторов», «поднимающиеся и опускающиеся люки», «механизмы для полета актеров»... Да, действительно, я видел, как герои спектаклей возникают прямо из-под земли или пролетают над сценой, как птицы...

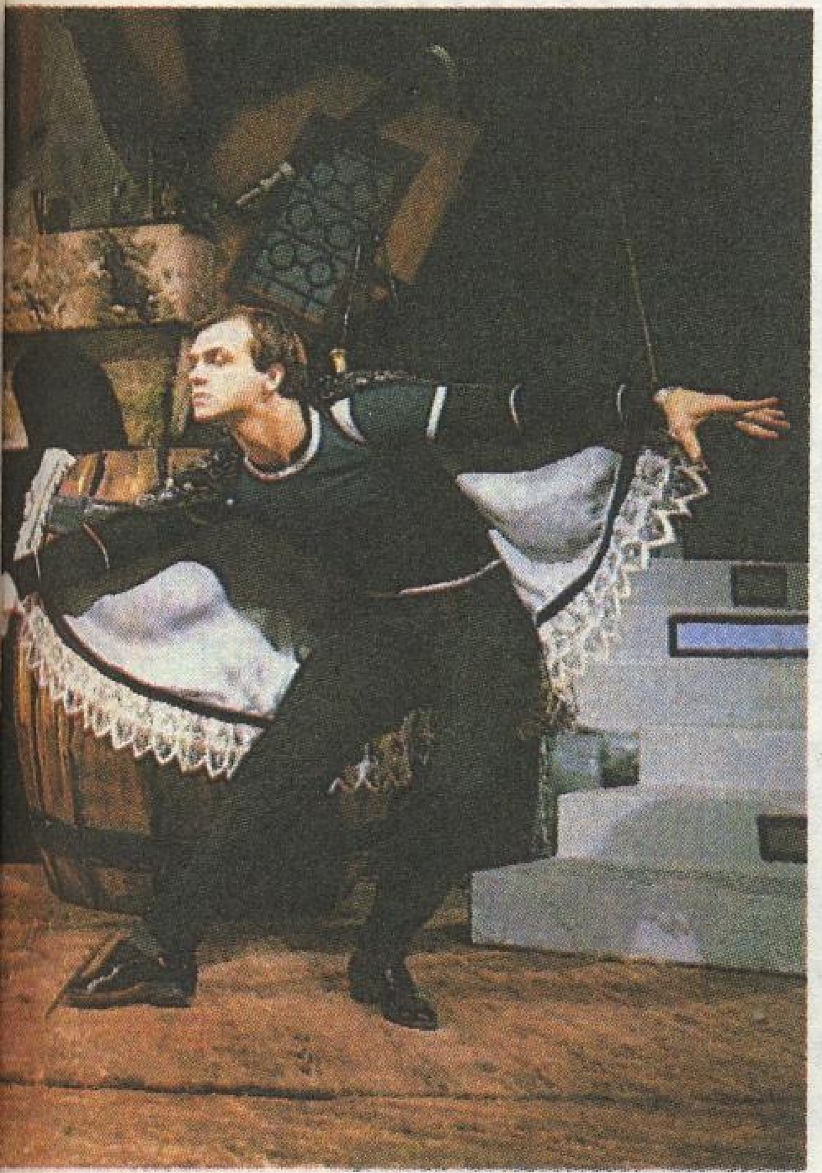
Мы мешаем рабочим монтировать декорации, и меня выпроваживают в тропический лес, в котором несколько раз в месяц разыгрывается трагедия Маугли — он уходит от вскормившей его волчицы к матери, к людям. А если здесь покажется жарко, то можно посидеть в холодном, но мрачном лесу, в котором Тильтиль и Митиль несколько раз в месяц ищут Синюю птицу счастья. Все эти девственные леса находятся в необъятных карманах сцены театра.

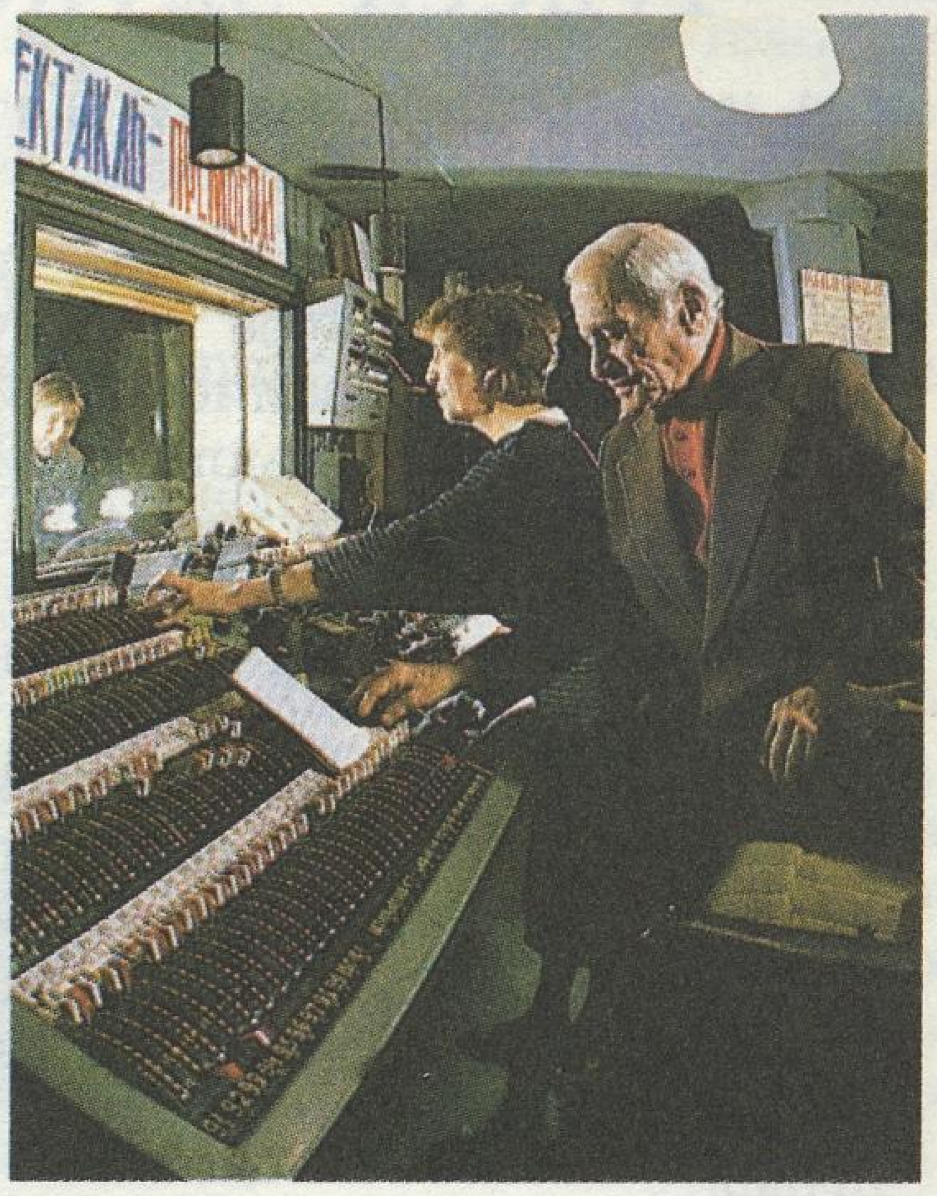
Тут надо сказать, что спектакли имеют свою одежду: кулисы, падуги, задники. Кулиса расположена вертикально, падуга — горизонтально, а все вместе они называются «мягкой» декорацией. В эту декорацию обычно «одевается» балет, потому что основное пространство сцены здесь должно быть свободно для танцоров.

«У нас любят грим»

На втором этаже бокового театрального корпуса — приятный такой «театральный» аромат —

В театре одинаково важно — «одеть» сцену в декорации и «построить» правильный грим для актера. «Одевают» сцену под руководством художника-постановщика. Он же создает эскиз костюмов и грима для каждого спектакля. А уж дело гримера — перенести этот грим на лицо актера.





*Театр — это всегда волшебство.
А музыкальный детский — волшебство вдвойне,
если не втройне. Но главное волшебство
этого театра — за кулисами,
где рождаются спектакли.*

*Костюмы,
аккуратно
надетые
на манекены,
терпеливо
дожидаются
своей очереди
«выйти»
на сцену...*

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

сложное сочетание тончайших запахов грима, лаков, клея, духов... Здесь гримерная. Заведующая Наташа Жукова знакомит меня с азбукой гримерного дела. Оказывается, художник наряду с эскизами декораций и костюмов делает и эскиз, набросок головного убора, а также намек на грим и прическу. У Наташи целые альбомы таких «намеков» — головки оперных и балетных персонажей, а над зеркалами гримерной висят уже готовые парики.

— У нас в театре любят грим,— говорит Наташа,— без грима в театре вообще нельзя. Даже на «свое лицо» артисту кладется тон — этого требует сцена, требует свет. Надо обязательно подчеркнуть глаза, брови, рот, сделать легкий румянец, иначе лицо в театральном освещении будет плоским, как блин, невыразительным. Тем более необходим грим характерный — если, например, молодая актриса играет бабушку...

Работа гримера очень творческая. Один и тот же грим, те же линии, а получается всегда поразному.

— Очень люблю шить наклейки,— говорит Наташа и поясняет:— Это бороды, усы, накладочки на лысинки... Вот посмотрите, как делаются бороды.— Она достает крошечный крючок, во́лос, и ловкими, почти незаметными движениями «сажает» в ячейку из тюля один волос, другой, третий...

На прощание прошу Наташу рассказать какой-нибудь комический эпизод, связанный с ее работой. Я уже знаю, что в театре весьма неохотно рассказывают о таких вещах, потому что все театральные курьезы, даже самые невинные,— результат чьего-либо промаха. Но если есть чувство юмора и прошло много лет — почему не рассказать?

Наташа вспоминает о волшебном горшке из оперы «Чудесный клад». Этот горшок — величиной с гигантскую бочку — удваивал все, что в него попадало. Кинешь шапку — вынешь две. Прыгнешь сам — вылезешь вдвоем! (Разумеется, твоя копия уже сидит внутри.)

На одном из представлений у богача, который должен был прыгать в горшок, отклеились усы, осталась только острая бородка. И когда он прыгал, сидевший внутри двойник успел увидеть, что усов у богача нет. Он тут же оторвал свои усы, и из горшка вылезли два одинаково безусых близнеца!

Девятьсот прожекторов

Юрия Ивановича Бондарева в театре называют богом света: он командует театральным электричеством. Кроме того, он еще и художник по свету. От него я узнаю, что в театре более девятисот прожекторов двадцати пяти видов, множество переносных осветительных приборов, две лазерные установки.

— У нас около двадцати видов светофильтров,— рассказывает Юрий Иванович.— Это позволяет нам получать любые оттенки света. Помимо постоянного освещения, которым управляют со специального пульта, есть еще пять-шесть прожекторов «следящего света», в театре их называют «водящие» прожекторы. Они «встречают» актера за кулисами, «приводят» на сцену и ни на миг не выпускают из виду! Но и тут есть свои тонкости. Певец должен постоянно находиться в луче света, если он не освещен, он чувствует себя неуверенно. Если же на сцене танцор, то его лицо освещать нельзя ни в коем случае: можно ослепить артиста, помешать ему выполнить прыжок или другой балетный трюк. Словом, мы освещаем балетного артиста до подбородка.

В гастрольные поездки — по стране и за рубеж — осветители берут очень немного, только световой реквизит: люстры, свечи, камин — то есть то, что живет на сцене во время спектакля. А в остальном — надежда на местное освещение. Но надежды надеждами, а бывало так, что спектакль заканчивался в полутьме: в одном итальянском городе осветители превысили нагрузку, и одна фаза отключилась автоматически...

— Но вообще принимают нас очень сердечно,— заканчивает Юрий Иванович.— В одном из городов Италии зрительный зал имел всего 12 прожекторов, и местные осветители привезли для нас из соседних городов еще около 70.

Чудеса звукотехники

Действие многих опер и балетов происходит на лоне природы.

Конечно, музыка может передать шум леса, но насколько правдивее прозвучал бы в спектакле истинный шум, записанный в настоящем лесу! А свист ветра? А вьюга в зимнем бору? А летний ливень с раскатами грома? А плеск набегающей на берег волны? Да и волна-то бывает разная, иной раз речная, а иной — океанская! Наконец, буря на море!

Ну, а если действие происходит среди каменных громад большого города? С его ревом машин, трамвайными звонками, заводскими гудками?

Или если на сцене стреляют из рогатки в окно и мы ждем, что раздастся звон разбитого стекла?!

Как имитируются все эти разнообразные шумы?

На мои вопросы отвечает начальник «слаботочной» службы театра Дмитрий Андреевич Беднарский.

Оказывается, все необходимые при постановке шумы, естественные и искусственные, записаны на магнитофонную пленку, и дежурный звукооператор включает во время спектакля «дождь» или «гром» в точно назначенное время.

Обычно звук «работает» в спектакле минут двадцать — тридцать. Рекорд здесь поставили «Джунгли» — сорок минут звучания пленки.

Конечно, не нужно думать, что при подготовке к спектаклю «Джунгли» звукорежиссеры летали в Бенгалию, а когда ставился балет «Негритенок и обезьяна» — в Танзанию или Кению. В театре существует прекрасная фонотека, составленная с помощью наших радио- и киностудий, в которых собраны богатые коллекции всевозможных шумов.

Звукотехника позволяет, усиливая звук или изменяя скорость, искажать голоса поющих и говорящих артистов, если они изображают сказочные существа, чудовища, кикимор, леших... Наконец, ансамбль из нескольких артистов может зазвучать, как огромный хор!

Образ «звучащего зверя»

Во многих детских пьесах-сказках действуют животные. Друг с другом или со зрителями они

объясняются на нашем языке, иначе мы бы их просто не поняли. Если же спектакль музыкальный, то композитор дает каждому животному и особый музыкальный язык, учитывая его характер, привычки, повадки. Ясно ведь, что музыка зайца и музыка медведя не могут быть одинаковыми!

Обо всем этом рассказывает мне Людмила Ивановна Черпакова, концертмейстер театра. Мы сидим с ней в пустом классе (в театре есть свои классы, как в школе), в нем — рояль и два стула. Именно здесь, за роялем, и рождается образ «звучащего зверя», как выразилась Людмила Ивановна.

— Мы создаем этот образ не только при помощи внешних атрибутов — хвоста, ушей, шкуры... Наш пес должен лаять так, чтобы ему поверили, а кот — мяукать совершенно натурально. А вспомните пантеру Багиру из спектакля про Маугли. Повадки у нее кошачьи, но ведь кошка-то она не домашняя! Ей и музыка нужна подобающая. И медведи в наших операх должны говорить и петь, сообразуясь с медвежьим обликом и характером. Тут нужно иметь в виду и тембр голоса, и темп — медведь не может, например, говорить скороговоркой, да и движения его должны соответствовать медвежьей природе — быть неторопливыми, солидными...

Заслуженный артист республики Валентин Тучинский, когда разучивал однажды роль Кота, завел себе настоящего кота и учился у него не только выгибать спину, но и фыркать, и мяукать. Великолепно имитирует он и петушиное кукареканье, стоя на одной ноге и размахивая крыльями именно по-петушиному, а не по-орлиному или по-голубиному — это ему понадобилось усвоить при работе над ролью Петуха в одной из опер. А когда его назначили на роль Обезьяньего царя в «Джунглях», он часами простаивал в зоологическом саду перед клеткой с человекообразными, пока не научился двигать руками и «говорить» так, как это делают обезьяны.

Я не раз спрашивал исполнителей, играющих роли птиц и зверей: легче это или труднее, чем играть людей? Ответы были разные, но все сходились в одном — животные на сцене выглядят ярче, чем люди, потому что они наделены чертами и тех, и других. «Играя животных,— говорят артисты,— мы как бы вдвое усиливаем образ, но зато и путь к достижению выразительности здесь сложнее. Вся пластика, все жесты, движения, мимика должны быть свойственны животному, которого играешь, иначе по сцене будет ходить человек, а не лиса или волк, как бы хорошо они ни были одеты и загримированы...»

Невидимый хозяин спектакля

В создании спектакля принимает участие множество людей: режиссер, художник, композитор, балетмейстер, художник по свету, звукооформитель, хормейстер...

Многие из них в день выпуска спектакля могут сидеть в зрительном зале: от них уже ничто не зависит, их дело сделано, если и не раз навсегда, то хотя бы на сегодня.

Но есть в театре, как мы уже видели, люди, которые, не будучи артистами или музыкантами, участвуют в каждом спектакле, в каждом его эпизоде. Это гримеры, костюмеры, рабочие сцены, реквизиторы, светооператоры, звукооператоры...

Раньше по неведению я думал, что оперным или балетным спектаклем управляет дирижер оркестра. Теперь я знаю, что и дирижером управляют.

Действующие на сцене артисты и дирижер — на виду у зрителей. Но есть еще и главное действующее лицо за сценой, истинный хозяин спектакля, который властно распоряжается всем его ходом, предусматривает все его повороты, подготавливает каждый новый эпизод.

Он незримо связан со всеми, кто участвует в спектакле и кто его обслуживает.

Этот хозяин следит за тем, чтобы дирижер вовремя встал за свой пульт; чтобы «тонущего» негритенка в опере «Максимка» вытащили на палубу в тот самый момент, когда зазвучит его музыка; чтобы на стол с реквизитом за кулисами не забыли положить семихвостную плетку Карабаса-Барабаса и чтобы дежурный костюмер не отлучался с поста, потому что у Зайца в «Красной Шапочке» может нечаянно оторваться хвостик или ухо...

Голос этого невидимого хозяина слышен во всех уголках театра, куда не заходят зрители,— в артистических, гримерных, костюмерных, музыкантских комнатах. И зовут этого невидимого хозяина спектакля — помощником режиссера, помрежем, как говорят артисты. В театре на проспекте Вернадского в Москве это Наташа Лукашина, симпатичная, тоненькая, а держит в своих руках могучие рычаги управления.

* * *

«Люди театра» — так называет себя и своих товарищей Наталия Ильинична Сац. В ее театре несколько сотен таких людей. С некоторыми из них мы познакомились. Мы побывали лишь в нескольких цехах: в театре, где «делают» искусство, есть цехи так же, как на заводе, где «делают» технику. Не видели мы столярный, слесарный, красильный, пошивочный, костюмерный... Не были и в живописном зале, предназначенном для росписи декораций: он поистине фантастических размеров — настоящее футбольное поле под крышей...

Но всего не охватишь! Хочу только, чтобы, видя со своего зрительского кресла парадную сторону спектакля, вы помнили и о тех, кто работает за кулисами театра.

Рисунок Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

До свиданья, друзья!

Вот и кончается 1987 год. За этот год Сережа узнал много нового и всерьез увлекся информатикой. Он поступил в кружок программистов и научился сам писать программы на языке Бейсик. Теперь настоящий, взрослый компьютер его слушается! Например, попросишь компьютер нарисовать на экране двух рыбок, которые друг за другом гоняются,— и, пожалуйста, бегают по экрану, как живые.

Только, конечно, это не сразу получилось, пришлось помучиться, пока они поплыли. Поначалу рыбки появлялись на новом месте, а на старом не исчезали, так что они не плыли, а плодились. Но потом Сережа догадался, что их надо на старом месте стирать с экрана, а на новом рисовать.

Хотите знать, как пишется такая программа? На экране компьютера каждая строчка пронумерована, а в каждой строчке пронумерована каждая буква. Всего в строчке, скажем, 80 букв, вернее, позиций — мест для буквы.

Скажешь компьютеру: «Напиши букву О на 3-й позиции 5-й строчки»,— он ее напишет. А если скажешь: «Напиши знак >, а за ним букву О»,— то получится маленькая рыбка.

Рыбка: >О

Ну, а щука получится, если нарисовать знак >, два знака равенства, верхнюю кавычку и знак <.

Щука: >=='<

Если нарисовать щуку, начиная, скажем с 3-й позиции, а маленькую рыбку — с 9-й, то получится погоня.

```
  >=='<  >O
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
```

Сережа научил их отталкиваться от стенок, нырять, отдаляться и приближаться друг к другу. Потом он нарисовал голубую воду и зеленые водоросли. Наконец, он сделал так, чтобы щука щелкала пастью.

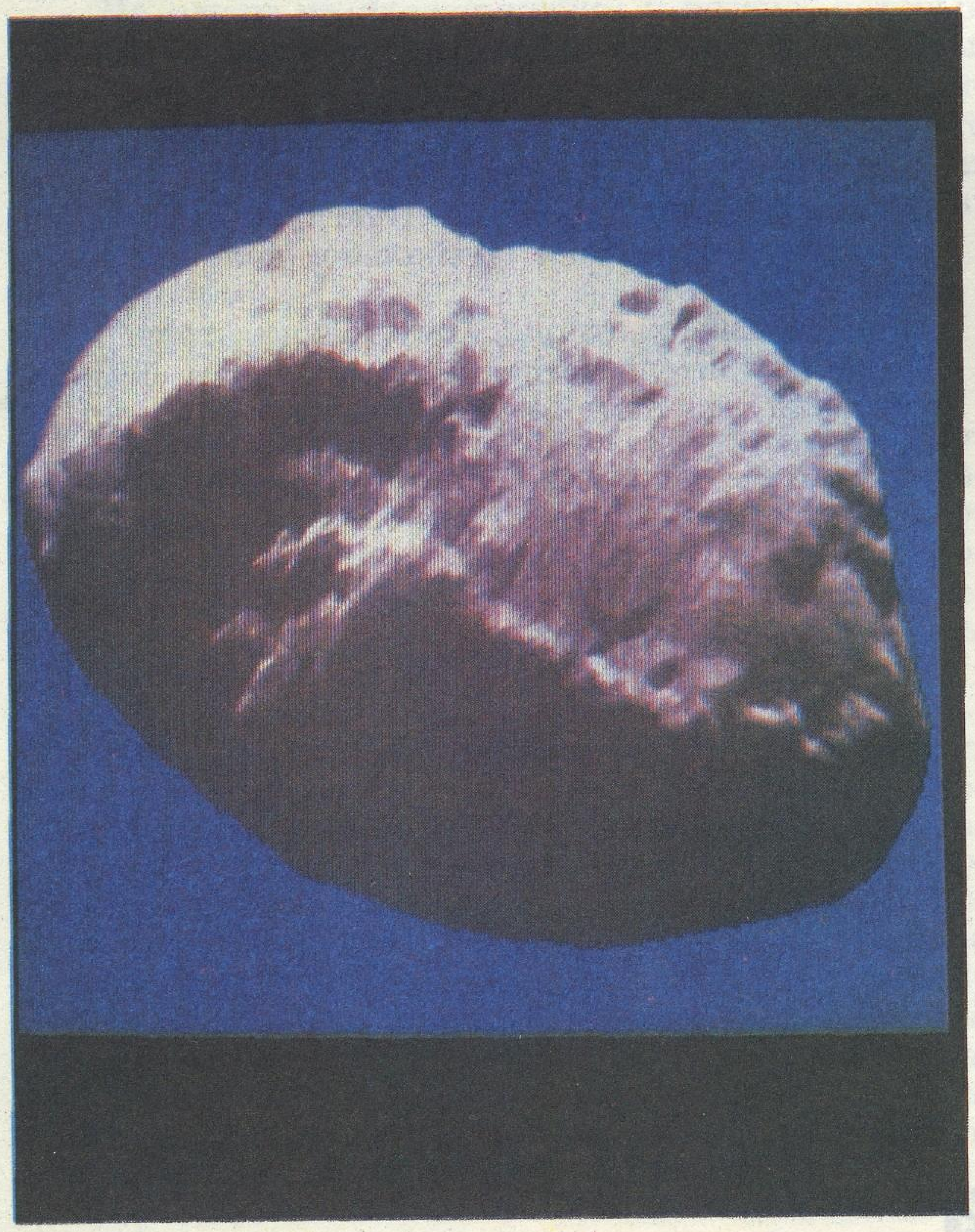
Жаль, что нельзя показать, какой красивый мультфильм получился!

Зато можно показать кадр из другого мультфильма, сделанного большим компьютером в Институте космических исследований Академии наук СССР. Это Фобос — маленький спутник Марса. Американская космическая станция «Викинг» сделала несколько его фотографий, которые были обработаны на нашем компьютере, так что получилась объемная модель. Ее можно было вращать и разглядывать со всех сторон.

Через 2 года на Марс полетит советская космическая станция, которая со всех сторон облетит Фобос и рассмотрит его вблизи. Этот компьютерный мультфильм нужен для навигации — наша станция будет сверять вид из окна с кадром из мультфильма, чтобы знать, где она находится и куда ей лететь дальше.

— А где же Чип? — спросите вы. У Чипа тоже интересные события. Он как раз и собирается лететь на Марс на космической станции и управлять полетом над Фобосом. Теперь Чип не сможет так часто играть с Сережей. Но они по-прежнему большие друзья и любят в свободный часок поболтать и пофантазировать. А что из этого получится, вы узнаете в новом году.

Нам осталось подвести итоги конкурсов этого года и объявить новый конкурс.



«Поможем Шерлоку Холмсу»

Правильных программ вы прислали много, но 90% из них дословно повторяют то, что было в «Пионере». **Ребята, думайте сами!** А то в XXI веке вам будет стыдно перед компьютерами.

Вот кто прислал оригинальные решения: Инесса БАГДАСАРЯН из Еревана, Таня АСИЛЬЕВА из Тольятти, Наташа АКИМОВА из Ленинграда, Ирина РОСПАШНЮК из города Фалешты Молдавской ССР, Алексей БЕЛОНОГОВ из Иркутска, А. ЧИЖОВ из Львова, Наталья ЗАВАЛИШИНА из Нижнего Тагила, Д. УГАЙ

из поселка имени Морозова Всеволожского района Ленинградской обл., Наташа ВЯТКИНА из г. Сегежа Карельской АССР и Аня КРОЛ из Москвы.

«Роза для Королевы»

На это задание мы не получили ни одной правильной программы, но в трех работах есть интересные идеи. Лина РОСТОВСКАЯ из Москвы, ученица 4-го класса, предложила совершенно оригинальный алгоритм выбора розы с помощью двух палочек. Молодец, Лина! Только в следующий раз попробуй вместо слов «и так будет дальше все время» написать цикл, как мы делали в «Пионере». Аня КРОЛ, которая отличилась и в конкурсе «Шерлока Холмса», тоже прислала интересную работу, написанную белым стихом. Она предлагает разбирать розы на пары, как и Лина, но ее алгоритмы немного сложнее и менее четкие, чем у Лины. Зато она придумала отдельно повязывать лентой непарные розы и потом их тоже сравнивать с лучшей.

Таня САЯПИНА также прислала интересное письмо с правильными идеями и красивым рисунком. Она спрашивает: правда ли, что компьютеры ошибаются?

Вот что по этому поводу думает Чип: «Мы ошибаемся, но гораздо реже, чем люди, и обычно в этом виноваты не мы. Например, если нам написали неверную программу, разве мы виноваты? А еще обиднее, когда прыгает напряжение в сети: считаешь, считаешь, а тут тебе, как обухом по голове, конечно, собьешься. Так что если вы, люди, будете аккуратными, то и мы не будем ошибаться. А пока не слишком нам доверяйте».

Наконец настало время объявить БОЛЬШОЙ КОНКУРС ЧИПА 1987 ГОДА. Как и в прошлом году, победителей ждут КАЛЬКУЛЯТОРЫ.

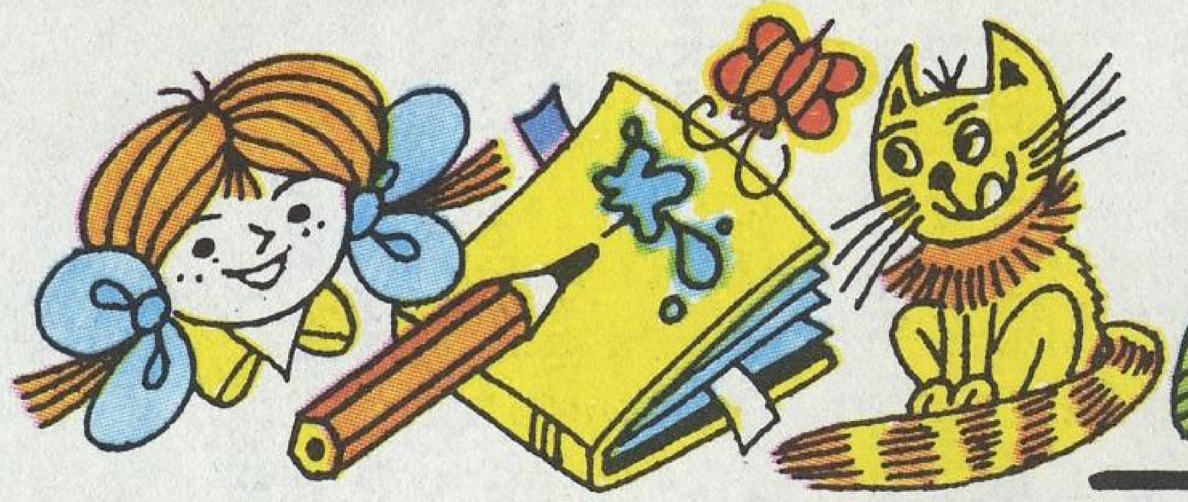
Условия конкурса:

1. Написать любую программу для калькулятора. Если его нет, то написать программу-сказку, как раньше. Выигрывает тот, у кого самая ***интересная*** *программа.*

2. Предложить идею электронной игры. Здесь программа не нужна, будет цениться оригинальность и фантазия.

3. Шутливый конкурс «Кто самый средний?». Назовите год, месяц, число и час своего рождения (не знаете час — придумайте). Выиграет тот, чья дата окажется ближе всех к среднему значению. Вам не надо считать среднее, это мы сделаем сами, вы просто пришлите год, месяц. число и час своего рождения.

На конверте укажите девиз: «БОЛЬШОЙ КОНКУРС ЧИПА 1987 ГОДА». Ответы отправлять не позднее 1 февраля 1988 года.



ПЕРЕМЕНКА

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Учитель. *Расскажи о реформах Петра I.*
Ученик. *Петр I ввел очень много реформ. Например, при нем в России стали открываться театры и продовольственные магазины.*

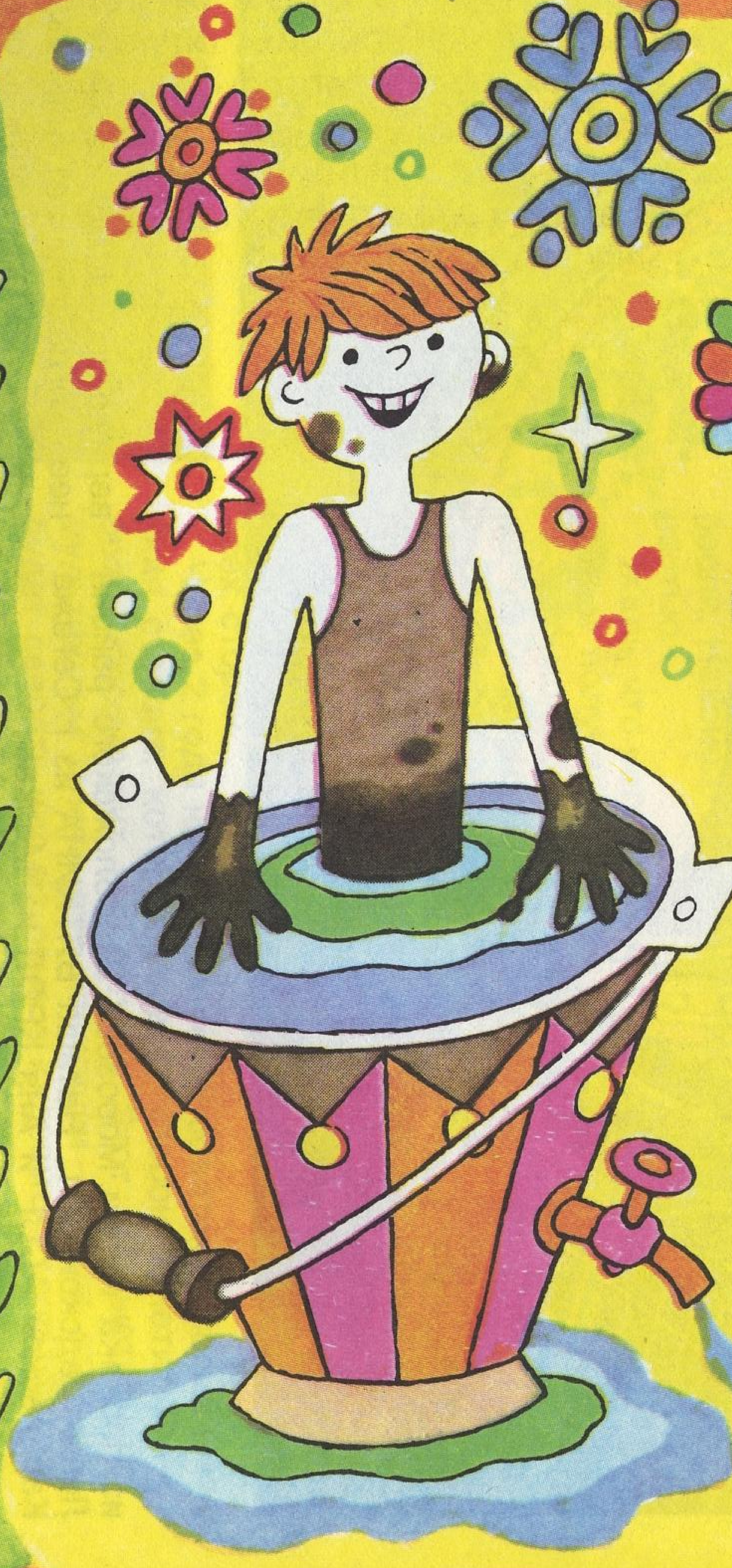
* * *

Учитель. *Приведи пример описания природы в стихах.*
Ученик. *«И в темный лес ягненка поволок».*

* * *

Учитель. *Почему ты не занимаешься в последнее время?*
Ученик. *Если я буду заниматься, то кто будет с Жучкой-то играть?*

Прислали Константин Жаркой из Улан-Удэ, Света Волынская из г. Мантурово и Люда Исаева из села Ново-Фриг Дагестанской АССР.



ПЕРЛовая КНИГА

«Бабушка так крепко спала, что падала на ходу».
«Он вымыл руки по пояс».
«Лошади и другие колхозники были обсыпаны глубоким снегом».
«С одной стороны озера был сад, мы в нем купались».

ПЕРЛы прислали
С. Невредимова из Нижнего Тагила,
Таня Забегалина из поселка Угольные Копи Магаданской области,
Елена К. из Ленинграда
и Толя Кузнецов из г. Сарапула.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Борис ГУРЕЕВ

СЛОВЕСНАЯ ИСТОРИЯ

У самой школы меня нагнал Витька Малышев и хлопнул по плечу.

— Ривепт! Жик кавешь?

— Чево-а? — не понял я.

— Я вогорю: при-вет! Как жи-вешь?

— А-аа! А мне чего-то послышалось...

— Полы-ысшалось! — протянул Витька.— И чениго бете не полысшалось. Это я песциально восла тупаю, точфы нитко не гадодался. Няпол?

— Чево-а?

— Понял?

— А-а! — сообразил я.— Это ты специально, что ль? Слова путаешь, да?

— Ну! Да. Пу-таю,— с некоторым усилием произнес Витька.— Что-бы ник-то не гадодался.

— Не догадался? А зачем?

— Дано! — коротко ответил Витька.— Надо то есть. Представляешь, если овосить... ос-воить этот метод, можно кого угодно пузатать... ну, за-путать, няпол?

— Ня-апол! — сказал я, хотя, честно говоря, не совсем понял, зачем нужно кого-то путать.

Но тут раздался звонок, и мы побежали в класс. Пока Нина Павловна раздавала тетрадки с контрольными работами, Витька продолжал шепотом развивать свою идею.

— Нипомаешь, и-ногда бывают сиатуции... ситуации, когда просто обнеходимо пузатать... нипомаешь? Например, ты мне вознишь по лефотену... по теле-фону и спрашиваешь точь-бунид... Точь-бунид... что-нибудь... вот. А я не гому вогорить: у немя дорители дяром... и нуж-но иметь войс ширф... шифр... свой... вогори гдотао чем чохешь и ник-то не гадодается!.. Я вчера десь вень трени-ро-вал-ся, и видишь: лопучается как!..

— Здорово получается! А зачем ты сейчас-то путаешь?

— Для тре-ни-ровки. А когда надо... я напря-гаюсь и вогорю морнально... нор-мально го-ворю... А когда...

— Малышев! — строго сказала Нина Павловна.— Что это ты так разговорился, а? Иди-ка к доске...

И Витька пошел к доске.

— Та-ак! Что было задано на дом? — спросила Нина Павловна.

Витька напрягся, собрался, выдохнул и четко произнес:

— На дом было за-дано... — он победоносно посмотрел в мою сторону,— реотема Пифагора задом надано. И вде дазачки.

— Ты хочешь сказать две задачки? — не обращая внимания на смех в классе, произнесла Нина Павловна.— И теорема?

Витька растерянно кивнул. Он действительно хотел правильно сказать, но, наверное, уже никак не мог перестроиться.

— Та-ак,— как ни в чем не бывало сказала Нина Павловна.— И о чем же повествует эта теорема, а Малышев? Знаешь?

Витька кивнул, напрягся, выдохнул и быстро-быстро проговорил:

— Вадракт тигепонузы варен ммусе вадрактов текатов.

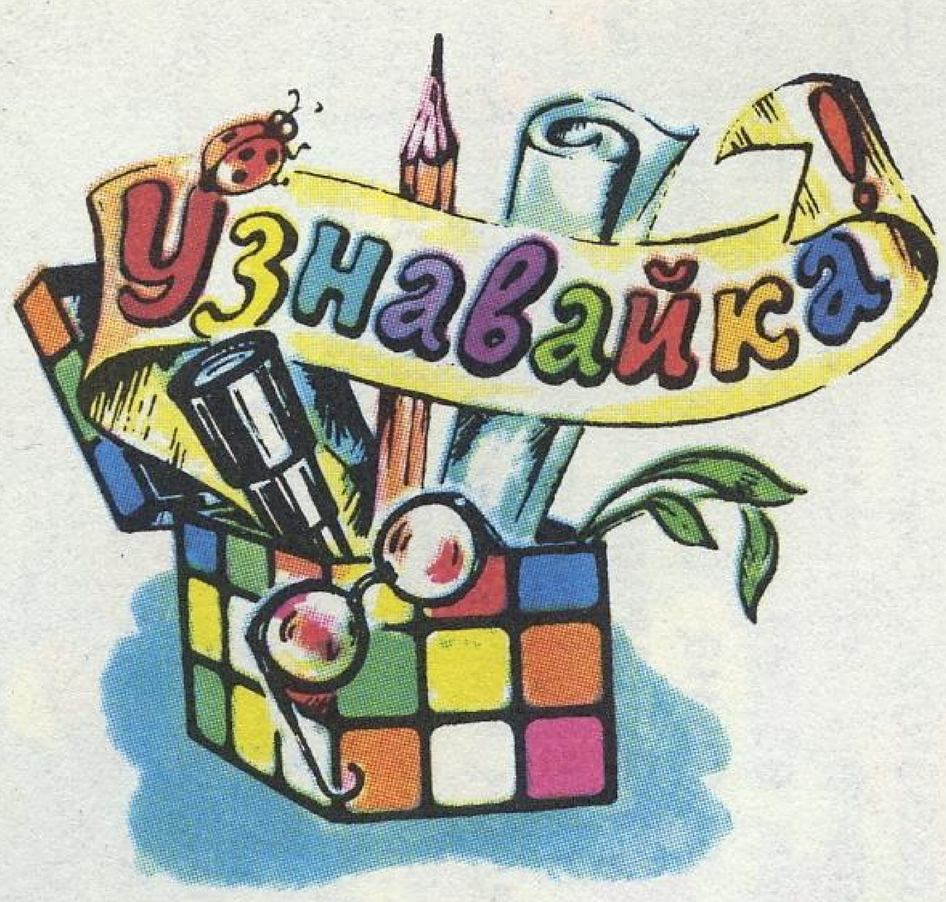
— Та-ак!.. — протянула снова Нина Павловна и, переждав очередной взрыв хохота, обратилась к классу.— Дело в том, что Малышев, очевидно, решил изобрести новый язык, понятный только посвященным, но при этом так увлекся, что сам же в нем и запутался, верно Виктор? — Витька потупился и зашмыгал носом.— Идея, правда, не очень новая, да и система так себе,— улыбнулась Нина Павловна.— Подумаешь, переставил несколько слогов — смысл-то

можно легко уловить! Вот, я помню, у нас в детстве была такая система... м-мм! никто разгадать не мог. Н-да. Ну что ж, садись, Малышев. К сожалению, вынуждена поставить тебе двойку, несмотря на всю твою изобретательность.

— Чепому-у? — обиженно протянул Витька.— Чепому квойду?

— Топому! — сказала Нина Павловна.— Топому, что ты неверно сформулировал теорему. Даже в твоем варианте... м-мм... рифотема Пирафага должна была прозвучать приблизительно так... м-мм... «во сявком ряпмоугольном уготрельнике вадрактов нидлы тигепонузы варен ммусе нидл вадрактов текатов» — длин квадратов катетов. Вот так-то, Малышев. Как ни переставляй буквы, как ни крути словами, а суть остается прежней: урока ты не знаешь! Или, говоря языком математики: от репемены месл стогаемых ммуса, что?...

— Мененяется! — вздохнул Витька и поплелся на свое место.



И грех, и смех

Никто не застрахован от ошибок. Даже такой безгрешный справочник, как энциклопедический словарь. Его назначение — вносить ясность по каждому вопросу, оберегать от ошибок других. И тем не менее... Вот что написано в одном из самых знаменитых энциклопедических словарей, издаваемых во Франции фирмой Ларусса:

«Иван IV Грозный — русский царь (1530 — 84), прозванный за свою жестокость Васильевичем».

Волшебная бессмыслица

Сочинение — дело непростое. Тем более когда пишешь его на уроке в классе. Одни ребята подходят к работе серьезно и со звонком сдают интересные маленькие рассказы. Другие — пишут «как попало» методом «тяп-ляп», и в результате... На следующий день учитель укоризненно скажет: «У тебя, Иванов (Петров, Сидоров), не сочинение, а бессмысленный набор слов, просто какая-то абракадабра».

Оставим плохое сочинение на совести Иванова (Петрова, Сидорова) и займемся последним словом учителя. Что «абракадабра» значит «бессмыслица, ерунда», ясно каждому, и в то же время... Уже много веков на Востоке разные маги, шаманы, колдуны пользуются этим словом, приписывая ему чудодейственные свойства. Оно якобы может спасти от «дурного глаза», развеять «злые чары», излечить от всех недугов, если носить на шее амулет с этим словом. Но написано оно должно быть не как-нибудь, а особым, волшебным образом. Учитывая несомненный интерес к данному вопросу, раскрою тебе тайну. Писать надо так:

АБРАКАДАБРА
АБРАКАДАБР
АБРАКАДАБ
АБРАКАДА
АБРАКАД
АБРАКА
АБРАК
АБРА
АБР
АБ
А

Но почему именно «абракадабра», откуда она взялась? Оказывается, это слово произошло от имени восточного божества Абракакса, которое, по верованиям древних, имело власть над 365 враждебными человеку духами (по одному духу на каждый день года). И, следовательно, тому, кто защитится его именем в виде магического слова, любые беды не страшны.

Ты, конечно, понимаешь, что в действительности ни само слово, ни любое его написание никакой сверхъестественной силой не обладают. А небылицами о нем пользуются шарлатаны, чтобы обманывать легковерных людей. Так что, выходит, абракадабра и в самом деле бессмыслица, ерунда, хотя и «волшебная».

М. ЗАЛЕССКИЙ.

Как не попасть пальцем в небо?

Выпуск четвертый

Ответы на вопросы из выпуска второго:
1. В лес можно зайти только до середины. Потом начнешь выходить.
2. Всегда увеличивается и никогда не уменьшается возраст.
3. Идет, оставаясь на месте, дорога.

Новые вопросы:
1. Что часто падает, но никогда не ушибается?
2. Когда у слонов бывает восемь ног?
3. Загадка Леонардо да Винчи: «Чем больше от нее берут, тем больше она становится. Что это?»

И напоследок — веселая история.

На столике в школьном буфете табличка: «Стол для старшеклассников». На ней какой-то баловник приписал: «Но можно также класть ножи и вилки».

По вертикали:

1.

2.

3. Город-порт на Черном море.

5.

6. Вкусное угощение.

11. Gletscher.

12. (Название эффекта.)

15. «...... дороже денег». (Пословица.)

По горизонтали:

4. Расставание со старым годом.

7.

8. Начало реки.

9. Полк, батальон, ..., взвод, отделение.

10. Что это за игра?

13. Обычно
От вас это держат
В секрете,
А я не скрываю,
Товарищи дети:
Хочу, чтобы вы,
Дорогие читатели,
Не даром
За чтением время
потратили.
(Автор?)

14. Из чего изготовлена свеча?

16. ?

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 11.

По горизонтали: 3. Поселок. 6. Павлин. 7. Прялка. 9. «Торпедо». 14. Аллегро. 15. Хоровод. 16. Прожектор. 17. Секунда. 18. Подклет.

По вертикали: 1. Помидор. 2. Коррида. 4. Кассиопея. 5. Аккордеон. 8. Спортсмен. 10. Кляссер. 11. Природа. 12. «Колобок». 13. Токарев.

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

Поздравляем новых разрядников

В этом последнем номере года хотим сообщить новым любителям шахмат, что 970 участников наших заочных соревнований получили спортивные разряды. Справки о разрядах сейчас рассылаются.

Наша судейская коллегия продолжает также рассматривать результаты турниров, проведенных в школах и пионерских лагерях. По многим из этих турниров также присвоены спортивные разряды любителям шахмат.

Хорошо провели свое первенство ребята из школы поселка Кодинск (Красноярский край). Победитель чемпионата Витя НОВОСЕЛОВ, успешно сыгравший также в районных соревнованиях клуба «Белая ладья», получил второй разряд. Третий спортивный разряд получили САДОВОЙ и СИАГИН.

По итогам турнира в Бурнаевской средней школе (Алексеевский район Татарской АССР) третий разряд присвоен Васе ЕЛИКОВУ, Эдику ЕНЗАЕВУ, Светлане ТЯМИНОВОЙ, Саше ЯКОВЛЕВУ и Саше ЕНЗАЕВУ.

Уверенно играла Наташа ДАНЬШИНА, занявшая первое место в чемпионате своей восьмилетней школы имени А. Фирсова (поселок Поляки, Путятинский район Рязанской области). Наташе присвоен третий разряд. По итогам этого турнира четвертый спортивный разряд получили Алексей КАРАСЕВ, Сережа ЕРМОХИН, Валерий КАРАСЕВ и Андрей МАТРОСОВ.

С большим размахом провели свой школьный турнир ребята из села Науалы Семипалатинской области. Здесь вначале прошли отборочные встречи, затем был разыгран финал.

Чемпионом школы стал Жаныбек СЕПТЕГЕПОВ. Он получил третий спортивный разряд. Также третьеразрядником стали Серик АБЫЛКАСЫМОВ и Алеша ЖАНУСЛАЕВ.

Судейская коллегия продолжает свою работу. Присылайте в редакцию таблицы ваших турниров, интересные партии.

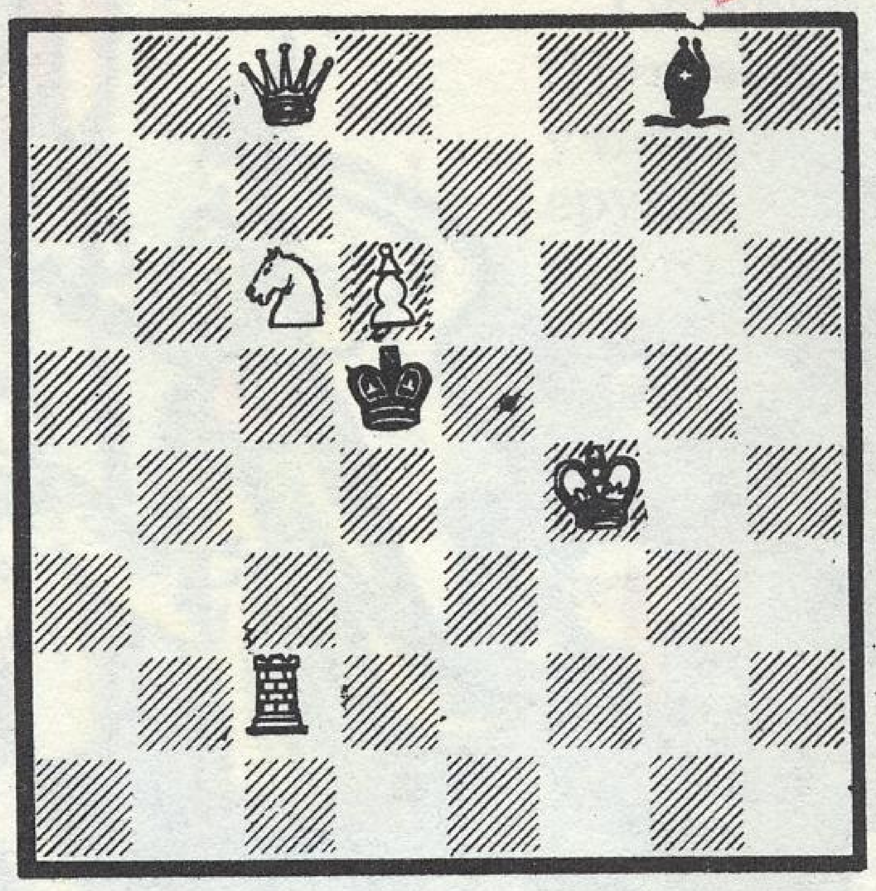


Диаграмма № 1.

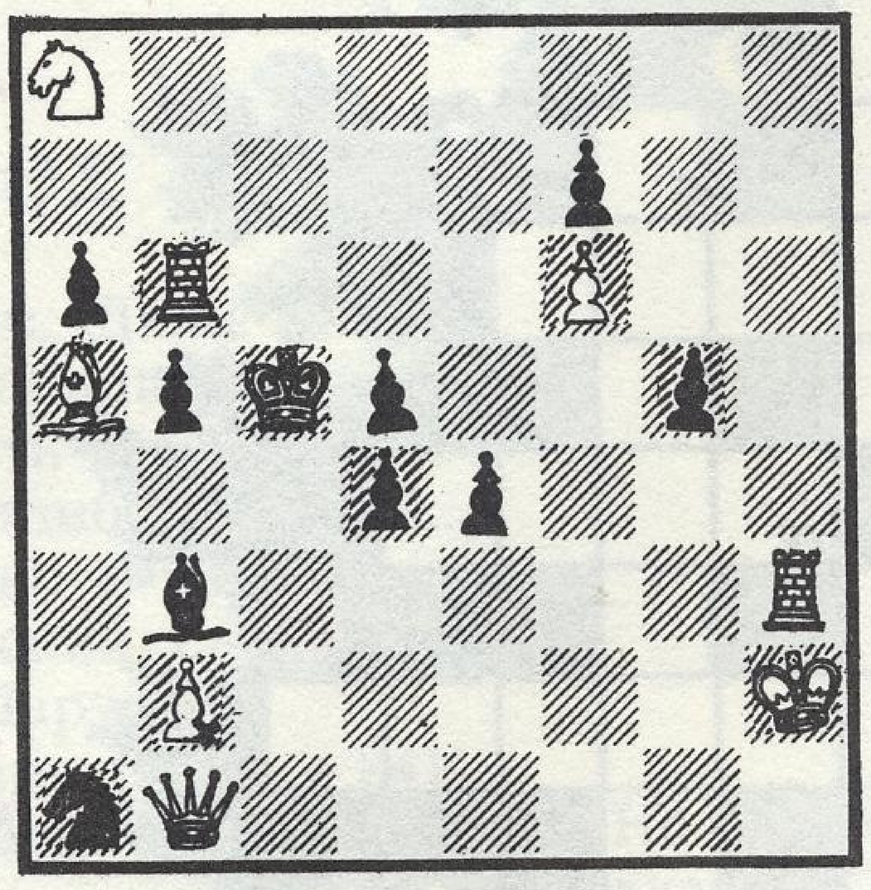


Диаграмма № 2.

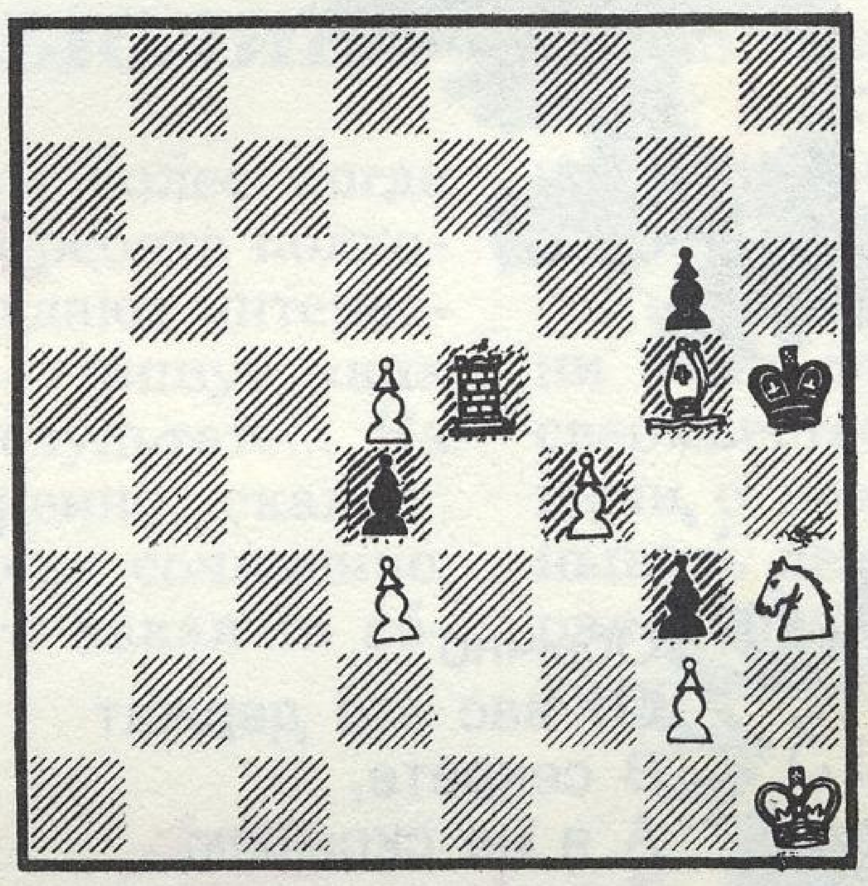
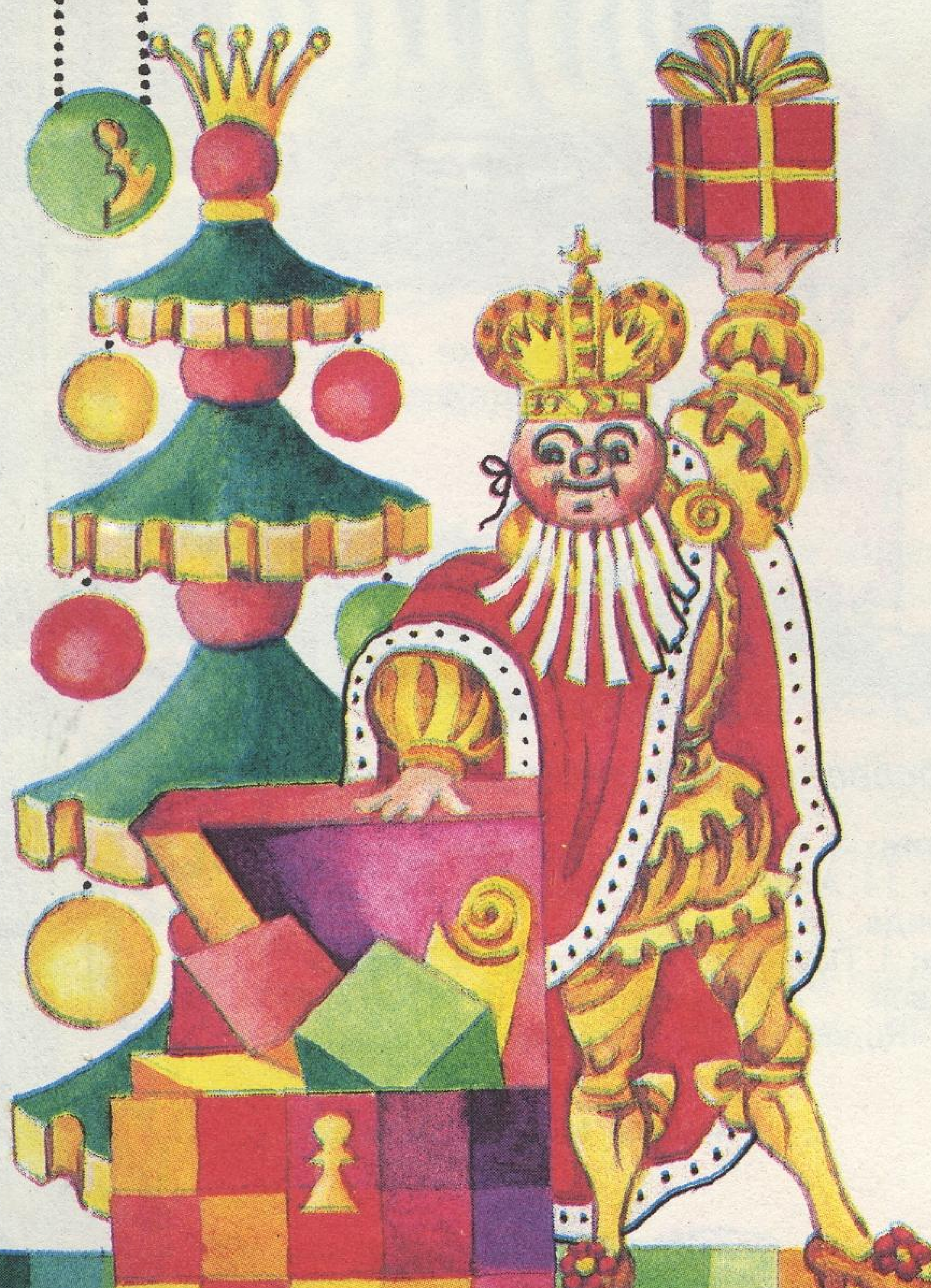


Диаграмма № 3.



Новогодний конкурс

В наш праздничный новогодний конкурс мы включаем три красивые задачи. Вам предстоит также ответить на два вопроса по истории всесоюзных соревнований команд пионерских дружин на приз клуба «Белая ладья».

Диаграмма № 1

Найдите, как белые дают здесь мат в два хода. И в этой, и в двух других задачах игру начинают белые.

Диаграмма № 2

Хотя пять белых фигур ведут атаку на короля, дать мат в три хода совсем непросто. В поисках решения вы, наверное, согласитесь с этим мнением.

Диаграмма № 3

Черный король увертлив, он упорно защищается, но при правильной игре белых мат в четыре хода неизбежен.

А теперь два наших вопроса:

1. Когда был организован пионерский шахматный клуб «Белая ладья», какая команда была первым чемпионом клуба?

2. Кто из наших гроссмейстеров свой путь в большой спорт начинал в финальных турнирах клуба «Белая ладья»?

50 победителей конкурса будут премированы шахматными книгами и награждены грамотами журнала.

Тем из вас, кто не имеет спортивного разряда, правильные ответы на задания конкурса дадут возможность получить четвертый спортивный разряд.

И просьба к вам, ребята: на письмах делайте пометку **«Новогодний конкурс».** Пишите нам также о том, как проходят у вас в школе турниры «Белая ладья».

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

Содержание журнала «Пионер» за 1987 год

ПОВЕСТИ

Маняша.— М. Прилежаева.— №№ 1—3.
Великий малыш.— В. Рыбин.— №№ 2, 3.
Оранжевый портрет с крапинками.— В. Крапивин.— №№ 4—8.
Конь на вечерней заре.— М. Винграновский.— № 5
Мальчишка-командир. Главы из повести.— Б. Камов.— №№ 6, 7.
Ранний экспресс.— Л. Кузьмин.— №№ 8—10.
Девочка по имени Лотос.— А. Овчаренко.— №№ 9, 10.
Пашкины колокола.— А. Рутько.— №№ 11, 12.
Тайна бабушкиного парика.— Ю. Сотник.— № 12.

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

Яблоки из деревни.— Э. Корпачев.— № 1.
Пестрая рыбка.— Е. Чернов.— № 1.
Кузнец из Большого Вуттона.— Джон Р. Р. Толкиен. Перевели с английского Ю. Нагибин и Е. Гиппиус.— № 2.
Крыша.— М. Карпович.— № 3.
Золотое зерно.— З. Воскресенская.— № 4.
Скатерть-самобранка, или Сказка о том, как Иван-Богатырь для всех счастья добыл.— А. Лесь.— № 4.
Снежный барс.— В. Потиевский.— № 5.
Политическая ошибка.— А. Некрасов.— № 6.
«Студеная река — красные берега». Рассказы.— Л. Яхнин.— № 7.
Урок мужества.— А. Маркуша.— № 9.
Через всю ночь.— В. Кава.— № 10.
Родничок.— А. Глебов.— № 10.
Ломка костей.— Д. Хармс.— № 10.
Собаки нашего двора.— Е. Долматовский.— № 11.
Енот-адъютант.— С. Летт.— № 11.
Марина и Валерка.— Л. Матвеева.— № 12.

СТИХИ

Пастушок.— А. Хаидов. Перевел с туркменского Вл. Орлов.— № 1.
Поленница. Дом со скрипучим крыльцом. Хоккей. Отъезд.— С. Махотин.— № 1.
Солдат домой вернулся. Небылица. Деревянные ложки. Зажглись по избам огоньки. «Всегда деревня привечала»...— А. Логунов.— № 2.
Простая арифметика. Весна пришла! Старый каштан. Космические перегрузки.— А. Костецкий. Перевел с украинского В. Корчагин.— № 3.
Снимается кино. Кто когда встал.— З. Туманова.— № 3.
Какие бывают слова. Бастанги. Мельница. Кто что любит.— М. Алимбаев. Перевели с казахского Ю. Кушак и И. Мазнин.— № 4.
Рассказ вальщика леса.— В. Аушев.— № 4.
«Как славно жить на свете»...— Л. Логунов.— № 4.
В лесу. Колодец. Моряк. Учитель. Град.— Ю. Луцкевич.— № 5.
«Он будет — день»... — Б. Куняев.— № 5.
Сыну.— А. Кондратьев.— № 5.
Деду, которому двадцать лет... — А. Исмаилов. Перевел с лезгинского Б. Пчелинцев.— № 6.
Два урока труда. Блестящая мысль. «Навестил». Для чего растет лес. Маруська. Запомни меня!— Л. Фадеева.— № 6.
О чем рассказали следы.— Ю. Могутин.— № 7.
Высоко в Карпатах. Сломанная ветка. Горная тропинка.— С. Жупанин. Перевел с украинского А. Крестинский.— № 8.
Что случилось с 5-м «А»? Поэма.— В. Высоцкий.— № 9.
Осень, здравствуй! Погонщик. Песня о жар-птице.— В. Кожемякин.— № 9.
«Я больше не буду...»— С. Махотин.— № 10.
Декламатор. «Если кто-нибудь в когонибудь»...— М. Вейцман.— № 10.
Тринадцать мальчишеских лет. Баллада о женском имени. Пакет.— А. Шлыгин.— № 11.
Первый вечер войны. В глубоком тылу. Путь в читальню. Сиротская зима. Отцовский подарок.— В. Берестов.— № 12.

КОРАБЛИК — №№ 1—12.

ПЕСНИ

Любимый край.— Музыка Ю. Чичкова. Стихи О. Ураева.— № 5.

ПИОНЕРСКАЯ И ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Свет в школьных окнах.— В. Вяликов.— № 2.
Свет «Зарницы».— Н. Ламм.— № 3.
О том, что важно сегодня.— № 4.
Говорить или делать?— Материал подготовил пресс-центр «Каравелла».— № 5.
Интервью с самим собой.— Н. Богданов.— № 5.
На берегу Комсомольского озера.— М. Геллер.— № 5.
Всем, всем, добрый день! Главы из книги.— С. Фурин.— №№ 6, 7.
Первый Всесоюзный...— Л. Разгон.— №№ 8, 9.
IX пионерскому слету — салют.— № 8.
Прощальный дуб.— И. Андрианова.— № 8.
Ветер в гриве коня.— В. Крючков.— № 10.
Экспедиция «Зеленая карета».— № 10.
Начала.— И. Андрианова.— № 11.
«...Садовник, сапожник, портной — кто ты такой?» — М. Бусинова.— № 12.
От первого лица.— М. Матвеева.— № 12.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ «РВС» — №№ 1—12.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

Назначаю себя тимуровцем.— Б. Ермолаева.— № 5.

БОЕВОЙ ЛИСТОК.— №№ 1, 7.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА И ПРОТИВ»

Вызовем марсиан или все решим сами?— Е. Рыбинский.— № 6.
Моя семья, когда я вырасту.— О. Хмелева.— № 11.

МОЙ КОНЕК

Об истории Большой и Малой.— С. Голицын.— № 10.

ИГРЫ С ЧИПОМ. Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал.— №№ 1—12.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Сказочное посольство.— А. Орлов.— № 1.
Красная шапочка из Брно.— Н. Бессонова.— № 6.
Дети вместе строят мир.— № 6.
Чтобы не умереть с голоду.— В. Лупашко.— № 6.
Фестивальная ромашка отправляется в Пхеньян.— № 6.
В гостях у «Пионера» журнал «Залгамжлагч».— № 7.
Пхеньян — столица XIII фестиваля.— № 9.
«В Америке у нас не было будущего».— А. Антонов и Т. Гераскина.— № 10.
Язык мира и дружбы.— Н. Тарасенко.— № 11.
Гости клуба «Товарищ»; «Всегда держать данное слово».— Н. Бессонова.— № 12.

ЖИЗНЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Это было на Припяти.— М. Одинец.— № 2.
На земле и в космосе.— П. Попович.— № 4.
Время сейчас — молодое.— А. Кочанов.— № 5.
Близко к сердцу.— А. Друянова.— № 8.
«Ищу друзей». Библиотека.— Беседу с Г. С. Васильевой ведет А. Друянова.— № 9.
Мужская профессия.— И. Чмуров. Записал Н. Ламм.— № 10.
Главный вопрос.— Беседу с Е. Яковлевым записал Н. Ламм.— № 11.
Детский мир.— И. Гамазкова.— № 12.

ВСТРЕЧАЯ XX СЪЕЗД КОМСОМОЛА

Четыре дня из жизни Татьяны Юдиной.— Н. Ламм.— № 4.

ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ

Авторы В. Луцкий, Т. Кузьмин и В. Миллер.

Пролог.— № 1.
Падение двуглавого орла.— № 2.
Двоевластие.— № 3.
Слово как набат.— № 4.
«Мы из Кронштадта».— № 5.
Есть такая партия.— № 6.
Конец двоевластия.— № 7.
Рожденные бурей.— № 8.
Революционный держите шаг.— № 9.
«Своею собственной рукой».— № 10.
Мы родом из Октября.— № 11.

ВМЕСТЕ ЦЕЛАЯ СТРАНА

Главный рабочий.— С. Иванов.— № 1.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Ведет В. Никитина.

Трамвай на послезавтра.— А. Владимиров; **Что помнят деревья.**— В. Никитина; **Вот это глазищи!**— Е. Курапова; **Собака Баскервилей и величайшее открытие нашего века.**— П. Савко; **«Он просто не ощущал своего величия...»** — Э. Л. Андроникашвили.— № 1.
Искусство спасти красоту.— Р. Шульгина; **Мастерство огня.**— Г. Михайлов; **Что делать с комарами?**— М. Костин; **Морозные узоры в жаркий день.**— Л. Викторова: **Могущественная цифирь.**— П. Савко.— № 3.
Терминал отменит командировки.— А. Семенов; **Огонь против огня.**— М. Батorцев; **Экстрасенсы, нильские слоники и сверхприборы.**— К. Борский: **Бактерии сигналят: все в порядке.**— П. Савко; **Тайна рисунков пустыни Наска.**— В. Никитина. № 5.
Какого цвета температура? — А. Семенов: **«Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь»**— Л. Викторова; **Самые древние жадины.**— П. Савко.— № 7.
Чудеса в заморозье.— А. Семенов; **Подзорная труба да часы...**— В. Иноходцев; **Дом построим из воды!**— А. Владимиров; **Долго ли съесть мамонта?**— П. Савко; **А теперь посчитайте сами!**— № 9.
Топливо с луны.— Г. Степанов; **Сорок градусов в нашем доме.**— В. Полищук; **Земля имеет форму... яблока!**— А. Семенов; **Крошки-кони.**— М. Кривич; **Вверх дном.**— Л. Викторова.— № 11.
В Юрских лесах.— И. Яковлева.— № 1.

ТОЧКА НА КАРТЕ

Символ бесстрашия и героизма.— № 2.
То самое Кашино.— Н. Викторов.— № 3.
Водлозеро.— П. Благин.— № 10.
Возле дома — Африка.— Н. Викторов.— № 11.

В МИР ПРЕКРАСНОГО

«На тебя устремлены глаза России».— В. Порудоминский.— № 1.
Мудрость и красота.— Г. Шишкина.— № 4.
Главная мысль лица.— В. Порудоминский.— № 8.
Несколько театральных секретов.— В. Викторов.— № 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Слушай, дерево.— Ю. Коваль.— № 2.
Счастье писателя.— Б. Камир.— № 3.

ПИСАТЕЛИ НАШЕГО ДЕТСТВА

Ведет Л. Разгон.

Константин Паустовский. Грач в троллейбусе. Рассказ.— № 1.
Агния Барто. Бабочка в городе. На букву «Л». Я лишний! Я люблю ходить вдвоем! Стихи.— № 4.
Алексей Мусатов. Дом на горе. Отрывок из книги.— № 7.
Евгений Пермяк. Крылатая изменщица. Про еловые шишки. Рассказы.— № 8.
Самуил Маршак. Если бы да кабы... Из английских детских стихов.— № 10.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КНИГИ

«Дайте адрес главного героя...»— В. Разумневич.— № 11.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА

«Я родился в Овстуге...»— С. Богатырева.— № 3.
Пьеса для дома на Малой Ордынке.— Е. Селезнева.— № 5.
«Мелодией одной звучат печаль и радость...»— Е. Селезнева.— № 9.

В КАЮТ-КОМПАНИИ «КОРАБЛИКА»

Ведет Н. Давыдова.

Рифма и ритм.— № 6.
«Учиться ремеслу».— № 11.

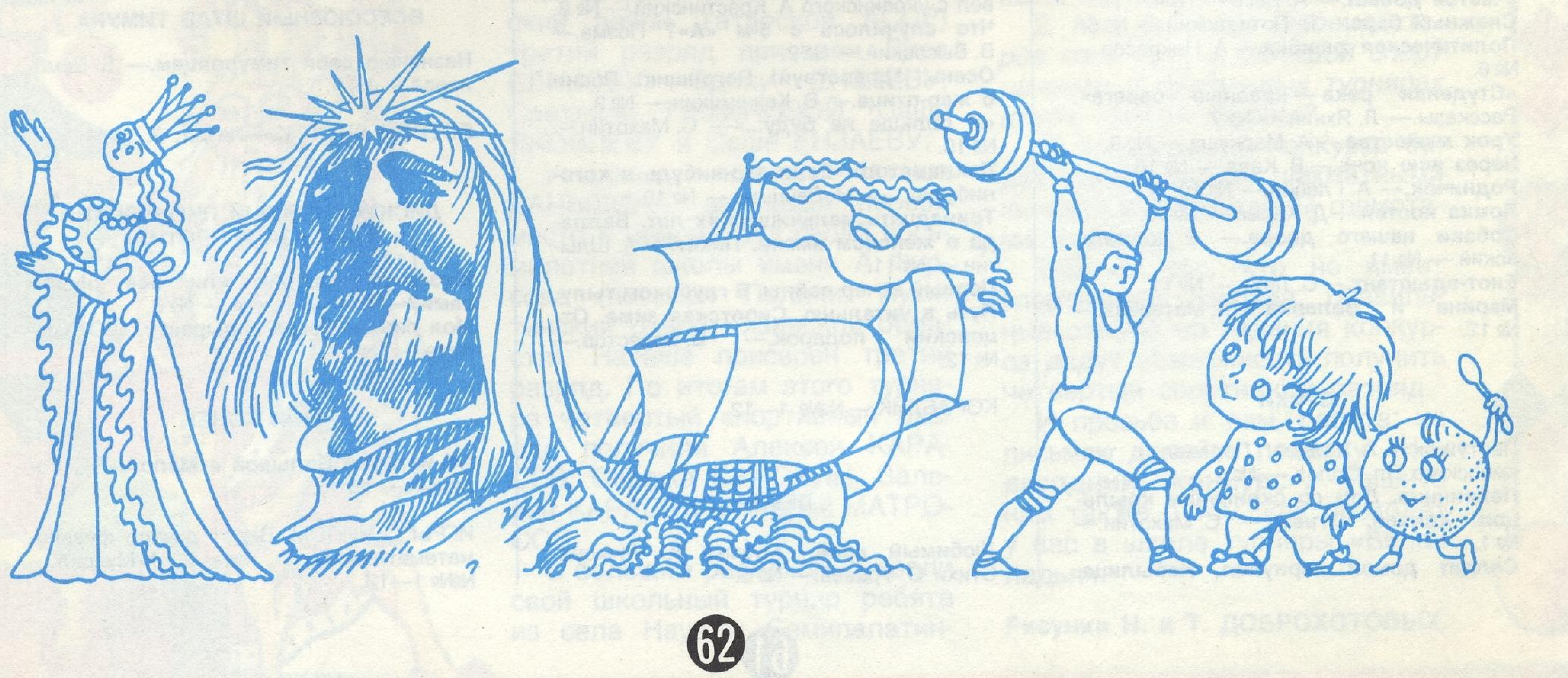
ДОМОВЕНОК И КОМПАНИЯ.

Ведет А. Черняховская.— №№ 7—12.

УЗНАВАЙКА

Ведут М. Залесский и В. Кожемякин.

Ну и фрукт! Покушение на генерала. «Штурвал». — № 5.
Марафон по-королевски. Малиновки заслышав голосок... Пионерский кроссворд.— № 6.
Всем известно, но... Железный автограф. Рука в гербе. В ожидании Большого Пса. Автокроссворд.— № 7.
Время — деньги. Судьба второго хлеба. Чайнворд про птиц и зверей. Как не попасть пальцем в небо?— № 8.
Везде ли можно наследить? Кто есть кто? Зубы не роскошь. Кроссворд.— № 9.
От чего зависит победа? Розовый конфуз. Услышать — значит увидеть.— № 10.
152 года и 3 месяца. О птицах на страницах. Как не попасть пальцем в небо? Кроссворд.— № 11.
И грех и смех. Волшебная бессмыслица. Как не попасть пальцем в небо?— № 12.



ПИОНЕРСКИЙ СПОРТЗАЛ

Клуб силачей.— М. Залесский.— №№ 1, 3, 5, 7, 9, 11.

На шестом небе.— С. Бубка. Записал С. Шачин.— № 9.

«Остановиться — значит проиграть».— И. Роднина.— № 11.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.— Ведет М. Юдович.— №№ 2, 3, 6, 8, 10, 12.

ЮМОР

Ради любви. Стихи.— К. Бендова. Перевел со словацкого Ю. Вронский.— № 1.

Роль. Стихи.— В. Липатова.— № 2.

Устами младенца. Попугай-нарушитель. Дурной пример. Рассказы.— И. Бейдер.— № 2.

Смелый барашек. Лесная арифметика.— Л. Устинов.— № 3.

На практике. Рассказ.— Н. Шульга.— № 3.

На дворе трава, на траве... Стихи.— Т. Иштрикова.— № 5.

Геройский поступок. Рассказ.— А. Курляндский.— № 5.

Это мой папа. Джентльмены. Прогадал. Рассказы.— В. Алеников и В. Зеликовский.— № 6.

Про дивано-иностранo-чемодано огурец. Стихи.— Э. Успенский.— № 10.

Жертва эксперимента. Рассказ.— Е. Габова.— № 11.

Благодарный зритель. Рассказ.— Ю. Ермолаев.— № 11.

Словесная история. — Б. Гуреев.— № 12.

КОНКУРСЫ. ВИКТОРИНЫ

«Наш друг — Венгрия, наши друзья — венгерские пионеры». Итоги викторины.— № 4.

Литературная викторина-блиц.— № 10.

В оформлении журнала участвовали художники:

П. Багин, А. Борисов, Р. Варшамов, Л. Владимирский. А. Вовикова, А. Гришин, Н. Доброхотова, Т. Доброхотова, В. Дудкин, Ю. Карпова, Е. Медведев, А. Мелик-Саркисян, К. Орлов, И. Панков, В. Сафонов, Ю. Рогозин, П. Сацкий, Е. Стерлигова, С. Трофимов, Н. Федорова, Л. Хачатрян, Е. Шабельник, Н. Шеварев, В. Шкарбан.

Фотокорреспонденты:

А. Бочинин, М. Вылегжанин, В. Гусев, А. Жмулюкин, Б. Задвиль, А. Захарченко, Н. Кочнев, Р. Лапицкий, В. Машатин, Р. Папикьян, С. Сафонова, Ю. Соколов, В. Устинюк.

Лауреаты «Пионера» 1987 года

В 1932 году в журнале «Октябрь» появился рассказ «На краю». Его автором был тогда еще совсем молодой Арсений Рутько. С тех пор у Арсения Ивановича вышло более тридцати книг. Но если первый его рассказ был вполне взрослым, то книжки в основном детские. Наверное, многие из вас читали его романы и повести об Иване Болотникове «Оплачено многаю кровью», «Детство на Волге» — о Владимире Ильиче Ленине, «Их жизнью, и смертью» — об одном из руководителей московских большевиков Григории Усиевиче. Как видите, Арсений Иванович любит писать об отечественной истории. «И о хороших людях»,— добавляет сам писатель. В своей новой повести «Пашкины колокола» («Пионер» №№ 11, 12), переданной в наш журнал в канун 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, он остался верен этой любви.

За повесть «Пашкины колокола» **Арсению Ивановичу Рутько** присуждены диплом имени А. Гайдара и премия.

Представьте себе профессора, доктора физико-математических наук. Представили? Теперь посмотрите на фотографию рядом. Ну как, похож? На наш взгляд, не очень. И все-таки Александр Аркадьевич Мигдал, а именно его фотография сейчас перед вами, самый настоящий профессор и доктор наук. Мало того, свою докторскую диссертацию он защитил, когда ему было всего двадцать семь лет. Казалось бы, у такого человека время должно быть расписано буквально по минутам. Ведь чтобы столько успеть в свои, в общем-то, небольшие годы, надо всего себя отдать своей любимой науке, а на остальное даже внимания не обращать. Но Александр Аркадьевич Мигдал успевает еще и придумывать рассказы, стихи и... игры. А в том, что он делает это очень занимательно и весело, убедились те, кто вот уже почти два года играет в «Игры с Чипом».

За ведение рубрики «Игры с Чипом» **Александру Аркадьевичу Мигдалу** присуждены премия «Пионера» и диплом имени Л. А. Кассиля.

Всегда ли вы смотрите на подписи, стоящие под фотографиями в журнале? Нет? А напрасно. Потому что именно глазами фотокорреспондента видят читатели почти все, о чем говорится на журнальных страницах. И если, чтобы наверстать упущенное, взять теперь подшивку «Пионера» за последний год и внимательно изучить, какие фамилии стоят под снимками, то можно убедиться: многие сделаны Михаилом Вылегжаниным. Благодаря ему вы познакомились с делегатами XX съезда ВЛКСМ, побывали в Перми и Артеке, увидели «прощальный дуб» в селе Желанном Шацкого района Рязанской области и многое другое. Обычно в журнале «Пионер» печатаются фотографии, сделанные Михаилом Вылегжаниным, а для этого номера мы его самого сфотографировали. Сфотографировали потому, что за серию снимков, опубликованных в журнале «Пионер» в 1987 году, **Михаилу Андреевичу Вылегжанину** присуждены премия и диплом имени Н. Н. Жукова.

Содержание

С Новым годом.— Б. Минаев .... II обл.
Пашкины колокола.— Повесть А. Рутько. Окончание. Рисунки А. Борисова 3
От первого лица.— М. Матвеева. 15
«...Садовник, сапожник, портной — кто ты такой?» — М. Бусинова. Рисунки Н. Шеварева. Фотографии Н. Бликова 18
Юнкоровский пост «РВС» 22
Марина и Валерка.— Рассказ Л. Матвеевой 25
Детский мир. — И. Гамазкова. 29
Есть идея! 31
Первый вечер войны. В глубоком тылу. Путь в читальню. Сиротская зима. Отцовский подарок.— Стихи В. Берестова 32
Международный пионерский клуб «Товарищ» 34
Тайна бабушкиного парика. — Повесть Ю. Сотника 37
Однажды, выйдя из школы...— Стихотворение Ж. Превера 45
«Кораблик» 46
Несколько театральных секретов. — В. Викторов 48
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал. 54
Переменка 56
Узнавайка 58
В стране Шаха — владыки черных и белых полей 60
Содержание журнала «Пионер» за 1987 год 61
Лауреаты «Пионера» 1987 года 63
Домовенок и компания 64

На обложке:
Рисунок А. Борисова.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Н. А. ФЕДОРОВОЙ**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1987.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 08.10.87.
Подписано к печати 21.10.87. А 05144. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 2998. Заказ №1401.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Утром Винни-Пух сделал открытие. И поспешил поделиться с другими: скатал из лежащего во дворе снега снежок и запустил им в открывшуюся дверь. Матроскин подпрыгнул! А Винни радостно спросил:

— Не ожидал? Зима на дворе! Давайте скорее горку ледяную делать!

Матроскин холодно возразил:

— Этот снег еще растает. До Нового года-то далеко...

— Все равно надо уже к нему готовиться! — убежденно ответил медвежонок.— Вдруг Новый год придет, а мы не сможем его принять как следует...

— Новый год ко всем одинаково приходит.

— Верно. Только встречают его все по-разному! И мы должны немедленно обсудить, что нам надо делать.

Первый совет дал Колобок.

РЕЦЕПТ МОРОЖЕНОГО КРЕМ-БРЮЛЕ

10 кусков сахара положить в кастрюльку, слегка смочить водой, поставить на огонь и довести до светло-коричневого цвета. Влить полстакана воды и дать прокипеть еще раз. В другую кастрюлю высыпать 1 чайную ложку крахмала, вылить пол-литра молока, доба-

вить 3 чайные ложки сахарного песка. Поставить на огонь и, постоянно помешивая, довести до кипения. Вылить туда разведенный жженый сахар. Два яичных белка тщательно взбить и перемешать с содержимым кастрюли. Добавить туда разведенную в воде одну чайную ложку желатина и еще раз хорошенько перемешать. Затем разложить крем в блюдечки, маленькие вазочки или розетки и поставить их в морозильник. Когда крем как следует застынет, его можно есть.

— А я знаю, что мы будем пить на Новый год,— радостно заверил всех Матроскин.

— Молоко? — скептически посмотрел на него Винни-Пух.

— Не бойся, Винни! Называю этот напиток в честь моей любимой коровы.

МОЛОЧНЫЙ КОКТЕЙЛЬ «МУРКА»

Все очень просто. Смешать пол-литра кефира, стакан молока, стакан любого фруктового сока, 1 желток. Добавить 1 столовую ложку сахарного песка или меда. И готово!

— Очень хорошо! — удовлетворенно выслушал Матроскина Домовенок,— но хватит заниматься готовкой. В Новый год, когда надо обязательно успеть попрыгать, поиграть в веселые игры, потанцевать... Слушайте, надо устроить карнавал! — прервал сам себя Домовенок. — Конечно, самый подходящий для карнавала случай — новогодний.

— А мы успеем сшить костюмы? — спросил практичный Колобок.

— Можно, конечно, и костюмы шить,— ответил Домовенок.— Но гораздо проще всем сделать маски. Вот ты, Матроскин, кем хотел бы нарядиться?

— Мышонком! — не задумываясь, ответил тот.— Меня бы никто не узнал!

— Пожалуйста,— сказал Домовенок.— Я знаю, как делать маску мышонка, вороны, лисы...

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

Для маски мышонка требуется плотная бумага, желательно серого цвета. Если серой нет, то, естественно, белую бумагу надо покрасить и дать ей высохнуть. Потом нарисовать на ней круг диаметром 22 сантиметра. Сложить его, как показано на рисунке, и вырезать сектор в зависимости от размеров лица. Остается склеить края, и получится конус. Теперь нарисуйте два уха диаметром 10 сантиметров, следуя схеме. Вырежьте их. В бумажном конусе прорежьте отверстия, чтобы вставить туда уши. Не забудьте про дырочки для глаз. Вокруг них можно наклеить белые овалы, а наверху — черные полосочки бровей. На острие наклеивается маленький конус из черной бумаги — нос. Под носом ниточкой пришиваются усы. Их можно выполнить из разрезанных вдоль соломинок для коктейлей, толстой жесткой лески, остатков капроновых сеток для овощей. Сзади маски пришивается резинка.

Для маски вороны годится любая плотная бумага. Нужно только вырезать по размерам, указанным на схеме, две детали. Сложить так, как показано стрелками. Привести в соответствие стороны А и $А^{I}$, А и В и $А^{I}$ и $В^{I}$ и склеить кусочками бумаги изнутри. В указанных местах — $АА^{I}$ и $ВВ^{I}$ — сшить нитками.

Теперь снова мышь, но летучая. Берется один лист голубого цвета размером 50×60 см. Складывается пополам, и на него переносятся линии с чертежа, учитывая размеры головы. Затем все нужно вырезать, а в местах пунктирных линий сложить. Склеить, как указано. Не забудьте приклеить уши.

Из листа черного цвета размером 28×14 см выкраивается черная маска на лицо. Прежде чем прорезать дырки для глаз и носа, обязательно примерьте на себя. Затем черную маску надо соединить с голубой деталью и склеить их. Можно из голубой бумаги вырезать большой воротник и,потом приколоть его булавками к одежде.

Вообще для масок годится не только бумага, он и подручный материал. Например, бумажная тарелка — ее можно раскрасить или наклеить вырезанные из цветной бумаги черты лица какого-нибудь героя. С двух боков приклеить резинку, вырезать отверстия для глаз, носа и рта — и маска готова.

Годится для карнавала и большой бумажный пакет. Отрезать у него дно, вырезать отверстия для рта, глаз, носа, а брови, щеки, уши вырезать из цветного целлофана и наклеить в нужных местах. Так можно сделать маску клоуна.

— Вот у нас все и готово к Новому году! — обрадовался Винни-Пух.

— Во-первых, еще не готово, а только придумано, что и как надо сделать,— заметил папа Карло.— А во-вторых, мы совсем забыли решить очень важный вопрос — как украшать елку.

— Елку можно вообще не ставить в комнату,— сказала Белоснежка.— Мне ее жалко... пусть растет в лесу, лучше мы сходим к ней сами.

— Хорошая мысль, согласился Домовенок.— Но все-таки как-то надо дом украсить.

— Я думаю, можно сделать так... — задумчиво произнесла Белоснежка.

НОВОГОДНИЙ ИНТЕРЬЕР

Интерьер — это внутреннее убранство дома. Интерьер может быть очень красивым, но к Новому году его можно преобразить. Например, с помощью еловых веток и шишек.

Еловые лапы можно поставить в ведро, банку с водой. Чтобы они лучше держались и смотрелись, сделайте для них решетку из плотного картона или возьмите пластмассовые решетки для раковин. Каждую веточку вставьте в персональную дырку, и таким образом отрегулируется разная высота веток. Решетка вырезается по диаметру посуды и вставляется сверху, после того как налита вода. На ветки можно повесить золоченые шары, тоже самодельные: надо аккуратно разделить грецкие орехи, вынуть и съесть середину, сделать из тоненькой проволочки петельку, вложить ее внутрь, сложить обе половинки ореха и склеить их (эпоксидным клеем, клеем «Момент»). Орех обернуть золотой или серебряной бумагой от конфеты или чая. В петельку продернуть нитку и повесить на елку.

Можно сделать забавные игрушки из яиц. В сыром яйце иголкой с тупого и острого конца проделать по дырочке и выдуть его содержимое в чашку. Акварельными красками нарисовать на скорлупе симпатичную мордочку, например, портрет Винни-Пуха или Домовенка, клоунскую маску — словом, все что угодно... Взять спичку, посередине ее привязать нитку. Просунуть спичку с ниткой внутрь раскрашенного яйца. Спичка примет такое положение, что обратно не выпадет.

— Кажется, теперь мы действительно придумали все,— сказал Домовенок.— Осталось только сделать.

— И весело встретить Новый год! — добавил Винни-Пух.— Чего и всем ребятам желаем. И поздравляем их всех-всех — и тех, кто уже прислал нам письма, и тех, кто еще только собирается это сделать, и тех, кто просто читает про нашу компанию. Ответить всем лично мы, увы, не можем, но, честное слово, постараемся выполнять ваши просьбы в наступающем году.

Цена 30 коп. Индекс 70694.